

ДИАЛОГ

Амурский краеведческий альманах

ВРЕМЕН

№ 4

2021

ДИАЛОГ ВРЕМЁН

Амурский краеведческий альманах

Выпуск 4

2021

Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

Редакционная коллегия:

Главный редактор:
Праскова Оксана Сергеевна

Заместитель главного редактора:
Дымова Ирина Владимировна

Члены редакционной коллегии:
Телюк Татьяна Николаевна,
Кобзарь Валентина Петровна,
Сахончик Станислав Митрофанович,
Никиткин Павел Маркелович,
Чеснокова Марина Константиновна,
Андреева Екатерина Александровна

Графическая модель, обложка, вёрстка:

Гнускова Марина Ивановна

Отпечатано в типографии
АОНБ им. Н.Н. Муравьёва-Амурского,
675000, Благовещенск, ул. Ленина. 139.

Подписано в печать 10.10.2021

Формат 60×84/8

Бумага офсетная

Гарнитура с засечками Times New Roman

Усл. печ. л. 10.23

Дата выхода в свет 21.10.2021

Тираж 100 экз.

12+

Содержание

Слово редактора Праскова О. С.	3
Коллекция /Коллекционеры. Музеи. Находки. Археология/ Лушнов В. И. Факторы успеха дипломата Н. П. Игнатъева	4
Боевец М. Ю. Неутомимый искатель (к юбилею Г. С. Новикова-Даурского)	19
Чеснокова М. К. А. В. Кириллов. 170 лет со дня рождения	24
Энциклопедия /Люди. Биографии. Судьбы/ Коробий И. И. Благовещенск. История строительства каменных казарм	27
Алексеева Г. К. Из истории дачного района старого Благовещенска	34
Тур О. Г. А. П. Новокшёнв. Священник, строитель, миссионер	40
Хронограф /Даты. События. Мероприятия/ Кобзарь В. П. Полувековой юбилей Благовещенска	44
Телюк Т. Н. Юбилей в изгнании (празднование 85-летия Благовещенска в Харбине)	48
Толстенко В. П. К 100-летию Благовещенск просто затопило	53
Архив /Документы. Исследования. Редкие книги/ Белов-Щусь В. Н. Село Песчаноозерское Амурской области в первые 30 лет своего существования (1884–1914)	56
Становкина Н. В. «Безотлагательно открыть приходы и причты» (из истории первой церкви с. Ромны)	64
Кобзарь В. П. По страницам «Амурской правды» военных лет	70
Художественное слово Черкесов В. Н. Рассказы из повести о детстве «Синее стеклышко»	75
Дом окнами на Амур	75
Притяжение реки	76
Вот придёт китаец	77
Смышляев А. А. Притягательность Амура	80

63.3(2Рос-4Аму)
Д44

Диалог времён : амурский краеведческий альманах / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьёва-Амурского ; под ред. О. С. Прасковой. – Благовещенск : Издательство АОНБ, 2021.
Вып. 4. – 2021. – 88 с. : ил., портр. – 100 экз.

Статьи и библиографические описания приведены в авторской редакции.

Выпуск содержит научно-популярные статьи, освещающие различные аспекты краеведения Приамурья. Основной темой выпуска является юбилей города Благовещенска, которому в 2021 году исполнилось 165 лет. Городу Благовещенску посвящены разделы «Энциклопедия /Люди. Биографии. Судьбы/», «Хронограф /Даты. События. Мероприятия/», «Художественное слово». Альманах представляет интерес не только для учёных-историков, краеведов и литераторов, имеющих предметом своих исследований историческое и культурное наследие Амурской области и смежных территорий, но и для широкого круга читателей. Амурский краеведческий альманах «Диалог времён» имеет электронную версию, которая размещена на сайте ГБУК «АОНБ им. Н. Н. Муравьёва-Амурского» по адресу: www.libamur.ru в разделе «Ресурсы. Архив изданий».

О. С. ПРАСКОВА,
исполняющий обязанности директора
Амурской областной научной библиотеки
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

У каждого из нас есть своя малая Родина. Любовью к ней и к людям, живущим на этой земле, гордостью за свой край пронизан амурский краеведческий альманах «Диалог времён».

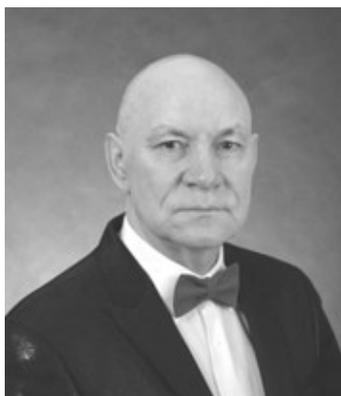
Пока мы интересуемся прошлым, изучаем свою историю, не прерывается связь поколений. Наверняка нет такого человека, которому было бы совсем не интересно место, где он живёт или где жили его предки. Чем больше он узнаёт о нём, тем больше проникается уважением и любовью к своему посёлку, городу, региону.

Любой человек – педагог, врач, геолог, журналист, пенсионер, студент – может быть краеведом. Каждый может изучать свой край либо с точки зрения своего рода занятий, либо по интересующему направлению.

Традиции краеведческого поиска в Приамурье развиваются. Свидетельство этому – имена на страницах четвёртого выпуска «Диалога времён»: Г. К. Алексеева, учитель русского языка и литературы, заслуженный учитель школы Российской Федерации, В. Н. Белов-Щусь, писатель генеалог, краевед, председатель Елабужского отделения Русского географического общества, М. Ю. Боевец, заведующий экскурсионным отделом Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского, И. И. Коробий, главный архитектор Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, В. П. Кобзарь, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей, В. Н. Черкесов (г. Белгород), А. А. Смышляев (г. Петропавловск-Камчатский), члены Союза писателей России, В. И. Лушнов, генеральный директор Дальневосточного издательства «Букер», Н. В. Становкина, краевед из с. Ромны, Т. Н. Телюк, кандидат философских наук, заместитель генерального директора ЗАО «Амурская ярмарка», О. Г. Тур, краевед, блогер, М. К. Чеснокова, заведующий отделом краеведения и редких книг Амурской областной научной библиотеки имени Н. Н. Муравьева-Амурского.

Благодарим авторов и членов редколлегии за совместную работу по развитию краеведческого проекта.

Приглашаем авторов для публикации в следующих выпусках альманаха.

В. И. ЛУШНОВ,
генеральный директор
Дальневосточного издательства «Букер»
(г. Хабаровск)

Автор данной публикации подготовил к изданию к 190-летию со дня рождения генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Николая Павловича Игнатъева две книги: «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев» и «Из архива генерала Игнатъева: документы, письма, записки». Обе книги выходят из печати осенью 2021 года.

ФАКТОРЫ УСПЕХА ДИПЛОМАТА Н. П. ИГНАТЬЕВА

Тема заключения генералом Н. П. Игнатъевым Пекинского договора 1860 года сегодня является особенно актуальной – в 2022 году будет отмечаться 190-летие со дня рождения генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Николая Павловича Игнатъева. В истории Дальнего Востока второй половины XIX века много лет оставались неисследованными страницы, одна из которых связана с его именем. И только изучение документов и писем, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Н. П. Игнатъева, помогли дополнить недостающие сведения о нашем герое.

В этой статье автор впервые называет несколько положительных факторов, благодаря которым российский уполномоченный в Китае генерал Н. П. Игнатъев выполнил свою миссию – подготовил и подписал 2 ноября 1860 года от имени Российской империи Пекинский договор, подтверждавший и дополнявший Айгунский (16 мая 1858 года) и Тяньцзиньский (1 июня 1858 года) договоры [прим. 1].

В едином ключе с содержанием подготовленных к изданию книг «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев» и «Из архива генерала Игнатъева: документы, письма, записки» автор цитирует своих героев, публикует фрагменты архивных документов, письма и фотографии.

Поддержка Дома Романовых

Предок дворянского и графского рода русского происхождения Игнатъевых – чернигов-

ский боярин Фёдор Акинфиевич Бяконт с супругой Марией в 1296 году, в период государственного Даниила Александровича, переехал в Москву и был боярином великого князя Симеона Гордого. Старший сын его, Елевферий Симеон Фёдорович (по документу фонда Игнатъева «время рождения Святого Алексия относится к 1297 году, в котором Даниил Александрович был Великим Князем»), в 1313 году постригся в монахи и впоследствии стал митрополитом Московским, известным под именем Алексей; православная церковь причислила его к лику святых; мощи его покоятся в построенном им Чудовом монастыре.

Составитель «Истории родов русского дворянства» П. Н. Петров начинает описывать фамилию Игнатъевых с Павла Николаевича Игнатъева – представителя потомства младшей линии, тверской ветви, происходившего от Ивана Игнатъевича Плещеева и самого младшего из пяти его сыновей – Михайлы Ивановича Игнатъева. Старший из четырёх сыновей Михайлы Ивановича – Григорий Михайлович – был отцом Романа Григорьевича, с которого начинается родословная фамилии Игнатъевых в Гербовном деле департамента герольдии (1794 год, № 538). Из потомства стольника Филона Афанасьевича (тверской ветви) в XVIII веке были известны его сын Иван Филонович и внук Николай Иванович, секунд-майор, помощник Осташковского уезда, служивший по выборам в чине надворного советника. Секунд-майор Н. И. Игнатъев – отец генерала П. Н. Игнатъева, дед генерала Н. П. Игнатъева.

*Николай Павлович Игнатъев.
Константинополь, после 1864 года.
ГА РФ. Фонд Игнатъева: 730-1-5054*

*Павел Николаевич Игнатъев.
Санкт-Петербург, после 1872 года.
ГА РФ. Фонд Игнатъева: 730-1-5083*

В XIX веке историческая миссия Игнатъевых – Павла Николаевича и его сына Николая – была предопределена событиями декабря 1825 года и января 1832 года, когда родственные семьи Игнатъевых и Мальцовых приблизились к царствующему в России с 1613 года Дому Романовых. Так, 14 декабря 1825 года капитан Павел Игнатъев не выступил против власти, а во главе первой роты лейб-гвардии Преображенского полка прибыл на Дворцовую площадь в распоряжение нового царя Николая I, за что был пожалован флигель-адъютантом.

Сын Павла Игнатъева – Николай Игнатъев, будущий генерал от инфантерии, родился 17 января 1832 года в Петербурге и был крещён 31 января в Сергиевском всей артиллерии соборе. При его крещении присутствовали пономарь Михаил Заозерский, наследник Его Императорского Высочества цесаревич Великий князь Александр Николаевич и жена секунд-майора, кавалера Ивана Иоакимовича Мальцова – Капитолина Михайловна [1].

Крестившему потомка боярина Фёдора Бяконта и митрополита Московского Святого Алексия младенца Николая Игнатъева наследнику Его Императорского Высочества цесаревичу Великому князю Александру Николаевичу шёл пятнадцатый год. С 18 февраля 1855 года он – Император и Самодержец Всероссийский. На годы цар-

ствования Николая I Павловича и Александра II Николаевича выпали годы службы Н. П. Игнатъева.

Из архивных источников известно, что во время своей службы молодой офицер встречался с императором Николаем I, покровительствующим его отцу – почётному офицеру лейб-гвардии Преображенского полка Павлу Николаевичу Игнатъеву. Перечислить все даты личных встреч Николая Игнатъева с императором Александром II не представляется возможным, но в книге «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев» приводятся несколько таких фактов.

Находясь в своей первой заграничной командировке в Англии, полковник Игнатъев весной 1857-го получил отпуск и уехал в Париж на консультацию с докторами по поводу лечения ноги, травмированной на манёврах в 1852 году. Тогда он, будучи в чине штабс-капитана, выполнял личное приказание Государя Николая I Павловича. Падение с лошади привело к порыву оболочки большого мускула на левой ноге, которая впоследствии начала сохнуть, и доктора, лечившие Николая Павловича в Санкт-Петербурге и Париже, считали для него невозможным ездить верхом. Вопрос лечения ноги и восстановления «здоровья вообще»: зрения, горла, желудка – очень волновал его родных. Павел Николаевич писал сыну, что здоровье нужно, в первую очередь, для службы, и летом

1857 года Николай отправился в Париж на консультацию к докторам, а затем для лечения на курорты – в Германию (Висбаден) и Бельгию (Остёнде). Решалась его дальнейшая судьба: продолжить военную службу, получить назначение начальником дивизионного штаба, взять под командование пехотный полк на юге «как средство узнать и часть России и внутреннее хозяйство войска» (дипломатическая работа не рассматривалась) и свести к минимуму верховую езду или согласиться принять должность директора канцелярии и работать с бумагами. При этом, не учитывая фактор здоровья, отец и сын были едины в одном: *«Нельзя отвергать, что ты более всякого другого имеешь обязанность посвятить себя всецело Государю и Государству. Сперва следует заплатить долг, а потом уже помышлять о себе»*.

В письме к сыну от 22 августа 1857 года из Царского Села отец писал: *«Вчера вечером закончил письмо к тебе, милый, добрый Друг мой, а теперь хочу еще промолвить несколько слов дополнительно. Государь, прощаясь со мной, сказал: когда придет к вам ваш сын, поцелуйте его за меня. Я отвечал, что ты выразил в последних письмах желание выждать где-нибудь на пути проезда Его Величества»* [2].

Из письма Павла Николаевича от 22 августа 1857 года мы узнаём, что о дальнейшей службе сына – военного агента в Лондоне, полковника Игнатьева, ему ещё не было известно. Да, отец настаивал на лечении, на путешествии, но в дальнейшем видел сына только командиром полка, а отнюдь не дипломатом: *«По сему полагал бы, если здоровье твое потребует, взять тебе на зимнее время отпуск, в Италию и Францию; одним словом за границу, а возвратясь, прямо взять полк»*.

Мама Николая, Мария Ивановна, в письме к сыну от 6 января 1858 года из Санкт-Петербурга в Рим пишет: *«Государь очень милостиво спрашивал о тебе 30-го на бале у себя, сказал, что надеется, что твое здоровье совсем поправится»*. Весной 1858 года Николай Игнатьев находился на пути в Хиву и Бухару, а 23 апреля отец сообщал ему: *«21-го был парад, отличный во всех отношениях, коему благоприятствовала прекрасная погода. Все спрашивают о тебе с участием. Государь отзывался с милостивым благоразумием о надежде на твою находчивость»* [3].

Крёстный отец готовил своего крестника, потомка черниговского боярина Фёдора Бяконта и митрополита Московского, Святого

Алексия, к великим делам, видел деятельность Николая Игнатьева иной, чем его родной отец, генерал П. Н. Игнатьев. Император уверенно подводил офицера Н. П. Игнатьева к решению государственных дел, в число которых входили Амурские дела (разграничение России с Китаем на Амуре и Уссури). Их решение определило дальнейшую принадлежность территории современного российского Дальнего Востока. Действительно, если хоть на минуту представить отказ Дома Романовых от рассмотрения Амурских дел, от поддержки Г. И. Невельского, Н. Н. Муравьёва и Н. П. Игнатьева, вырисовывается следующая картина: на карте Российской Федерации отсутствуют Амурская, Сахалинская и Камчатская, Еврейская автономная области, Хабаровский и Приморский края, нет российских портов на Тихоокеанском побережье.

Продолжительный деловой контакт императора с полковником Игнатьевым отмечен в период работы Николая Павловича корреспондентом Военного ведомства (военным агентом) в Лондоне, когда он выезжал по вызову Александра II в августе 1857 года в Варшаву, и там они часто совершали поездки вдвоём. Это исторический факт, дошедший до нас благодаря автобиографическим запискам Николая Игнатьева (отец учил сына ежедневно записывать все события, вести дневник).

Флигель-адъютант с 6 декабря 1855 года, генерал-майор Свиты Его Императорского Высочества с 25 декабря 1858 года, а с 8 декабря 1860 года – генерал-адъютант (все производства состоялись по Высочайшим повелениям Александра II) Н. П. Игнатьев по долгу службы нередко бывал на официальных приёмах во дворце Романовых. Он получал из рук крёстного отца ордена, слушал Высочайшие приказы о новых назначениях, участвовал в обсуждении перспективных задач, для решения которых заранее готовил записки со свежими мыслями, тактическими ходами. До 1859 года генерал Игнатьев получил пять объявленных в приказах по Военному ведомству Высочайших благоволений императора, четыре из них – до вступления на дипломатическое поприще.

В 1857-м и 1858-м годах, после завершения Николаем Игнатьевым дел в Англии и путешествия по странам, его судьбу решал император Александр II. После отчёта о работе военного агента в Лондоне Высочайшим приказом полковник Игнатьев был назначен главой миссии в Хиву и Бухару, затем уполномоченным в Китай и более 10 лет служил послом России

в Турции. Будучи в отставке, в автобиографии Николай Игнатьев рассказывал о милости, оказанной ему Домом Романовых, и объяснял, какими были его первые шаги на дипломатическом поприще. Отец беспокоился о судьбе сына, но поддерживал его: *«Не смущайся, милый Друг, загадкой, что из тебя сделают. Да будет с тобою, что Богу угодно».*

Перед нами исторический факт, замечательный пример ответственности русского царя перед Богом за духовное воспитание и благочестие своего крестника, Николая Игнатьева. Император Александр II был со своим крестным сыном одного поколения. Именно при нём, своем крестном отце, Игнатьев 2-й совершил для России великие дела, вошёл в отечественную и мировую историю как автор Пекинского договора 1860 года и Сан-Стефанского мирного договора 1878 года, ушёл в отставку генералом от инфантерии, членом Государственного Совета спустя два года после смерти своего духовного родителя.

Сегодня нам, дальневосточникам, необходимо акцентировать внимание на теме юридического закрепления российской государственности на Дальнем Востоке, свершившегося благодаря Александру II и его крестнику, подчёркивать значение события 2 ноября 1860 года – дня подписания Пекинского договора молодым генералом Игнатьевым. При этом нужно рассказывать и о трудностях процессов, происходящих на границе России и Китая в те годы, и об итогах работы русских посланников в Пекине, отмечать знаменательные даты, а также чаще рассматривать личностные особенности главных героев исторических событий.

Малоизученной остается деятельность Н. П. Игнатьева на посту директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел России, а именно решение Игнатьевым дальневосточных проблем в 1861–1864 годы. Младший брат генерала Н. П. Игнатьева – генерал А. П. Игнатьев около трёх лет исполнял обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири, а Белый дом в Иркутске, постоянную резиденцию генерал-губернатора, он занимал почти пять лет с января 1885-го по август 1889 года. Служба в Сибири была наиболее плодотворным (художественно неопианным) периодом жизни генерала Алексея Павловича Игнатьева. По каким-то причинам до сих пор не публикуется информация о проезде дочери графа Николая Павловича Игнатьева, графини Екатерины Николаевны Игнатьевой, летом 1900 года по Амуру на пароходе

«Джон Коккериль», посещения ею Хабаровска, отъезде в Маньчжурию. В 1905 году она с группой сестёр милосердия Свято-Троицкой общины работала в Морском госпитале города Владивостока. Разве сегодня это не важно для воспитания молодого поколения и, прежде всего, юных дальневосточников? На школьных уроках, при рассмотрении роли личности в истории, ученики (особенно на Дальнем Востоке) должны непременно узнать о выдающихся личностях XIX века – Александре II и его крестнике Николае Игнатьеве.

Сотрудничество с Министерством иностранных дел

Забывая о судьбе сына – первого военного агента за границей, офицера Генерального штаба Николая Игнатьева, находившегося в Англии с секретной инструкцией, но подчинённого русской дипломатической миссии, генерал-губернатор Санкт-Петербурга П. Н. Игнатьев имел частые беседы с министром иностранных дел А. М. Горчаковым, назначенным главой внешнеполитического ведомства в 1856 году. Осенью в Лондоне флигель-адъютант Игнатьев встретился с русским послом графом М. И. Хрептовым и его советником бароном Н. П. Николаи, беседовал с российским военно-морским агентом в Лондоне и Париже графом Е. В. Путятиным.

В декабре 1856 года посол во Франции граф П. Д. Киселёв познакомил полковника Генерального штаба Н. П. Игнатьева с некоторыми участниками 2-й Парижской конференции (встречи): первым представителем России на форуме – 70-летним графом А. Ф. Орловым; французским министром иностранных дел, сыном Наполеона I Бонапарта и Марии Валевской (Лончинской) – графом Ф. А. Валевским; французским секретарём на конференции Винсентом Бенедетти; послом в Лондоне бароном Ф. И. Брунновым (в качестве второго уполномоченного России вёл переговоры на Парижском конгрессе); бароном И. Гюбнером – австрийским послом на Парижской конференции и другими. Именно там, в Париже, Игнатьева посвящают в планы Англии, связанные с дипломатической работой с Китаем. Англичане намеревались достигнуть торговых льгот, права плавания по китайским рекам и прочно утвердить своё влияние в цинском Китае, открыть Англии доступ на территорию страны и в её столицу при содействии Франции, которую английское правительство для поддержания союза, ослабевшего после окон-

чания Крымской войны 1853–1856 годов, приглашало к сотрудничеству [4].

В конце февраля 1857 года генерал-губернатор Санкт-Петербурга Павел Игнатьев с дочерью Ольгой Павловной был у князя Горчакова. В МИДе похвально отзывались о Николае Павловиче. Посол в Великобритании барон Ф. И. Бруннов, с которым военный агент, полковник Н. П. Игнатьев познакомился в своей первой командировке за границу, передавал через генерала Вилламова [прим. 2] (при встрече с ним в Берлине) генерал-губернатору Санкт-Петербурга П. Н. Игнатьеву, что он влюблён в его сына. Позже, анализируя своё первое появление на дипломатической площадке за рубежом, Николай Павлович придавал особое значение отношениям с графом П. Д. Киселёвым и бароном Ф. И. Брунновым. 30 августа 1857 года «за отлично-усердную службу» Н. П. Игнатьев был Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени. Орден полковник Генерального штаба Николай Игнатьев получил из рук крёстного отца – императора Александра II во время поездки в Польшу.

Командировка Н. П. Игнатьева в Англию ещё не завершилась, когда император приказал ему прибыть в Министерство иностранных дел, в Азиатский департамент, для назначения дипломатической миссии.

Прибыв в Петербург, Игнатьев обратился в Азиатский департамент, к директору Е. П. Ковалевскому и там узнал, что проект отправки посольства в Персию опоздал – англичане и австрийцы уже успели обогнать русских. Николай Павлович изучал архив в Азиатском департаменте и там завязал отношения с опытным русским дипломатом, действительным статским советником Н. А. Аничковым, сотрудниками департамента князем Н. М. Голицыным (знарок Сибири) и коллежским секретарём, канцелярским чиновником Фёдором Андреевичем (Фёдор Эмануил Эрдман) Вольфом (секретарь Игнатьева в Пекине). Ковалевский и Горчаков хотели воспользоваться службой Игнатьева на Востоке, и тот, чтобы подготовиться к своей будущей карьере, в конце октября с Высочайшего соизволения отправляется в добровольное путешествие в Турцию и Египет для знакомства со странами.

Цель его поездки названа в книге редактора-издателя А. М. Шампаньера «Деятели России» 1906 года издания, в биографии «Граф Н. П. Игнатьев»: «Был командирован для осмотра консульств в Египет».

Путь Николая Павловича лежал через Вену, где он знакомится с русским дипломатом и послом в Вене бароном А. Ф. Будбергом. Там же встречается со славянскими деятелями Ф. Паллацким, Ф. Ригером, Ф. Браунером, А. Добрянским и Наумовичем. Игнатьев побывал в Праге и Триесте, а в Венеции познакомился с итальянским патриотом Оливо. Дальнейший его путь проходил через остров Корфу, Сиру и Константинополь.

В Константинополе Николай Павлович был принят русским дипломатом А. П. Бутеневым и встречался с военным агентом В. А. Франкини (первый губернатор Карской области, писатель, генерал-лейтенант, знал всё о персидской и турецкой армиях, владел многими восточными языками). Там же он знакомится с князем А. Б. Лобановым-Ростовским (советник посольства) и Е. П. Новиковым (младший секретарь миссии) – ярким болгарофилом. В Константинополе флигель-адъютант Игнатьев добывает некоторые военные сведения и оттуда едет в Афины. По дороге беседует с дипломатом А. П. Озеровым (русский чрезвычайный посланник и полномочный министр при греческом дворе в 1857–1861 годах) и находит в нём «отзывчивое русское сердце». В Афинах встречается с французским дипломатом и предпринимателем, руководителем строительства Суэцкого и Панамского каналов Фердинандом Мари де Лессепсо, с которым быстро сходитя и который впоследствии приезжал к послу в Константинополе генерал-адъютанту Н. П. Игнатьеву, посещал его в Перу [5].

По всеподданнейшему докладу МИДа и Высочайшему приказу Государя Императора Александра II в октябре 1857 года полковник Н. П. Игнатьев был назначен начальником русской миссии в Хиву и Бухару. 17 апреля 1858 года флигель-адъютанту, офицеру Генерального штаба Н. П. Игнатьеву объявлено особое Монаршее благоволение «за отличное и отчетливое исполнение возложенных на него поручений».

Александр II принимал непосредственное участие в организации похода своего крёстного сына, о чём говорит соответствующая отметка на документе «Состав Бухаро-Хивинской экспедиции»: «По мнению Государя Императора, в Почетный конвой миссии достаточно включить 50 человек, каковое число генерал-адъютант Катенин предлагает усилить 75 человеками от своего прикрепления». Отметим, что Оренбургский генерал-губернатор Александр Андреевич Катенин являлся сослуживцем генерала П. Н. Игнатьева (отца Николая Павловича) по лейб-

гвардии Преображенскому полку – там они служили в памятном 1825 году. Под непосредственным контролем генерал-лейтенанта А. А. Катенина в Оренбурге собирались члены миссии, морские и пехотные офицеры, формировались воинские команды перед выходом в степь в мае 1858 года. По итогам Бухаро-Хивинской экспедиции Игнатьев составил подробный отчёт для Министерства иностранных дел. Александр II после прочтения рукописи своего крестника в подлиннике на отчётной записке написал следующий отзыв: *«Читал с большим любопытством и удовольствием. Надо отдать справедливость генерал-майору Игнатьеву, что он действовал умно и ловко и большего достигнул, нежели мы могли ожидать»*.

Военный, политический и экономический характер миссии полковника Генерального штаба Николая Игнатьева в Хиву и Бухару укрепил его авторитет в МИДе, добавил известности, как совершившему азиатский поход, в котором он приобрёл опыт ведения международных дел, новые связи, новых друзей и приятелей. 24 декабря 1858 года полковник Н. П. Игнатьев был Всемилоштивейше награжден орденом Святой Анны 2-й степени с Императорской короною.

В письме к сыну от 19 марта 1859 года Павел Николаевич писал: *«Вчера представлялся Его Величеству бухарский посланник, вскоре отъезжающий. Выходя к нему для приема, Государь сказал мне: иду принимать вашего приятеля. И действительно, он объясняется о тебе с такой любовью, что мне нельзя не полюбить его. Ковалевский уверяет, что он вполне удовлетворен будет и настаивает на возвращении его на пароход»* [6].

В письмах Павла Игнатьева и Марии Игнатьевой (урожденной Мальцовой) можно отслеживать многочисленные, не все озвученные и не до конца отмеченные в источниках родственные связи Игнатьевых и Мальцовых. Например, автору пока не удалось определить с точностью родство Павла Игнатьева с упоминаемой в его письмах сестрой Варварой Николаевной, которая по данным, почерпнутым из писем, была игуменьей и служила в монастыре. Варвара Николаевна бывала у Игнатьевых в Санкт-Петербурге и живо интересовалась судьбой племянника – Николая Игнатьева. Напротив, в историю вошло имя Ивана Сергеевича Мальцова, двоюродного брата Марии Ивановны. Иван Мальцов учился в Московском университетском благородном пансионе, в 1823

году, после смерти отца, проживал в Москве у своего дяди – Ивана Акимовича Мальцова – отца Марии Ивановны Мальцовой (Игнатьевой), матери Николая. Родство с Иваном Сергеевичем положительно повлияло на личностный рост Николая Игнатьева как дипломата.

И. С. Мальцов продолжительное время служил в Министерстве иностранных дел. Двоюродный дядя был старше Николая Павловича на 25 лет и к началу его дипломатической деятельности уже посвятил дипломатии более двух десятилетий своей жизни. В 1823 году, после окончания Московского университета, его определили в МИД, в Московский архив. В 1826 году Иван Сергеевич был назначен переводчиком, 12 марта 1827 года переведён в Петербург «к делам Коллегии иностранных дел», в апреле 1828 года получил пост первого секретаря посольства в Персии и вместе с полномочным представителем России А. С. Грибоедовым выехал в Тегеран. С июня 1829-го по март 1830 года Иван Мальцов служил в Тавризе в должности генерального консула, в 1831 году, по возвращении из-за границы, уезжал в город Гусь Владимирской губернии, где реорганизовал производство стекла по самой современной технологии. В июне 1834 года был пожалован в звание камергера и в мае 1835-го стал членом Общего присутствия Азиатского департамента, а затем и совета Министерства иностранных дел. В 1835 году он находился за границей в Свите Николая I (при вице-канцлере К. В. Нессельроде). В период 1855–1864 годов трижды был «временно управляющим» Министерством иностранных дел (02.08–09.09.1855; 05.06–25.07.1857; 15.08–03.10.1857; 22.08–24.10.1864) [7].

На время службы в МИДе И. С. Мальцова выпадает дипломатическая активность офицера Гвардейского Генерального штаба Н. П. Игнатьева. Будучи военным агентом в Лондоне, Николай Игнатьев интересовался стрелковым оружием, снарядами и патронами, а его двоюродный дядя Иван Мальцов, находясь за границей, посещал богемские хрустальные фабрики, интересовался техническими новшествами, которые затем с успехом применял на своих предприятиях.

Сведения о личных встречах Николая Игнатьева с Иваном Мальцовым на сегодняшний день не найдены, но его имя несколько раз упоминается в письмах отца Николая Павловича.

С директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевским генерал-губернатор Санкт-Петербурга

П. Н. Игнатъев познакомился в 1857 году, когда его сын находился в Лондоне, за два года до командировки в Китай. Тот признавал ценность сведений, получаемых от военного агента Н. П. Игнатъева: *«сведения отличаются обстоятельностью, верным взглядом, отсутствием шарлатанства и пустых фраз»*. Генерал-майор Николай Игнатъев в марте 1859 года находился в дороге (в Иркутск), а в эти дни в Санкт-Петербурге его отец, не любивший вмешиваться в служебные дела сына, имел несколько встреч с Ковалевским, во время которых обсуждались командировка в Китай и нынешний статус Николая Игнатъева. В одной из таких встреч Егор Петрович рассказал Павлу Николаевичу о плане перевести Игнатъева-младшего в статус министра, но тут же сослался на сложности и последствия переименования уполномоченного в министра, если переговоры с Богдыханским Правительством окажутся неудачными.

Деловые отношения П. Н. Игнатъева с первыми лицами русского МИДа, известными иностранными дипломатами способствовали установлению благоприятных условий для работы генерала Н. П. Игнатъева в должности уполномоченного в Китае в 1859–1860 годах. Из Санкт-Петербурга финансировалась его миссия, шли Высочайшие приказы о военных чинах, для поддержки русского посланника в самый сложный момент политической и военной обстановки у морского побережья Китая в Печелийский залив отправлялись военные корабли.

Авторитет отца – Павла Николаевича Игнатъева

О роли генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Павла Николаевича Игнатъева в становлении сына – генерала, начальника русских миссий, дипломата Николая Игнатъева отдельно никогда не говорилось. Авторитет отца помогал сыну уверенно шагать по ступеням служебной лестницы, а в лучшие дни службы, при назначении его начальником миссии в Хиву и Бухару, а затем в Китай, когда в войска, в офицерскую среду доходили Высочайшие приказы, на Николая Игнатъева уже работали его личный успех и авторитет. В положительный результат его миссии начинали верить.

В 1834 году Игнатъев-старший был назначен директором Пажеского корпуса, в 1846 году – дежурным генералом главного штаба Его Императорского Величества, с 1852 года стал членом Государственного Совета, в 1853 году назначен Белорусским генерал-губернатором,

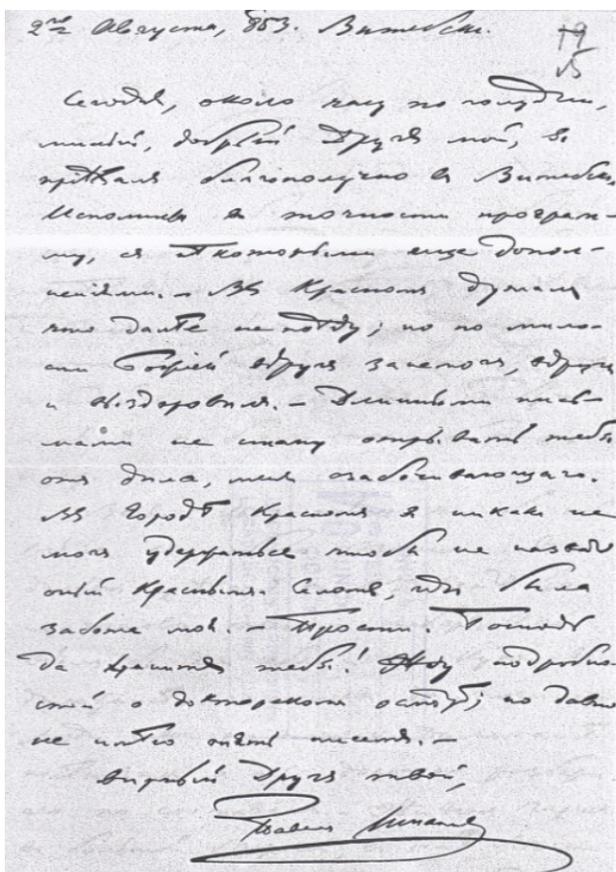
а с 1854 по 1861 год находился на посту Санкт-Петербургского генерал-губернатора. Благодаря честному исполнению Павлом Николаевичем обязанностей директора Пажеского корпуса его имя навсегда осталось в военной истории. Его питомцы служили Государю и Отечеству во всех уголках России. В книге «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев» рассказывается о делах пажей-дальневосточников: Антона Девиера, Александра Радищева, Н. В. Буссе, В. П. Де-Вите 3-м, Н. П. Игнатъева, барона А. Н. Корфа и графа Н. Н. Муравьева-Амурского. При изучении списков выпускников Пажеского корпуса за время службы Павла Игнатъева директором корпуса можно встретить немало известных деятелей, которые служили в одно время с офицерами Игнатъевыми. Все они были друзьями, способными откликнуться на призыв о помощи, поддержать и делом, и словом. Так, в архиве найдены письма Приамурского генерал-губернатора барона А. Н. Корфа генерал-адъютанту Н. П. Игнатъеву, датированные апрелем 1881 года. Игнатъев и Корф вместе ходили в классы Пажеского корпуса, сдавали экзамены и вышли в первый офицерский чин в мае 1849 года.

О письмах Павла Николаевича Игнатъева к сыну в литературе упоминается, но без цитирования отцовских наставлений и советов, хотя он, как член Государственного Совета, оставил массу полезных идей для современных российских политиков и руководителей.

В письме Павла Николаевича от 3 мая 1858 года из Санкт-Петербурга в Оренбург, где в штабе войск собиралась служебная и личная переписка с членами русской миссии флигель-адъютанта, полковника Николая Игнатъева, есть такие строки: *«Посылаю тебе портрет Государя. Тебе следует иметь его в Хиве на столе твоём. Передай моему почтенному сослуживцу, многоуважаемому мною Александру Андреевичу мой сердечный привет»*. Генерал Александр Андреевич Катенин начинал службу подпрапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка в 1825 году, в то время, когда Павел Игнатъев служил в полку капитаном и командиром роты. Вся историю существования лейб-гвардии Преображенского полка, с 23 мая 1683 года по 20 мая 1918 года, офицеров гвардейцев-преображенцев объединяли шефы – офицеры Русской Императорской армии, представители Дома Романовых – императоры и императрицы. В рассматриваемый нами период шефами лейб-гвардии Преображенского полка

являлись император Александр I, император Николай I, император Александр II.

П. Н. Игнатьева за отличие по службе 12 апреля 1859 года произвели в чин генерала от инфантерии – как раз в то время его сын Николай находился в командировке в Китае.

Письмо Павла Николаевича Игнатьева сыну Николаю. Витебск, 2 августа 1853 года. ГА РФ. Фонд Игнатьева: 730-1-2961

В письме от 17 апреля из Санкт-Петербурга Павел Николаевич писал: «Христос воскрес! Мой милый Николай, добрый Друг мой. При этом, отрадном для христианина, восклицании перенесся я мыслью к тебе, с заочным душевным приветом. Да сохранит тебя Промысел Божий; да во славу свою управится путь твой! Вчера, в 11 часов вечера, начал я одеваться к заутрене, как был совершенно неожиданно изумлен прибытием фельдъегеря от Государя, приславшего эполеты с аксельбантом. Порадовались моему производству, не имеющему иных последствий кроме прибавления двух пушек к моим похоронам» [8].

В тот же год, 6 декабря, генерал от инфантерии П. Н. Игнатьев «Высочайшим приказом назначен состоять Лейб-Гвардии в Преобра-

женском полку, с оставлением в занимаемых должностях и званиях». В последующие годы он не раз получал благодарности, царские рескрипты, ордена и знаки. Так, 25 марта 1867 года, по случаю 50-летия службы в офицерских чинах, П. Н. Игнатьев Всемилодивейше пожалован орденом Святого Андрея Первозванного. В особом рескрипте были следующие слова:

«Павел Николаевич. В исполнившийся сегодня полувековой период служебной деятельности вашей в офицерских чинах, Я с особенным удовольствием вспоминаю отличные заслуги ваши Престолу и Отечеству. Еще при начале служебного поприща, командуя ротой Его Величества Лейб-Гвардии в Преображенском полку, вы обратили на себя внимание в Бозе почившего Родителя Моего, особенно в памятный день 14-го Декабря 1825 года, когда на долю вашу выпал счастливый жребий охранять Особу Государя. С того времени состоял в звании Флигель-Адъютанта, вы приобрели полное доверие Его: на вас возлагаемы были многообразные и важные поручения; впоследствии же, с назначением Директором Пажеского Корпуса, попечению вашему было вверено приуготовление новых деятелей на Государственную службу. Посвятить себя вполне этому новому роду деятельности, вы умели передать воспитываемому вами юношеству беспредельную преданность Царю и Отечеству и вместе с тем снискали искреннюю любовь и уважение своих питомцев, которые и до сих пор сохранили живую признательность за ваше прошлое о них попечение. Далее, занимая высшие должности: Дежурного Генерала Главного Штаба, Попечителя Императорской Медико-Хирургической Академии, Члена Совета о Военно-учебных Заведениях, Генерал-губернатора Витебского, Смоленского и Могилевского, а затем С.-Петербургского Военного Генерал-Губернатора и ныне в звании Члена Государственного Совета и Председателя Комиссии Прошений, вы просвещенною и неутомимою своею деятельностью на всех пройденных вами ступенях Государственной службы, показали себя вполне достойными того доверия, которым были обличены.

Желая ныне выразить Мою душевную признательность к многолетним заслугам вашим, Я жалую вас кавалером ордена Святого Апостола Первозванного, знаки коего при сем препровождаю, пребываю к вам неизменно благосклонным.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Искренно вас любящий» [9].

Отметим, что в ознаменование 50-летнего юбилея службы Павла Игнатъева последовало Всемиловейшее соизволение Государя Императора, объявленное в отношениях по Главному штабу за №70 и №134, «на принятие нижеследующих пожертвований и на употребление оных по желанию жертвователей: собранные бывшими воспитанниками Пажеского корпуса между собою по подписке 4000 руб. наименовать капиталом генерал-адъютанта П. Н. Игнатъева и выдавать ежегодно проценты с оного одному из выпускных воспитанников Пажеского корпуса, наиболее нуждающемуся и заслуживающему пособия; с процентов с капитала 1800 руб., пожертвованного семейством генерал-адъютанта Игнатъева, содержать в Чесменской военной богадельне одного инвалида из нижних чинов, преимущественно служивших в лейб-гвардии Преображенском полку, с тем, чтобы он именовался пенсионером Генерал-адъютанта П. Н. Игнатъева».

Все дороги из Сибири вели в Санкт-Петербург. Из северной столицы в город Иркутск, куда убыл генерал-майор Николай Игнатъев, с Московской и Сибирской почтой улетали семейные письма, с депешами и пакетами отправлялись фельдъегеря. В первых же письмах Николаю Игнатъеву от родителей появились упоминания о графе Муравьёве-Амурском. Граф писал военному генерал-губернатору Санкт-Петербурга Игнатъеву и в МИД. Все сообщения Муравьёва становились известными Павлу Николаевичу. В первый месяц командировки в Пекин молодого Игнатъева отец поставил его в известность о том, что будет отдельно писать генерал-губернатору Восточной Сибири. Все тревоги за успех миссии в Китае старший Игнатъев делил с графом Муравьёвым. В доме Игнатъевых принимали адъютантов и чиновников генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского, прибывавших в столицу. В письмах сыну в Иркутск его мать Мария Ивановна также передавала приветы графу. Отец писал Николаю: «Не забывай всегда передавать мой привет: графу Николаю Николаевичу, Корсакову и всем твоим спутникам. Повторять сего не буду». Мать добавляла: «Кланяйся Корсакову и твоим спутникам».

Неподдельный интерес историков представляют первые упоминания о сибирских военных деятелях в письмах Павла Игнатъева к сыну.

Отметим, что слова М. И. Бакунина о том, что в Санкт-Петербурге генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва никто не

знал, не соответствуют действительности. Первое упоминание о нём есть в письме отца Николая Павловича из Санкт-Петербурга от 12 декабря 1857 года: «Сибирский Муравьёв привез из-за границы карту, в которой будто бы, с твоего чертежа, показана граница 90^{1+} далеко за 71^2 , чем он очень доволен. Карта в продаже» [прим. 3]. Ценность этих строк в том, что они лишней раз подчёркивают: Н. Н. Муравьёв в то время уже был известен в российском обществе и среди генералитета. Помощь же полковника Н. П. Игнатъева нашим дипломатам на 2-й Парижской конференции (декабрь 1856 года) в составлении карты, на которой он исправил ошибку, допущенную русскими уполномоченными при проведении бессарабской границы, планировал и дальше использовать МИД. То, что полковника Генерального штаба Игнатъева знал сибирский Н. Н. Муравьёв, говорит о многом. Николай Николаевич уверенно «поставил» на Николая Павловича как способного генштабиста, умеющего читать топографические карты, планы и схемы приграничных территорий, перспективного посланника в решении с китайским правительством в Пекине дела о ратификации Айгунского договора 1858 года. Во втором письме П. Н. Игнатъева к сыну из Санкт-Петербурга в Иркутск от 12 июня 1859 года говорилось: «Упомянутый тобою предшественник не только не был фельдфебелем, но, если не ошибаюсь, вышел в 1827 году из 2-го класса со справкой в армию» [10]. В следующем письме он сообщил сыну точные данные о графе Амурском. Тот факт, что П. Н. Игнатъев не знал некоторых данных о Муравьёве (в частности, что он – бывший воспитанник Пажеского корпуса), нас не смущает. Российская империя с огромной территорией «поглощала» выпускников военно-учебных заведений, и сведения о военной карьере и образовании интересовали зачастую только руководство вузов и инициаторов празднования юбилеев alma mater. В конкретном случае с тех пор ничего не изменилось.

Однако когда Николай Игнатъев добрался до Иркутска, фамилии военных и гражданских чинов, от которых в далёкой Сибири и во время пребывания в Пекине во многом зависели его судьба и успех командировки, появляются в письмах Павла Игнатъева. Многие офицеры и генералы, служившие в Сибири и на Амуре, сухопутные и морские, и сам граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский, познакомились с Павлом Николаевичем и представлялись Марии Ивановне.

Интересен факт, что граф Н. Н. Муравьев-Амурский и генерал П. Н. Игнатьев выступили свидетелями со стороны невесты Николая Павловича Игнатьева – княгини Екатерины Леонидовны Голицыной – на свадьбе, которая состоялась 20 мая 1862 года в немецком городе Висбадене.

Николай Николаевич Муравьев-Амурский навсегда становится другом семьи Игнатьевых. В книге «Из архива генерала Игнатьева: документы, письма, записки» опубликованы 82 письма генерала Муравьева генералу Игнатьеву.

Семья Игнатьевых часто принимала помощников их сына по службе в Китае. Родители Николая Павловича всегда откликались на их просьбы, занимались поиском желательных для них назначений, нередко оказывали финансовую поддержку. Так, спутнику Игнатьева в Хиву и Бухару, а также в Иркутск, доктору М. И. Пекарскому, застрявшему в Сибири в Верхнеудинске с переломом руки, Игнатьевы через начальника штаба полковника Б. К. Кукеля (знакомого Николая Павловича) передали средства на лечение. Мария Ивановна принимала графа адмирала Евфимия Васильевича Путятина, а граф Сен-При – спутник Николая Игнатьева в Китае – посещал дом Игнатьевых в Санкт-Петербурге и встречался с ними во Франции.

28 марта 1871 года генерал от инфантерии П. Н. Игнатьев Всемиловнейше пожалован

алмазными знаками ордена Святого Андрея Первозванного, при именном Высочайшем рескрипте следующего содержания: *«Павел Николаевич. Со времени назначения вас Председателем Комиссии Прошений, Я с удовольствием видел из отчетов о делах, в одной рассматриваемых, что деятельность ее, при успешных вполне Моим ожиданиям соответствующих результатах, с каждым годом возрастала. Относя сие к просвещенному и неутомимому усердию, которым сопровождалась всегда ваше свыше полувековое доблестное служение, и желая вновь выразить Мою душевную признательность к многолетним заслугам вашим, вполне оправдывающим то доверие, которым вы постоянно были облечены, Я жалею вам алмазные знаки Императорского Ордена Святого Апостола Андрея Первозванного при сем препровождаемые, и пребываю на всегда неизменно к вам благосклонным»* [11].

В декабре 1877 года глава семьи Игнатьевых – генерал-адъютант, генерал от инфантерии Павел Николаевич Игнатьев был возведен в графское Российской империи достоинство и получил личный герб. Вполне вероятно, что к представлению на графское достоинство в более чем полувековую успешную деятельность графа Павла Игнатьева император Александр II засчитал заслугу в воспитании старшего

Участники Константинопольской конференции. Первый ряд, третий справа – Николай Павлович Игнатьев (декабрь 1876 года – январь 1877 года)

сына – Николая, службу которого современники считали блистательной.

При императоре Александре III, в мае 1881 года, генерал-адъютант, генерал от инфантерии граф Н. П. Игнатьев был назначен министром внутренних дел.

Последние три записи в Формулярном списке генерала Н. П. Игнатьева: *«Высочайшим указом, данным Правительственному Сенату, Всемилостивейше уволен, согласно прошению, по болезни, от должности Министра Внутренних Дел, с оставлением членом Государственного Совета и в звании Генерал-Адъютанта» 30 мая 1882 года, «Всемилостивейше повелено производить по званию члена Государственного Совета, содержание 12 000 руб. в год» 23 июня 1882 года, «Всемилостивейше пожалован Кавалером ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира 1-й степени» 13 мая 1883 года, «Получил золотую, на Александровской ленте медаль в память освящения Храма Христа Спасителя в Москве».*

Слово матери – Марии Ивановны Игнатьевой

В письменных источниках о генерале Н. П. Игнатьеве, подписавшем Пекинский договор 2 ноября 1860 года, не нашлось места характеристике Марии Ивановны Игнатьевой (урожденной Мальцовой) и определения её роли в успехах сына на службе Государю и России. Письма матери Николая Павловича – это мир, сотканный из женских чувств, это интереснейшая тема, требующая отдельной публикации. В книге «Из архива генерала Игнатьева: документы, письма, записки» в IV разделе опубликовано 10 писем отца и матери к сыну Николаю. Издание знакомит читателя и с письмом Павла Николаевича к жене, в котором речь идёт об их детях. В сохранившихся письмах Игнатьева-старшего сыну от 1847 года встречаются слова «письмо от Матушки влагаю», но упомянутого письма Марии Ивановны среди писем не оказалось.

П. Н. Игнатьев до назначения на должность генерал-губернатора Санкт-Петербурга исполнял должность Белорусского генерал-губернатора. Почти в каждое его письмо сыну Николаю Мария Ивановна вкладывала свой листочек или делала приписку на листке мужа. Сегодня изучаются и письма матери к сыну в период его командировки в Китай.

Мария Ивановна родилась в семье промышленника Ивана Акимовича Мальцова от его брака с одной из первых московских красавиц – Капитолиной Михайловной Вышеславцевой (1778–1861), бывшей женой В. Л. Пушкина.

Мальцовы – родственники Марии, жили в Санкт-Петербурге в доме на Моховой, где их вечера посещали А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов. Супруги Игнатьевы жили отдельно от родителей, время от времени меняли дома, квартиры и дачи, о ремонте и съёме которых упоминает в своих письмах к сыну Павел Игнатьев. До 1853 года они жили в Петергофе, в 1857-м снимали дачу на Аптекарском острове. Однако все известные русской истории Мальцовы никогда не прерывали родственные связи с семьей Игнатьевых. В письмах к сыну Николаю генерал П. Н. Игнатьев всегда называл брата жены Марии Мальцовой своим братом: «брат Сергей Иванович с Толей и Ваней едут в Лондон» и «брат Иван Сергеевич». До 1853 года Мальцовы, выезжая в город из своего дома №30 на улице Моховой, заезжали в дом Игнатьевых в Петергофе, а после 1867 года – в купленный Марией Ивановной дом №26 на Гагаринской набережной. В свою очередь, Игнатьевы навещали Мальцовых.

До 16-летнего возраста Николай, будущий генерал-адъютант, рос под опекой двух бабушек – Надежды и Капитолины. В источниках первое упоминание о матери Павла Николаевича, бабушке Николая Павловича, связано с событиями 1825 года. В декабре 1825-го Надежда Егоровна (вдова с 1800 года), давшая сыну образование в Императорском Московском университете, заставила 28-летнего капитана поклясться, что он будет «благоразумен» и не выступит против власти, и тем самым помешала ему стать участником восстания, принять сторону декабристов. Сохранились в семейном архиве и дошли до нашего времени несколько писем Н. Е. Игнатьевой (Извековой) внуку Николаю.

Надежда Егоровна жила в Твери до своей кончины в 1848 году, была похоронена в Тверском уезде, рядом с могилой мужа, в ограде Успенского Желтикового монастыря. В это время Николай Игнатьев учился в Пажеском корпусе.

Первое письмо Николаю от матери, сохранившееся в конверте вместе с письмом Павла Николаевича, датировано 24 августа 1853 года. Письмо Его Высочествомородию Николаю Павловичу Игнатьеву, Гвардейского Генерального штаба штабс-капитану отправлялось через штаб Его Императорского Высочества Главнокомандующего Гвардейскими и Гренадерскими корпусами. На пакете со штемпелем есть сопроводительная надпись «В С.-Петербург, для доставления в Красное Село». Представим

выдержку из письма Марии Ивановны, вложенного в письмо мужа, от 8 января 1854 года из Витебска. В нём упоминается о второй бабушке Николая – Капитолине Михайловне Выше-славцевой (урождённой Мальцовой), которой к этому времени исполнилось 76 лет: «...Бабушке я прочла письма твои; она велела сказать тебе, что удивляется твоему терпению. Как ты не сел на лошадь и не поскакал так в Питер. Услышав, что ты поручаешь Лоло и Павлу поцеловать у ней ручки, она с сочувствием сказала, никто тебя ей не заменит, что ей все кажется, что ты приходишь, что она и во сне тебя видит и что без тебя ее болезнь больше и тяжелее» [12].

Некоторые сведения о сёстрах Николая Игнатъева – Надежде, Капитолине и Ольге – приводятся в книге «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев». Восстановить жизненный путь Нади и Оли, написать их биографии вполне возможно, а вот средней сестры Капитолины – сложно, так как письменных данных недостаточно, а упоминаний о ней в переписке родственников мало. Сёстры Николая Игнатъева были вполне самостоятельны. К примеру, Надежда, состоявшая в придворном штате, фрейлина Её Императорского Величества, известная филантропка, купила в 1857 году в Санкт-Петербурге дом на Екатерининском канале возле Михайловского театра за собственные средства (140 тысяч рублей). У Нади с братом Николаем, со слов отца, были свои секреты. В день отъезда Николая в Хиву и Бухару сестра из-за предстоящей разлуки с братом так расстроилась, что слегла, не поехала провожать его на вокзал, два дня плакала.

Большой интерес вызывают письма матери к сыну Николаю в период его командировки в Китай в должности Российского уполномоченного. В четвёртом альманахе «Диалог времён» письмо Марии Ивановны публикуется впервые в истории и без сокращений.

Письмо М. И. Игнатъевой к сыну в Иркутск от 4 июня 1859 года: «*Воскресенье. 7 июня [прим. 4]. С утра сегодня, мой милый Николай, мы и говорим и думаем о тебе, и стараемся угадать, как и где проводишь ты наш семейный, наш дорогой праздник. Прошлого года ты в этот день молился в Азиатской степи под открытым небом, делал стоянку и угощал свой караван. Кажется с Петергофа т. е. тому 7 лет назад, мы вместе с тобою здесь не праздновали этого дня, а проводим его все с тобою в разлуке. Но как*

бы мы далеко друг от друга не были, одна и та же благодарная молитва за милого нашего новорожденного в этот день везде сердечно соединит нас. Да сохранит Господь его своею Милостью на наше счастье!

Хитрово [прим. 5] обедал у нас третьего дня и мы с жадным любопытством слушали его рассказы о тебе и о местах, где ты и куда отправишься, может быть свой путь. Как жаль Пекарского, [прим. 6] он бедный сломал себе правую руку между плечом и локтем в 2-х местах. Это случилось в лесу без всякой помощи. Его кибитка опрокинулась, а он спал. Он сам с помощью бабы перевязал себе руку, употребив на это прутики, палочки и веревки. Страдание было ужасное и без малейшей помощи. Полковник Романов [прим. 7] проездом узнал об нем и достал ему какого-то фельдшера. Хитров его видел; на другой день должны были перенести его в Нижнеудинск на носилках, которые при нем устраивались. Прежде 6-ти недель он не может оттуда выехать. Очень жаль его.

Кажется, тебе не быть в Пекине. Во всяком случае надолго ты не останешься в Кяхте. Там если кому дела дослать. Береги себя, свое здоровье. Не падай духом, но и не теряй своего времени. Везде можно быть полезным и с пользою внутреннему своему человеку проводить время.

Господь да умудряет тебя и хранит!»

Доброе слово матери, её мгновенное ответное напутствие следовали за Николаем Павловичем в самый нужный и ответственный час. Мария Ивановна, поддерживая веское слово мужа, закрепляла авторитет главы семейства, много времени уделяла переписке, мысленно всегда была рядом с сыном. Мать была путеводной звездой Николая Игнатъева в самый сложный, но яркий период его деятельности – с 1849 по 1862 год.

Личная же звезда генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Николая Павловича Игнатъева возшла благодаря блестящему исполнению им обязанностей Российского уполномоченного в Китае в 1859–1860 годах.

На задворках Российской империи, на Дальнем Востоке, имя генерала Н. П. Игнатъева оставалось всегда в тени первых – генерал-губернатора Восточной Сибири, графа, генерала от инфантерии Н. Н. Муравьёва-Амурского, адмирала Г. И. Невельского, адмирала П. В. Казакевича, военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана, генерал-лейтенанта М. С. Корсакова. Но

историческая справедливость восторжествовала: за военную службу на Дальнем Востоке, за заслуги при решении приграничных вопросов России в условиях войны Англии и Франции против Китая – в Амурской области, в селе его имени (Игнатьево), основанном в 1860 году, в 2020 году установлен первый в России памятник Николаю Павловичу Игнатьеву. В 2021 году в Хабаровске автором этой публикации в альманахе «Диалог времён» подготовлены две книги: «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатьев» и «Из архива генерала Игнатьева: документы, письма, записки», которые будут изданы осенью этого года в Москве.

На юридических основаниях населённые пункты Амурского и Уссурийского краев приобрели российский статус в последний месяц осени и первый месяц зимы 1860 года. Уполномоченные Российского государства Свиты Его Величества генерал-майор Николай Игнатьев и Дайцинского государства – князь первой степени, принц Гун, по имени И Синь, 2 ноября 1860 года в Пекине, в одной из комнат Русского южного подворья подписали трактат, которым утверждались договор, заключённый в городе Айгуне 16 мая 1858 года (Сянь-фынь VIII года, IV луны, 21 числа), и договор, заключённый в том же году, 1 июня (V луны, 3 числа) в городе Тяньцзине. Офицер Баллюзек 6 ноября был отправлен из Пекина курьером в Петербург с текстом Пекинского договора и утверждённой Богдыханом картой вновь присоединённого Амурского и Уссурийского краев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даты приводятся по старому стилю.
2. Григорий Григорьевич Вилламов (19.02.1816–21.05.1869) – русский военачальник, генерал от артиллерии; начальник артиллерии Санкт-Петербургского военного округа.
3. В своей переписке офицеры Игнатьевы, при переходе на служебные и главные дела, когда необходимо было называть имена военных и государственных персон, использовали шифровку.
4. День рождения Павла Николаевича Игнатьева.
5. Николай Александрович Хитрово (30.08.1830–1870) – окончил Александровский лицей; в 1851 году – титулярный советник в МВД; с 1854 года – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьёве. Правитель канцелярии губернатора Приморской области П. В. Казакевича; с 1866 года – почтмейстер Калужской губернии.
6. Доктор при русской миссии в Хиву и Бухару, сопровождал Николая Игнатьева до Иркутска в 1859 году.
7. Дмитрий Иванович Романов (1828–18.04.1873) – русский военный инженер, географ, этнограф и экономист. Писатель, журналист, инженер-полковник. Долго служил в Восточной Сибири. Главной заслугой его было устройство амурского телеграфа. Упоминается в письмах графа Н. Н. Муравьёва-Амурского к генералу Н. П. Игнатьеву.

Александр II Николаевич (крестный отец Николая Игнатьева) – Император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский, утвердил Пекинский договор 20 декабря 1860 года, а 26 декабря по Высочайшему повелению вступил в силу закон Сената № 36459 «О дополнительном к Тянь-Цзиньскому трактату договоре, заключённом в Пекине 2 ноября 1860 года».

В почётном строю исторических личностей, государственных деятелей XIX века заслуженное место нашего героя – второе, а в деле мирного и окончательного приращения региона к России граф Н. П. Игнатьев, возможно, делит с генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н. Н. Муравьёвым-Амурским первое место. Николай Павлович Игнатьев – одарённый молодой человек, отличник Пажеского корпуса, серебряный медалист Императорской академии Генерального штаба, русский генерал, успевший до своего 30-летия «распахнуть окно» России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

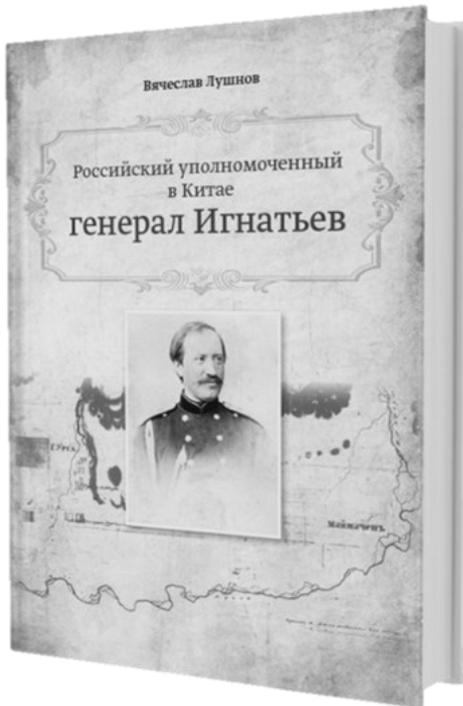
Своими успехами генерал Н. П. Игнатьев во многом обязан крестному отцу Императору Всероссийскому Александру II Николаевичу и семье: отцу – Павлу Николаевичу Игнатьеву, матери – Марии Ивановне Игнатьевой (урождённой Мальцовой), сёстрам и братьям, бабушкам, тётушкам и дядям.

После заключения Пекинского договора 2 ноября 1860 года Павел Игнатьев поздравил сына Николая: *«Нет слов, мой милый Николай, добрый Друг мой, для выражения тебе всех ощущений наших. Благодарим: Бога, Государя и тебя, молодец мой!»*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лушнов, В. Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев : к 190-летию со дня рождения / В. Лушнов. – Хабаровск : Букер, 2021. – 256 с.
2. ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-2962.
3. ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-2962.
4. Лушнов, В. Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев : к 190-летию со дня рождения / В. Лушнов. – Хабаровск : Букер, 2021. – 256 с.
5. Там же.
6. ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-2962.
7. Лушнов, В. Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев : к 190-летию со дня рождения / В. Лушнов. – Хабаровск : Букер, 2021. – 256 с.
8. ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-2962.
9. Полный послужной список генерал-адъютанта Его Императорского Величества Игнатъева 1-го за 1875 год // ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-4444.
10. ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-2962.
11. Полный послужной список Генерал-Адъютанта Его Императорского Величества Игнатъева 1-го за 1875 год // ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-4444.
12. ГА РФ. Фонд Игнатъева. 730-1-2961.

ХАБАРОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «БУКЕР»

Книга рассказывает о выдающемся русском дипломате и государственном деятеле Николае Павловиче Игнатъеве, выполнявшем особую миссию в Китае. Граф, генерал-адъютант Игнатъев сыграл огромную роль в подписании Пекинского договора, давшего России возможность развития в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. Сквозной темой издания являются редкие сведения о родословной семьи Игнатъевых – известного в царской России дворянского рода.

Это первое печатное издание документов, писем и записок, хранящихся в личном фонде Н. П. Игнатъева. Его составителем и издателем стал хабаровский историк Вячеслав Лушнов. По задумке автора проекта документальные материалы вошли в том, ставший продолжением книги «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев». В данную книгу впервые включены 80 писем графа Н. Н. Муравьёва -Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири, адресованные генералу Н. П. Игнатъеву в период с 1859 по 1881 год.

Обе книги подготовлены к 190-летию графа Николая Павловича Игнатъева, которое будет отмечаться в 2022 году. В основу изданий легли материалы Государственного архива Российской Федерации, хранящиеся в фонде Игнатъева.

М.Ю. БОЕВЕЦ,

заведующий экскурсионным отделом
Амурского областного краеведческого музея
имени Г. С. Новикова-Даурского

*Ключевые слова: краевед, переписка, письма, коллекция,
Г. С. Новиков-Даурский, дневник, археология.*

Статья посвящена Г. С. Новикову-Даурскому – известному дальневосточному учёному-краеведу, журналисту и сотруднику музея. На основе исторической литературы и документальных источников раскрываются биографические факты Г. С. Новикова-Даурского, описывается его активная краеведческая деятельность (сбор историко-краеведческих материалов по этнографии, фольклору, топонимике, комплектование коллекций по археологии, зоологии, биологии, палеонтологии, геологии).

Особое внимание уделяется эпистолярному наследию Г. С. Новикова-Даурского, изучение которого даёт представление о различных вопросах, касающихся прошлого и настоящего области. Характеризуется также взаимодействие Г. С. Новикова-Даурского с учёными, историками, краеведами региона, с различными общественными организациями и учреждениями.

НЕУТОМИМЫЙ ИСКАТЕЛЬ. К ЮБИЛЕЮ Г.С. НОВИКОВА-ДАУРСКОГО

В 2021 году Амурский областной краеведческий музей отмечает две знаменательные даты: своё 130-летие и 140-летие со дня рождения амурского учёного, исследователя, краеведа Григория Степановича Новикова-Даурского.

Имя Г. С. Новикова-Даурского известно многим жителям Амурского края: энтузиаст-исследователь, талантливый самоучка, многие годы жизни отдавший изучению Приамурья. С 1993 г. его имя с гордостью носит Амурский областной краеведческий музей, в котором он проработал более 30 лет.

Григорий Степанович Новиков-Даурский (псевдоним; настоящая фамилия – Новиков) родился 14 октября 1881 г. в г. Нерчинске Забайкальской области. Рано потеряв родителей, батрачил у зажиточных мещан, работал в городской аптеке, затем – служащим в Нерчинской почтово-телеграфной конторе.

В 1903 г. в составе Квантунского флотского экипажа участвовал в обороне Порт-Артура, а после его капитуляции оказался в японском плену. Здесь он впервые начал заниматься газетной работой: издавал на гектографе журнал «Друг», предназначенный для военнопленных, писал статьи в журнал Н. К. Судзиловского (Русселя) «Япония и Россия».

По возвращении в Нерчинск в 1906 г., Г. С. Новиков-Даурский занимался переплётно-картонажным ремеслом, работал почтальоном, с 1907 г. – сотрудничал со многими газетами, издававшимися в Забайкалье.

Г. С. Новиков-Даурский. 1950-е гг.

Г. С. Новиков-Даурский проводит экскурсию по музею. Благовещенск, 1940-е гг.

В 1914 г. приехал в Благовещенск. Первое время работал репортёром в редакции газеты «Эхо», а затем в течение 13 лет заведовал детской библиотекой-читальней им. Л. Н. Толстого. Более тридцати лет, с 1927 по 1958 г., работал в Амурском областном краеведческом музее. Выполняя обязанности научного сотрудника, Григорий Степанович предпринимал поисковые маршруты, изучал историю Амурской области, опубликовал работы: «Приамурье в древности» (Благовещенск, 1953 г.), «Открытие Амура русскими и начало освоения края» (Благовещенск, 1953 г.) и др. Он с увлечением занимался археологией, изучал заселение Приамурья, его прошлое, интересовался вопросами этнографии и топонимики тех мест, где ему приходилось бывать.

Наряду со сбором и формированием исторических материалов Григорий Степанович комплектовал коллекции по различным природоведческим темам: ботанике, зоологии, геологии, палеонтологии; записывал местные пословицы, казачьи песни, озорные частушки или понравившиеся ему диалектные слова. В 1933 г. был избран почётным членом кафедры географии Благовещенского педагогического института им. М. И. Калинина.

В личном архиве значительное место занимает эпистолярное наследие, переписка со многими людьми. В письмах освещаются самые различные вопросы, касающиеся прошлого и настоящего области. С 1928 г. Г. С. Новиков-Даурский изучал археологию Амурской

области, лично обследуя памятники древности. Он упорно собирал сведения из литературных источников, переписывался и сотрудничал с учёными и краеведами-любителями.

Много ценной информации по ведению археологических разведок, описанию артефактов получил Г. С. Новиков-Даурский от Алексея Владимировича Мачинского – научного сотрудника Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.

19 ноября 1940 г. на имя Г. С. Новикова-Даурского из ИИМК приходит документ с просьбой подготовить для печати «Материалы к археологической карте Амурской области»: «Институт считает, что такая работа представляет интерес и готов принять её для опубликования. Также представляется целесообразным произвести Вам совместно с А. В. Мачинским работу по описанию археологических коллекций Амурского областного музея, это введёт в научный оборот тот материал, который до сих пор остаётся малоизвестным» [1].

В 1953 г. началась переписка Новикова-Даурского с археологом А. П. Окладниковым. В письме Алексей Павлович просил выслать ему наложенным платежом второй том «Записок Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения» для написания рецензии.

Рецензируя работы Г. С. Новикова-Даурского, А. П. Окладников даёт им высокую

оценку: «Спасибо за рукопись, я читаю её с увлечением и всё думаю: какой Вы молодец! Это лучший пример для моих юнцов – пусть смотрят и учатся любви к труду в науке» [2].

Из письма Новикова-Даурского от 29 мая 1954 г. А. П. Окладникову: «Уважаемый Алексей Павлович! ... Вы в письме намекали, что в текущем году предполагаете проводить археологические работы в пределах Амурской области. ... Видите ли, мне очень хочется принять некоторое участие в Вашей экспедиции. Мне это принесло бы большую пользу, и я сам мог бы оказать Вам небольшую помощь в качестве проводника что ли, так как многие археологические памятники я осматривал в разное время и знаю их местонахождение. Кроме того, и географию Амурской области, пути сообщения знаю удовлетворительно» [3].

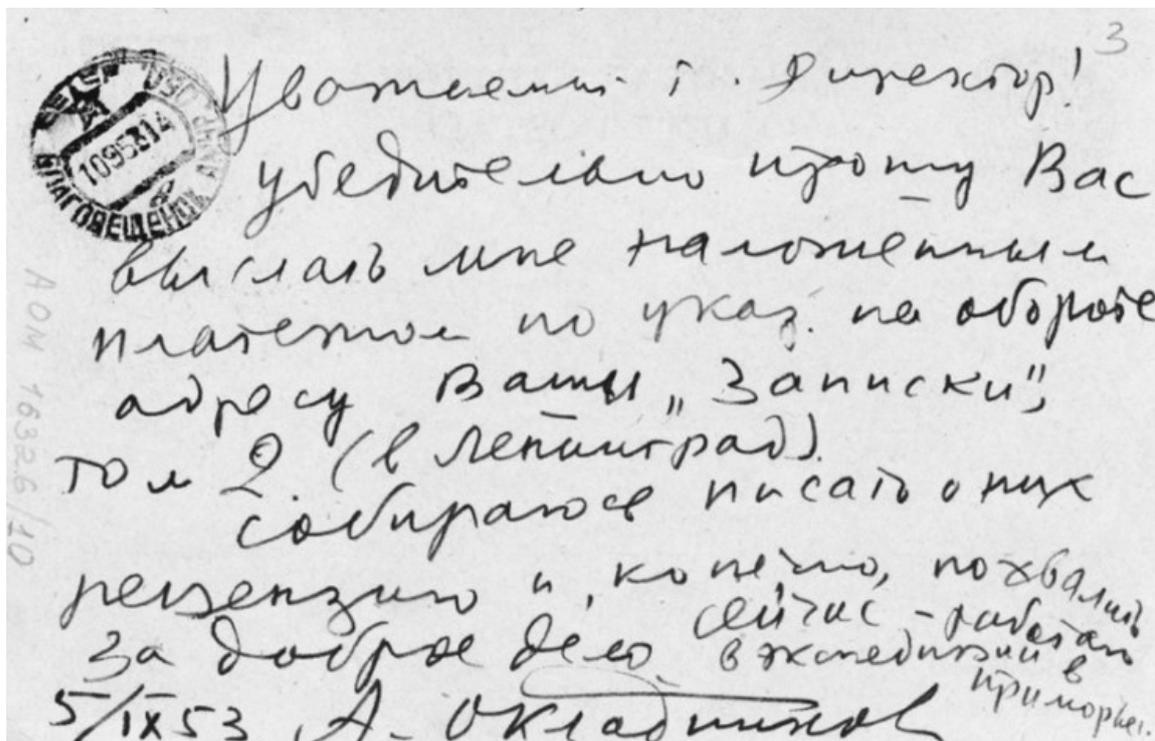
Григорий Степанович в своих письмах рассказывает об археологических разведках, проводимых музеем и им лично на территории Амурской и Читинской областей, о состоянии тех или иных объектов. Так, в письме от 6 сентября 1954 г. даются следующие сведения: «Поездка наших четверых сотрудников, со мною и директором музея Красновой в Бибиково и Новопокровку оказалась без результата, так как заинтересовавший Вас могильник у Бибиково оказался распаханным пограничниками. Он попал в пограничную полосу

и срыт плугом. Та же участь постигла лежащее подле могильника селище со следами наземных жилищ. Собрали некоторое количество подъёмного материала в виде керамики, сетевых грузил и др. Одновременно с настоящим письмом Вам посылаются, согласно Вашей просьбе, 2-й том «Записок» Амурского областного музея краеведения и краеведческого общества...

Многу собираются сведения о памятниках древности области из разных источников, например, по коллекциям музея, имеющим паспорта, из расспросов посетителей музея, путём переписки с разными лицами, из литературных источников, а также их личных обследований.

Археологические памятники Приамурья ждут научно-организованных исследований и изучения» [4].

Далее в дневнике Григорий Степанович пишет: «Сегодня, 30 января 1959 г. получил письмо из Москвы от научного сотрудника Палеонтологического института А. К. Рождественского, с которым семь лет тому назад я совершил экскурсию по Амуру на лодке от Горящих гор до Благовещенска. К письму он приложил 15 фотоснимков, сделанных им на Амуре во время экспедиции, и отпечаток его статьи «О местонахождениях верхнемеловых динозавров на р. Амур». Статья содержит крат-

Письмо А. П. Окладникова к Г. С. Новикову-Даурскому. Сентябрь 1953 г.

кие выводы Рождественского о результатах его экспедиции на Амур в 1951 г., в которой я сопровождал его в части маршрута» [5].

Г. С. Новиков-Даурский осматривает памятник археологии. 1949 г.

Зарисовки археологических предметов Г. С. Новиковым-Даурским

Итогом многолетней научной работы Г. С. Новикова-Даурского стала книга «Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания», которая вышла в Благовещенске в 1961 г.

О своей собирательской деятельности Григорий Степанович писал в автобиографии: «Мои фольклорные записи... в настоящее время достигают таких размеров: пословиц и приговоров – до 8000, частушек – около 1000, по словарю старожилых забайкальского населения и амурских казаков – до 4000 слов с при-

мерами, много народных песен, загадок, суеверных заговоров и обычаев...» [6].

Можно предположить, что повышенный интерес к амурской лексике вызван встречами с А. П. Георгиевским, преподавателем Дальневосточного университета, который в 1928 г. по заданию диалектологической комиссии при АН СССР Владивостокского отдела Географического общества организовал этнографо-диалектологическую экспедицию по Приамурью. А. П. Георгиевский писал, что Амурский музей оказал содействие и стал базой для работы, а Г. С. Новиков-Даурский непосредственно участвовал в поездке от начала до конца. В дальнейшем собирательская деятельность стала внутренней потребностью Григория Степановича.

Являясь почётным членом кафедры географии БГПИ, он тесно сотрудничал с преподавателями, и сотрудничество это не прекращалось до конца его трудовой деятельности. Из дневника от 19 марта 1959 г.: «Был у меня зав. кафедрой географии пед. института Н. К. Шульман – предлагает сотрудничество в его работе по составлению географического словаря Амурской области» (Г. С. Новиков-Даурский многие годы собирал материал для географического словаря Амурской области) [7].

Г. С. Новиков-Даурский вёл активную просветительскую работу: сотрудничал с различными газетами и журналами по вопросам истории, естествознания, литературоведения; посылал свои материалы и вёл переписку с журналами «Наука и жизнь», «Природа», «Исторический архив», «Дальний Восток», газетами «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», «Советская культура» и целым рядом областных и районных газет. Он публикует свои работы в нескольких выпусках альманаха «Приамурье», часто печатался в газете «Амурская правда».

В дневнике Г. С. Новиков-Даурского пишется: «По просьбе редакции газеты «Амурская правда» написал небольшую статью о необходимости изучения известных и поисков новых месторождений полезных ископаемых в целях увеличения запасов сырья для промышленности и строительных материалов» [8].

Среди корреспондентов Г. С. Новикова-Даурского были писатели, краеведы, историки: П. А. Сычев, Н. И. Матвеев-Бодрый, В. В. Кирюшин, А. П. Гончаров, Г. Н. Хлебников, ученик Арсеньева – историк Н. И. Рябов и многие другие. В этих письмах порой содержится информация о жизни самого Г. С. Новикова-

Даурского, его отношении к тем или иным событиям в собственной судьбе, оценке окружающих людей.

Из дневника Г. С. Новикова-Даурского: «Получил от кандидатов исторических наук Н. И. Рябова и М. Г. Штейна из Хабаровска книгу «Очерки истории русского Дальнего Востока XVII – нач. XX века» с надписью: «Плодотворному исследователю Д. В. Гр. Ст. Новикову-Даурскому в знак глубокого уважения. Н. Рябов, М. Штейн, 30. 12. 1958» [9].

Уйдя на пенсию, Григорий Степанович не представлял себе жизнь без работы в музее. В письме к другу А. П. Гончарову от 20 апреля 1958 г., он сообщает: «13 марта я ушёл с работы в музее на пенсионное обеспечение. Однако фактически я ещё работаю в музее. Работа моя заключается в приведении в порядок библиотеки музея и систематизации археологических коллекций, чего без меня работникам музея, пожалуй, скоро не выполнить...» [10].

Письмо И. А. Аксёнова, старого друга Григория Степановича, заканчивается, как и многие другие, добрым пожеланием: «Ну, пожелаю быть здоровым, не симуляничать, а работать и работать. Надо оставить о себе след да поглубже...». И этот след Г. С. Новиков-Даурский оставил. Он умер 13 апреля 1961 г. В памяти людей, лично знавших Григория Степановича, он остался человеком большой душевной теплоты, чутким и внимательным, всегда готовым прийти на помощь любому, кто, по его мнению, в этом нуждался.

Вся жизнь Г. С. Новикова-Даурского – замечательный пример любви к родному краю, своей малой родине – Приамурью. В память о Григории Степановиче ежегодная областная научно-практическая конференция называется – «Новиковские чтения».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

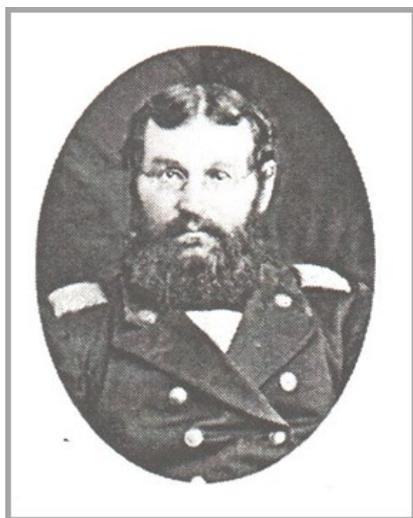
1. Дневник Г. С. Новикова-Даурского за 1959–1961 гг. // АОКМ им. Г.С. Новикова-Даурского, АОМ 28464/1.
2. Письмо // АОКМ им. Г.С. Новикова-Даурского, АОМ 16326.
3. Письмо // АОКМ им. Г.С. Новикова-Даурского, АОМ 16385.
4. Там же.
5. Дневник Г. С. Новикова-Даурского за 1959–1961 гг. // АОКМ им. Г.С. Новикова-Даурского, АОМ 28464/1.
6. Рудковский, Н. Неутомимый искатель / Н. Рудковский // Приамурье : лит.- художеств. альм. – Благовещенск, 2003.
7. Дневник Г. С. Новикова-Даурского за 1959–1961 гг. // АОКМ им. Г.С. Новикова-Даурского, АОМ 28464/1.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.

М. К. ЧЕСНОКОВА,
заведующий отделом краеведения и редких книг
Амурской областной научной библиотеки
имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

КИРИЛЛОВ А. В. 170 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

10 августа (29 июля) в 1851 г. родился Александр Васильевич Кириллов – учёный, краевед-исследователь, общественный деятель, автор известного «Географическо-статистического словаря Амурской и Приморской областей...».

Его детские и юношеские годы прошли в Архангельске, здесь же он учился в духовной семинарии.

В 1877 году Кириллов окончил курс Московской духовной семинарии со степенью кандидата богословия. Решением святейшего синода Александр Васильевич был направлен в Амурскую область преподавателем латинского языка в духовной семинарии города Благовещенска.

В последней четверти XIX века Благовещенск стал центром области, имеющей большое будущее, и нуждался в человеке, который бы стал его летописцем. Таким человеком оказался А. В. Кириллов.

Александр Васильевич с огромным энтузиазмом взялся за изучение жизни и быта местного населения, природы и климата Приморья. Уже летом 1881 г. он совершил научную поездку вниз по Амуру до Николаевска. Её результатом стали путевые заметки «От Благовещенска до Николаевска». В этом же году вышли историко-этнографические очерки «Гиляки», «Русские колокола у гиляков», «Новый год у китайцев», «Гиляцкие сказки».

Результатом экономических и географических исследований стали публикации «Итоги 25-летней деятельности русских на Амуре», «Очерк амурской торговли», «Амурские письма».

В 1894 году увидел свет труд А. В. Кириллова «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей...». Он получил широкую известность.

В 1881 году Кириллов перешёл из духовного ведомства в гражданское, став преподавателем мужской гимназии. Огромную долю своего времени он посвящал деятельности на пользу общества – заведовал фундаментальной библиотекой гимназии, собирал местные издания.

1 сентября 1895 года А. В. Кириллова назначили секретарём статистического комитета Амурской области. В этой должности он проработал до 1899 г. В 1896 г. Александр Васильевич выполнял обязанности цензора

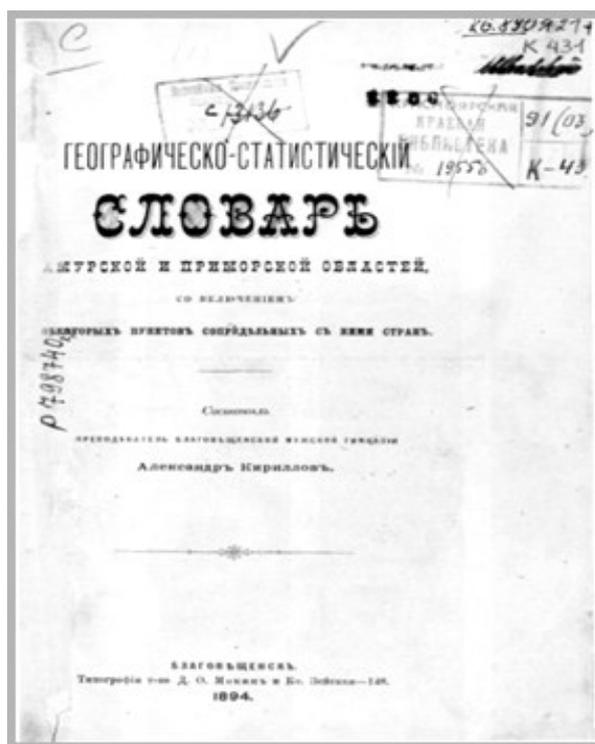
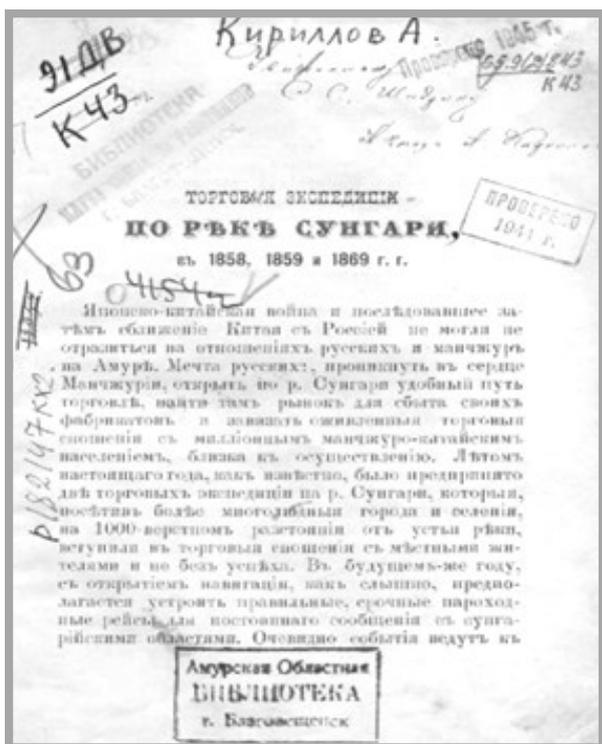
«Амурской газеты». С 1898 г. неоднократно избирался гласным городской думы, с 1897 г. стал почётным мировым судьей, а с 21 апреля 1898 г. – городским головой.

Много сил и энергии уделял А. В. Кириллов Благовещенскому городскому музею, понимая его роль в культурной жизни города, призывая пополнять фонды старинными вещами, монетами, оружием. С 1897 года он воз-

главлял комитет музея, был автором Устава этого учреждения, утверждённого в 1898 году.

Более четверти века отдал Александр Васильевич Амурской земле. Большую ценность представляет его личный архив, дневники, документы, хронологические перечни событий по Амурскому краю, переписка.

Умер Александр Васильевич Кириллов в октябре 1910 года в Архангельске.

Произведения А. В. Кириллова в фонде АОНБ

Кириллов, А. В.

[Торговые экспедиции по реке Сунгари в 1858, 1859 и 1869 гг.] / А. В. Кириллов. – [Благовещенск] : [б. и.], [1898]. – 154,[2] с. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Кириллов, А. В.

Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. / А. В. Кириллов. – Благовещенск : Типография т-ва Д.О. Мокин и К^о : [б. и.], 1894. – [4], IV, 541, [3] с. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Статьи из сборников и периодических изданий о А. В. Кириллове

Беляничева, Г. Первопроходец амурской культуры / Г. Беляничева. – Текст (визуальный) : непосредственный // Благовещенск. – 2001. – 18 мая. – С. 5.

Бобошко, А. Вместе с Кирилловым / А. Бобошко. – Текст (визуальный) : непосредственный // Проспект Пушкина. – 2004. – 6 окт. – С. 8.

Журналисты дореволюционного Благовещенска : [о А. В. Кириллове и др. ; фрагмент кн. «История Благовещенска, 1856–1917»] – Текст (визуальный) : непосредственный // Витрина. – 2010. – 25 янв. (№ 2). – С. 2.

Исаченко, Б. А. Первая публикация А. В. Кириллова / Б. А. Исаченко. – Текст (визуальный) : непосредственный // Музеи – центры координации краеведческой работы : материалы научно-практической конференции. – Благовещенск, 2001. – С. 246–248.

Никитина, Н. Не требуя наград за подвиг благородный... / Н. Никитина. – Текст (визуальный) : // Амурская правда. – 2001. – 4 авг. – С. 8. – (Старая мельница).

Никитина, Н. Ф. А. В. Кириллов – основатель научного краеведения / Н. Ф. Никитина. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амурский краевед. – 2002. – № 1. – С. 150–158.

Николаев, С. И. Кириллов Александр Васильевич : [информ. и список лит.] / С. И. Николаев. – Текст (визуальный) : непосредственный // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск, 2013. – С. 180–181.

(составлено по материалам:

«Календарь знаменательных и памятных дат по Амурской области на 2006 год»,

«Календарь знаменательных и памятных дат по Амурской области на 2021 год»)

165-летию Благовещенска посвящается

И. И. КОРОБИЙ,

главный архитектор Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области

Ключевые слова: Благовещенск, 14-й Сибирский линейный батальон, 2-й Восточно-Сибирский линейный батальон, 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, архивные планы города, военный городок, каменные казармы на улице Большой, на улице Зейской.

В статье рассматривается история строительства военных каменных казарм в конце XIX – начале XX вв. в Благовещенске. Необходимость их строительства была обусловлена местоположением города как форпоста российского государства, места сосредоточения регулярной армии и казачьих войск, задачами по охране и защите рубежей Приамурского края. Статья даёт представление о территориальном расположении регулярных войск, этапах строительства казарм, их эксплуатации и современном состоянии.

БЛАГОВЕЩЕНСК. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННЫХ КАЗАРМ

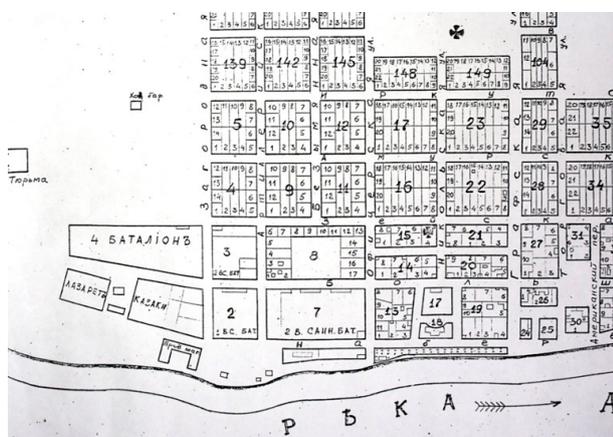
«...Благовещенск пока только казарма, наскоро построенная, холодная, со сквозным ветром, с капелью с потолков и крыши. Ладил ее линейный солдатик, у которого в первый раз в жизни очутился в руках топор ненадежной работы казенного Петровского завода... Часть казарм занята гражданскими и военными чиновниками по количеству далеко еще не заполненного штата по положению об новом сибирском областном городе Амурской области. В четырех казармах размещен линейный батальон, на обязанности которого давно уже легла и лежит до сих пор вся постройка городских строений: вольных плотников в Благовещенске нет, да и взять негде. ... Солдаты на площади пилят бревна; солдаты на домах и в домах рубят те же бревна. Со всех сторон слышится звон и стук топора, визг пилы... солдаты везде, солдаты кругом, куда ни обернешься». Так описывал Благовещенск этнограф Сергей Васильевич Максимов в своей книге «На Восток. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах)».

История нашего города началась с военного поселения. Первые здания строились солдатами 14-го Сибирского линейного батальона под командованием майора В. Е. Языкова. Это были временные деревянные казармы, расположенные в четырёх верстах от устья реки Зеи, между будущими улицами Офицерской –

Артиллерийской и Большой и, впоследствии, Загородной улице, по которой была определена западная граница города. Так начала формироваться территория города и вместе с ней территория расположения регулярных войск Благовещенского гарнизона. До наших дней деревянные казармы не сохранились. В первом томе «Истории Благовещенска. 1856–1917» (с. 71) читаем, что «...в 1886–1891 гг. между улицами Большой (Ленина) и Зейской были построены здания артиллерийских конюшен и первые каменные казармы 2-го Восточно-Сибирского линейного батальона». Таким образом, на территории, где обустраивались воинские части, появились не только временные деревянные, но и первые, более удобные для проживания, кирпичные казармы. На архивной карте 1895 года [прим. 1] в квартале №7, по улице Большой (Ленина), между Артиллерийской и Офицерской (Мухина), нанесены два здания казарм, в них размещался 2-й Восточно-Сибирский батальон. Это были одноэтажные строения с интересно декорированным мезонином по центру.

В настоящее время в этом квартале располагается Дальневосточное высшее общеобразовательное командное училище им. Рокоссовского (ДВОКУ), каменные казармы были надстроены двумя этажами и выглядят как современные здания, но если обратить внимание, то видны существенные стилевые отличия между первыми и верхними эта-

жами. В таком виде две первые каменные казармы дошли до нашего времени. Сохранились фотографии 1960-х годов XX века, где они ещё сохраняют свой исторический вид.

Фрагмент архивного плана г. Благовещенска 1895 г.

Казарма по ул. Ленина, главный фасад. 1960-е гг.

5 июля 1895 года в Благовещенск на «постоянные квартиры» из Троицкосавска прибыл 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон. Для него был отведён квартал, выходящий за сформировавшуюся западную границу города, улицу Загородную (в настоящее время в этом квартале, с адресом ул. Ленина, 223, размещается воинская часть). Газета «Камчатские Епархиальные ведомости» в №16 от 31 августа 1895 года писала: «...Его Преосвященство был приглашен освятить закладку первого здания для недавно прибывшего в Благовещенск 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона». На копии архивного плана 1895 года, за улицей Загородной, между будущими улицами Суворовской (продолжение улицы Большой) и Зейской, обозначен квартал, где разместился 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон (на плане – 4 батальон). На северной стороне квартала, ближе к улице Загородной, нанесено здание казармы, закладку которой, вероятно, описывала газета «Камчатские Епархиальные ведомости». Такая же ситуация прослеживается и на архивном плане Благовещенска 1902 г.: в квартале обозначено одно каменное здание казармы. Оно сохранилось до нашего времени и расположено на углу улиц Зейской и Загородной. В советский период было надстроено вторым этажом, выведено из эксплуатации, находится в аварийном состоянии.

Архивный план Благовещенска 1906 года позволяет проследить дальнейшее развитие строительства каменных казарм на территории военного гарнизона. Улица Большая была про-

Казарма по ул. Ленина, вид с территории ДВОКУ. 1960-е гг.

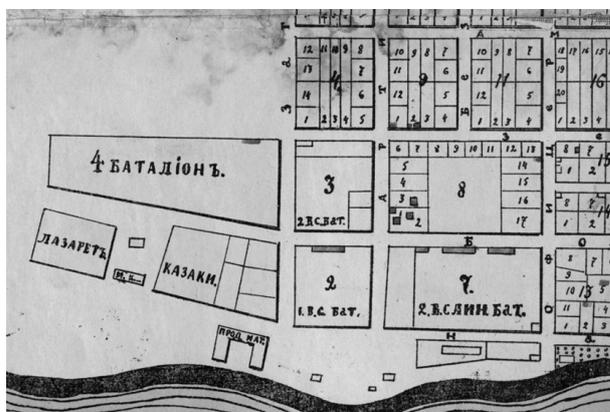
должна за Офицерской как Суворовская. По её левой стороне, между улицами Артиллерийской и Загородной, на красной линии, появляется ещё одна казарма, также сохранившаяся до нашего времени, её современный адрес ул. Ленина, 219. В условных обозначениях плана 1906 года она значится под №85. Фасады этого здания не перестраивались с момента возведения, не изменилась планировка и фрагменты интерьеров. Особенно примечательны два ряда чугунных несущих колонн, на которые опирается балочная система перекрытий. Это единственная казарма, где можно увидеть подобные элементы. Существует архивная фотография 1900 года, где запечатлён внутренний вид 19-го запасного госпиталя, он совпадает с интерьером казармы по ул. Ленина, 219.

Кроме этой казармы на плане 1906 года в северной части квартала, где размещался 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, обозначена ещё одна казарма по улице Зейской. Она также сохранилась, но находится в аварийном состоянии.

В дальнейшем территория военного ведомства продолжает разрастаться и благоустраиваться. Наиболее точное представление о расположении каменных казарм даёт архивный план 1910 года. Кроме всех ранее построенных, на улице Зейской обозначены ещё две казармы, продолжившие линию застройки на запад и по стилистике схожие с возведёнными ранее.

Первая каменная казарма, построенная для 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона в 1895 г.

Фрагмент архивного плана Благовещенска 1902 г., с отмеченной в квартале 4-го батальона каменной казармой и казармами в 7-м квартале

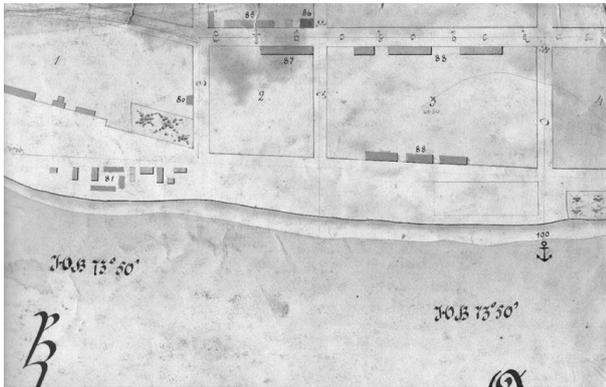
Внутренний вид 19-го запасного госпиталя. 1900 г.

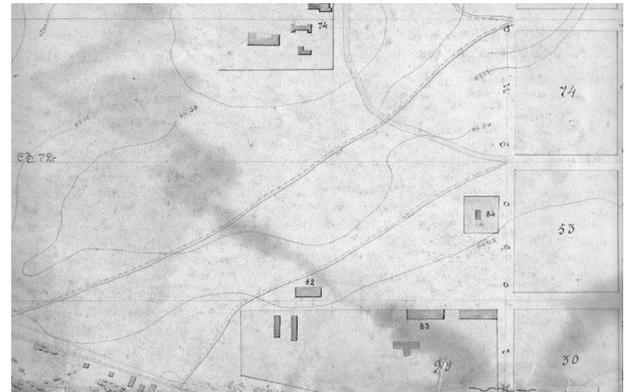
Современный вид одной из казарм по ул. Ленина. 2020 г. [прим. 2]

Интерьер казармы по ул. Ленина, 219. 2019 г.

Фрагмент плана г. Благовещенска 1906 г. Ул. Суворовская. Под №85 – казарма с современным адресом ул. Ленина, 219

Фрагмент плана г. Благовещенска 1906 г. Под №83 - казарма по ул. Зейской, между ул. Загородной и Батарейной

Главный фасад казармы по ул. Ленина, 219. 2020 г.

Фрагмент архивного плана 1910 г. с обозначенными каменными казармами военного ведомства, построенными между 1895–1910 гг.

Архивная фотография, справа – казармы на современной территории ДВОКУ, слева – здание Амурского общества пароходства и торговли (совр. медсанчасть ДВОКУ, ул. Мухина, 2)

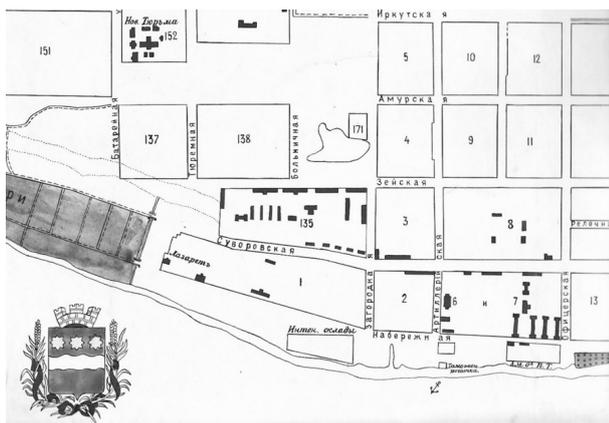
Бывшие казармы по ул. Зейской. 2020 г.

Казарма на территории военного госпиталя. 2020 г.

Центральный ризалит казармы по ул. Ленина, 219. 2020 г.

*Фрагмент архивного плана Благовещенска
1915 года*

Все они одноэтажные, центрально-симметричные, с ризалитами по центральной оси и двумя фланговыми ризалитами. Такие казармы военное ведомство возводило во многих российских городах и их можно квалифицировать как типовые постройки. В настоящее время эти здания не эксплуатируются длительный период, находятся в аварийном состоянии, в них разрушены перекрытия, перегородки, утрачены крыши. Внутреннее пространство заросло деревьями, что говорит о вероятном разрушении фундамента корнями. Подобная казарма в первоначальном, историческом виде существует на территории совре-

*Казармы на территории военного городка
(ул. Ленина, 223). 2020 г.*

менного военного госпиталя (ул. Ленина, 172), возможно, она была построена в этот же период, между 1906–1910 годами.

С 1910 по 1915 год строительство каменных казарм продолжилось. В кварталах, где в наше время располагаются ДВОКУ (ул. Ленина, 158), военный госпиталь (ул. Ленина, 172) и военная часть (ул. Ленина, 223) возводятся двухэтажные здания, выполненные по одному проекту. По своему стилистическому решению они значительно отличаются от построенных ранее. В наши дни эти строения по-прежнему эксплуатируются как казармы для курсантов ДВОКУ

Казармы ДВОКУ, современный вид. 2020 г.

Казарма на территории военного госпиталя. 2020 г.

и как лечебный корпус военного госпиталя. Казармы военного городка (ул. Ленина, 223) выведены из эксплуатации по причине аварийного состояния.

Анализ картографических материалов и сохранившихся зданий казарм позволяют сделать вывод, что застройка военных кварталов расширялась по мере разрастания города и заняла всю его западную часть, отсюда появились названия улиц: Офицерская, Артиллерийская, Суворовская (продолжение ул. Большой). Самые первые каменные одноэтажные, с мезонинами, казармы были построены между 1886–1891 годами, они сохранились до наших дней (расположены на территории ДВОКУ, выходят фасадами на ул. Ленина), но утратили исторический вид из-за надстройки 2-х этажей. С 1895 по

1910 год в разных кварталах были возведены одноэтажные казармы, схожие по стилистическому решению фасадов и планировке (Ленина, 219; военный госпиталь, Ленина, 172; разрушенные казармы по ул. Зейской). После 1910 года используется другое типовое решение – это двухэтажные казармы с менее декорированными фасадами.

После революции 1917 года строительство в кварталах военного ведомства не велось, были задействованы здания, построенные ранее. Благодаря этому значительная часть казарм уцелела, и мы имеем наглядное представление о строительстве первых военных объектов только зарождавшегося города Благовещенска.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье представлены картографические и фотоматериалы из фонда Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
2. Здесь и далее по тексту приводятся фото автора.

Г. К. АЛЕКСЕЕВА,
учитель русского языка и литературы,
заслуженный учитель школы
Российской Федерации

ИЗ ИСТОРИИ ДАЧНОГО РАЙОНА СТАРОГО БЛАГОВЕЩЕНСКА

Ключевые слова: дача Левашевых, яблоневая аллея, берёзовая роща, берег реки Зеи, дача Бабинцева, таинственный сундук, старинное зеркало, новые документальные источники.

В 2012 году в газете «Витрина» (издание АО «Амурской ярмарки», №5) была опубликована статья «Левашовская дача», в которой автор (Г. К. Алексеева) поделилась воспоминаниями о периоде проживания её семьи на берегу Зеи, рядом с так называемой «Левашовкой» [прим. 1]. В этом благодатном дачном районе старого Благовещенска прошли её детство и юность. В душу автора глубоко запали архитектурный облик сохранившихся домов и различные элементы отделки, строительные материалы и даже фурнитура. Также в памяти сохранились сведения о многочисленных соседях, их детях, тайнах старых дач, красоте окружающей природы. Спустя почти десятилетие, на волне краеведческого интереса к тайнам нашего города, автор возвращается к своим материалам, частично дополняя и уточняя отдельные сведения. Статья также сопровождается исторической справкой Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, составленной на основании новых документальных источников о месте расположения дач купцов, золото-промышленников В. А. Левашева и Н. П. Бабинцева.

Помню 1955 год. Мне идёт десятый год. Мы всей семьёй переезжаем в дом на берегу Зеи по адресу: улица Кожевенная, 2 (или улица Набережная, 48). Здесь я прожила до 27 лет. Это была не просто жизнь, это был целый мир, Вселенная.

Теперь этого дома нет, его снесли в 1990-х годах. Но, он живёт в памяти. Огромный, деревянный. Комнаты высотой три с лишним метра. Дом, рубленный из больших сосновых брёвен, оштукатурен внутри. Половицы широкие, крепкие, отполированные, будто из мрамора. Особое восхищение вызывали окна. Шесть из них выходили на берег Зеи, на восток, четыре – на север. Об остальных сказать трудно. Когда мы сюда переехали, в доме уже жили четыре семьи. Одним словом, перегороженный дом к тому времени был коммуналкой.

Нам достались четыре северных окна и четыре восточных. Рамы были добротные, крепкие, открывались настежь, когда цвела черёмуха. Её запах пленил всех. Несмотря на печное отопление, на обилие людей, в доме был чистый, ароматный воздух. Наличники были не резные, а как бы сплетенные из косичек. Простые и лаконичные украшения. Были ставни с большими железными креплениями, защищающие дом так, что проникнуть внутрь через закрытое окно было невозможно – металлические штыри и болты прочно соединяли ставни и брёвна изнутри.

Крепкие крючки сверху и снизу были и у входной двери. Всё добротно, прочно, крепко. Когда в 1970-х годах волею судьбы дом стала занимать только наша семья, был произведён ремонт и разрушены надстроенные перегородки,

открылось то, о чём мы даже не подозревали: под штукатуркой – обои, ещё дореволюционные; межкомнатные двери, такие ровные и гладкие, что к ним хотелось прикоснуться щекой. Почувствовалась вся красота, что была скрыта в этой полуразрушенной усадьбе. Красота была не только в доме, но и в столбах, оставшихся от когда-то величественных ворот, в двух других домах поменьше, поскромнее, где тоже жили несколько семей.

Рядом с домом, в берёзовой роще, располагалась Левашовская дача или «Левашовка». Так её в те годы называли все, кто проживал не только в дачном районе, но и во всём городе.

Красивый деревянный теремок, в котором жило-поживало много-много семей. Их дети, внуки и сейчас живут там. Во многих квартирах этой дачи-теремка я была. Конечно, к тому времени многое было уже перестроено.

Каждая квартирка имела отдельный выход. Они со всех сторон окружали дом, к выходам были пристроены крылечки. Скорее всего, двери сделали на месте бывших окон. Квартирки были тесноваты и темноваты. К 1955 году на даче жило пять семей: Гиц, Слюсаревы, Аксеновы, Кальяновы и Тумановы. Семья Тумановых – единственная семья, жившая на втором этаже. Наверх вела крутая неширокая лестница. Ступеньки поскрипывали, и по ним приходилось ступать осторожно. Тумановы жили скромно, аскетично, бедно, даже по тем временам. Но у них была очень богатая библиотека. Лучше книг я в те годы не знала. Было очень странно видеть в этой семье такую библиотеку. Я несколько раз брала читать книги, по прочтению возвращала. Хозяйка дорожила библиотекой, но когда семье стало жить совсем трудно, она начала распродавать книги.

Единственное, что в те годы объединяло весь дом, это облицовка дачи. Снаружи она была отделана досками, шириной сантиметров двадцать, хорошо обработанными, гладкими, очень ровными досками одинакового золотисто-жёлтого цвета. Архитектура была необычная – подобных деревянных строений я никогда не видела – и было всегда интересно представлять дачу в её первозданной красе, хотелось узнать имя архитектора.

От дачи к Зее вела яблоневая аллея. Весной, когда цвели яблони, это было незабываемое зрелище – белое кружево спускалось к самому берегу.

Красота! Берег реки пологий, чистый, покрытый мелкой галькой, кое-где песок. Очень чисто и дно Зеи, и, как ни странно для этой реки,

вода в окрестностях тоже чистая – прозрачная – видно дно, мелкую рыбёшку, собирающуюся вокруг погруженных в воду ног, рук. Можно было часами наблюдать за стайками этой мелочи.

Особо хочется сказать о берёзовой роще. Берёзовой её называли мы, дети. На самом деле здесь росли и сосны. И черёмуха. Но большинство деревьев – карельская берёза. Тогда я впервые увидела это дерево, узнала его название. Роща была любимым местом сначала для игр, потом прогулок, свиданий. Раскинув на траве одеяло, готовились к экзаменам, а в перерывах катались на велосипедах. С восхищением вспоминаю чистоту этого места: нет никакого мусора, по траве ходим босиком, да ещё и ноги остаются чистыми. Роща была одна на всех – никто не ломал веток яблонь и черёмух, не протапывал лишние тропинок, не копал землю под деревьями. Мы все её как-то негласно берегли и любили. Особенно любили молодые берёзки. Они росли в западной части рощи и были насквозь пропитаны светом и теплом – этот было самое светлое место, а южнее – стволы деревьев были толстые, не обхватить. Таких величественных стволов у берёз я не видела. Наверно, хорошо им жилось в этой роще, где было много молодости и любви.

Красота, чистота, нетронутость этих мест была вплоть до наводнения 1970-х годов. Необходимость защиты города обернулась трагедией для этих милых сердцу берёз. Строили укрепления, рыли рвы, котлованы, в которых брали песок для дамбы – окрестности берега изуродовали. После дождей в ямах застаивалась вода, постепенно берег покрылся тоннами мусора и отходов. стыдно пройти по построенной дамбе сейчас. Нет хозяина, нет человека. Где красота, которая «спасает мир», где «чистейшей прелести чистейший образец».

От нашей усадьбы как-то в стороне стоял невысокий, несколько удлиненный, как бы состоящий из двух частей, темноватый, с маленькими окошками дом (этот дом впоследствии снесли первым). В нём жила семья моей подруги детства Веры Юровских. Жили да жили себе, пока однажды на чердаке этого дома мы с Верой не обнаружили сундук с женскими платьями невиданной красоты. Нам, девчонкам, и не снилось такое богатство! Но брать их, и выносить с чердака, было строжайше запрещено. Удивительно, что добрые Юровских, жившие, как и все после войны, очень скромно, вдруг становились очень строгими и немногословными,

когда заходила речь об этих нарядах. Лишь однажды – тогда я уже училась в 11-м классе – мне было разрешено взять одно длинное, золотом расшитое платье на новогодний карнавал, но строго было наказано вернуть его на место рано утром.

Возле родного дома

Что это был за таинственный сундук, в котором хранились невиданной красоты одежды, которые нам, детям, не разрешали трогать, рассматривать и запрещали говорить о них, я не знаю. В конце 1990-х годов я узнала об обитателях дачи Левашова, живших в далёкие дореволюционные годы. Трагедию хозяйки дачи... Время быстротечно. Годы словно выстроились в ряд. Как же мало прошло лет от 1922 г. до 1955 г. Сколько произошло событий, трагедий, горя. А может, те платья в сундуке принадлежали хозяйке Левашовской дачи? Молчит история...

А несколько лет тому назад я получила неожиданное напоминание о Левашовской даче. В одном из мебельных магазинов Благовещенска я увидела старинное трюмо. Оно было хорошо тронуте временем: зеркальное полотно – с трещинками, разошедшая столешница... И, вместе с тем, это была вещь необыкновенной красоты.

«Откуда у вас такое великолепие?», – спросила я у продавцов. – «Да, с «Левашовки» какая-то женщина сдала». Надо ли говорить, что я не могла не приобрести это трюмо. И теперь с заме-

Левашовская дача осенью

Левашовская дача зимой

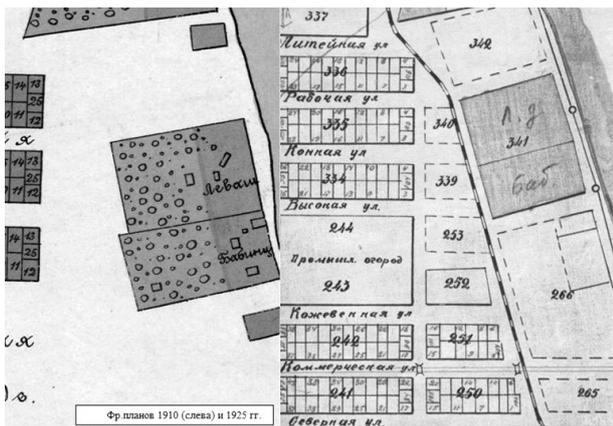
нённым зеркалом и покрытой лаком столешницей оно украшает нашу квартиру.

Кто знает, может много десятилетий тому назад к этому трюмо прикасались руки самой Ольги Мартыновны Левашовой?

Недавно вместе со знакомыми краеведами я побывала на «Левашовке», встретила с друзьями своего детства и юности. Отрадно, что нынешние обитатели дачи очень бережно к ней относятся. Очень чистый, уютный двор семьи Кальяновых: ни мусора, ни ветоши. В альбоме Валентины Александровны Кальяновой прелестные фотографии дачи, сделанные в зимний и осенний периоды. Здесь живут приветливые, доброжелательные люди. Пообщавшись с ними, сюда хочется возвратиться вновь.

Историческая справка из Акта историко-культурной экспертизы [прим. 2].

Первым загородным домом, появившимся на левом берегу реки Зeya, стала «Архиерейская дача», нанесённая ещё на первые планы города

Фрагменты планов города 1910 (слева) и 1925 гг

Семьи Левашевых и Григорьевых на своей даче

Благовещенска. Постепенно город разрастался, и левый берег Зеи начал осваиваться предпринимателями – там появился скипидарный завод, кожевенный завод Тулуповых. Но малозастроенный берег реки был привлекателен и для летнего отдыха, поэтому в конце XIX века на берегу Зеи стали возводиться загородные дачи. Три из них были построены на смежных участках и принадлежали купцам Н. П. Бабинцеву, Ельцову (одному из братьев Ельцовых) и В. А. Левашеву. Это подтверждает план Благовещенска 1906 года. В дальнейшем, на планах 1910, 1915 годов, обозначены только два владельца – это Бабинцев Н. П. (южный участок) и Левашев В. А. (северный участок). На плане города 1925 года квартал, где располагались дачи, отмечен как 341, с юга к нему примыкает квартал 266, граничащий с участком Бабинцева. Такая же квартальная нумерация и расположение дачных участков прослеживается и на плане 1928 года.

Недавно были найдены фотокопии инвентарных планов 266 и 341 кварталов Благовещенска, составленные в 1928 году. На плане

266 квартала, за его границей, в северном направлении, где расположен 341 квартал, надпись: «Дача Бабинцева». На плане 341 квартала ближайшим к междуквартальной границе находится деревянное здание на участке Бабинцева, совпадающее по местоположению с сохранившимся домом с мезонином по адресу улица Набережная, 50А. В оглавлении под строкой «341 квартала 3 района» карандашом сделана надпись: «Б. Левашева и Бабинцева дачи». При сравнении плана, взятого из техпаспорта, с планом дома с мезонином на участке Бабинцева видно, что они совпадают по конфигурации. При сравнении расположения участков Бабинцева и Левашева на архивных планах и на современном плане города видно, что участок Бабинцева находится между улицами Высокая и Конная, а участок Левашева – между Конной и Рабочей.

Таким образом, здание, считавшееся долгие годы среди благовещенцев дачей В. А. Левашева (как говорили – «Левашовка»), располагалось, на самом деле, на участке Н. П. Бабинцева и являлось в действительности дачей Бабинцева. Дачный участок В. А. Левашева находился севернее (по отношению к даче Бабинцева), и на нём, помимо дачного дома, располагалось ещё несколько построек. До нашего времени на этом участке сохранился только один одноэтажный дом Г-образной формы, утерявший свой облик в результате многократных перестроек и перепланировок.

Николай Петрович Бабинцев (1842–1892 гг.), купец 1-й гильдии, был совладельцем и представителем торгового дома «И. Я. Чурин и Ко» в Благовещенске с 1871 по 1892 год. Владел прииском Четырёхключевой по реке Ольге, имел землевладения в г. Благовещенске. После смерти Н. П. Бабинцева его супруга, Екатерина Васильевна и дочь Агния стали совладелицами ТД «Г-во «Преимники И. Я. Чурина и Ко – А. В. Касьянов и Ко». После революции Е. В. Бабинцева с дочерью эмигрировали в Харбин.

Если сопоставить то, что Н. П. Бабинцев умер в 1892 году, и то, что на всех известных архивных планах участок с объектом по улице Набережной, 50А именуется как принадлежавший Бабинцеву, можно предположить, что сохранившийся до наших дней дом с мезонином был построен до 1892 года.

В 1947 году дом, ранее именуемый «дачей Левашова» (согласно новым документам – дом Бабинцева), был передан обкому Союза медсантр-

уда под Дом отдыха. В настоящее время объект является многоквартирным жилым домом. При изменении функционального назначения объекта производились перепланировки, не затрагивающие несущие конструкции, был подведён бетонный фундамент, возведены кирпичные печи для

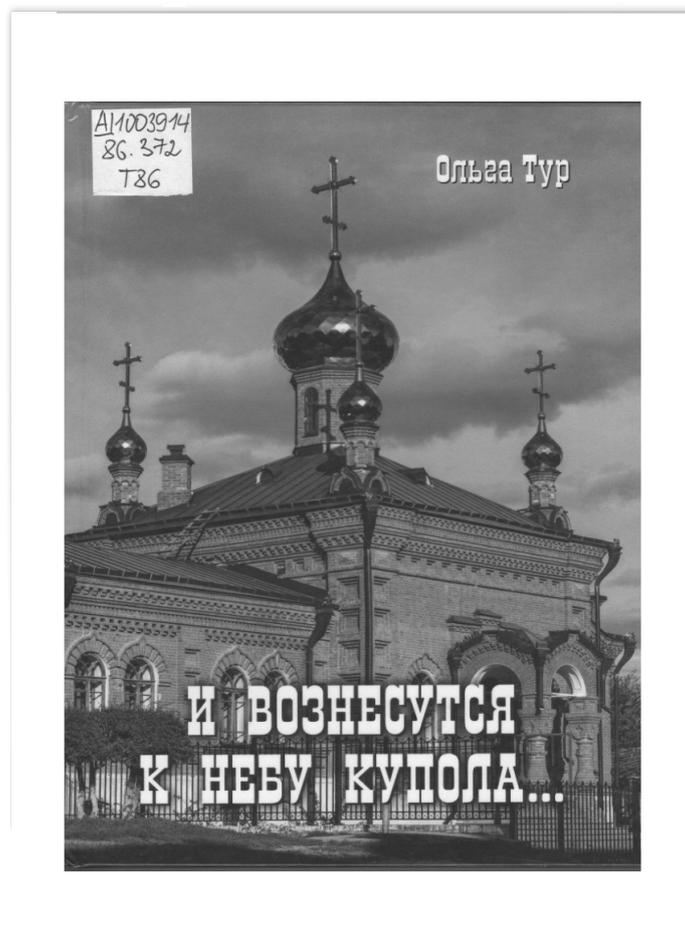
отопления, произведены пристройки входных тамбуров, проделаны дополнительные оконные проёмы. В целом внешний вид фасадов и элементы декора сохранены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье сохранено авторское написание фамилии через «О».
2. Историческая справка подготовлена Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Тур, О. Г. И вознесутся к небу купола... : из истории храма «Всех скорбящих Радость» / О. Г. Тур. ; [отв. ред. А. В. Телюк]. – Благовещенск-на-Амуре : Амурская ярмарка, 2021. – 384 с.; илл., портр. – (Благовещенск. Из века в век). – Текст (визуальный) : непосредственный.

Издание знакомит с более чем вековой историей храма во имя иконы «Всех скорбящих Радость» в Благовещенске. Изначально – домовая церковь Благовещенского епархиального женского училища, в советское время – помещение для культурно-досуговой деятельности педагогического техникума (позже училища, колледжа). Книга содержит не только сведения о строительстве храма в начале XX века, но и ранее неизвестные факты из жизни благодетелей – Василия Андреевича и Ольги Мартыновны Левашевых. В основе исторического экскурса – документы архивов, материалы периодических изданий того времени, редкие фотографии, воспоминания современников и потомков О. М. Левашевой.

Процесс восстановления церкви «Всех скорбящих Радость» (начиная с 2010 г.) описан автором скрупулезно, эмоционально и душевно. В книге рассказывается о том, как непросто шло воссоздание православной святыни, о людях и организациях, участвовавших в каждодневной работе, о радости прихожан и горожан, увидевших под звон колоколов храм во всей его красоте. Процесс восстановления церкви иллюстрирован большим количеством фотографий, мнениями его непосредственных участников, свидетельствами современной периодической печати. В приложении размещены исторические документы и дополнительные материалы к соответствующим главам.

Книга предназначена всем, кто интересуется историей родного края, кому небезразлично прошлое, настоящее и будущее Благовещенска.

О. Г. ТУР,
краевед, блогер, автор книги
«И вознесутся к небу купола...»

Ключевые слова: священник Александр Новокшёнков, миссионерская деятельность, Благовещенское епархиальное женское училище (БЕЖУ), храм «Всех скорбящих Радость».

Статья включает в себя исследовательские материалы, не вошедшие в книгу Тур О. Г. «И вознесутся к небу купола...». Посвящена первому священнику храма «Всех скорбящих Радость» – Александру Парфентьевичу Новокшёнкову, руководителю строительного комитета, миссионеру, учителю.

А. П. НОВОКШЁНОВ. СВЯЩЕННИК, СТРОИТЕЛЬ, МИССИОНЕР

О священнике Благовещенской епархии Александре Парфентьевиче Новокшёнкове известно немного. Тем важнее те крупинки сведений, которые удалось собрать об этом незаурядном человеке.

Отец Александр родился в 1866 г.

Его служение Богу началось с миссионерской деятельности в Южно-Уссурийском крае Камчатской епархии. Этот священник – достойный последователь трудов Святителю Иннокентия (Вениаминова). По семейной легенде обучался на народные деньги, был очень добрым человеком.

В числе первых подвижников просвещения дальневосточных территорий, помимо пастырской деятельности совсем ещё молодым человеком, отец Александр осуществлял контроль и обучал корейских детей в церковно-приходских школах Южно-Уссурийского края: Корсаковской, Кроуновской, Синельниковской и Пуциловской.

Как писали в те годы Камчатские епархиальные ведомости, «По-прежнему в некоторых корейских селениях существовали частные школы, в которых преподавание шло на корейском языке». С точки зрения русских властей, это было «далеко нежелательно в том отношении, что корейцы, известные своим упорством, этим будут только поддерживать свою самостоятельность». Нужно было обучить корейских детей русскому языку, Закону Божию, первичным знаниям арифметики, письма, чтения. Эта ответственная работа была поручена отцу Александру.

В июне 1889 г. на экзаменах в школах Корсаковской волости присутствовал начальник Южно-Уссурийского округа А. В. Суханов. В своём ежегодном отчёте он описал содержание школьного курса и успехи учеников. Начальник края подчеркнул, что дети обучались бесплатно в «особо выстроенных для того зданиях». Корейские мальчики учились говорить и писать по-русски, считать, православные дети (в школе учились и не крещённые) изучали священную историю. Миссионер Александр Новокшёнков относился к делу обучения корейцев «с полным знанием и любовью». На экзаменах в присутствии А. В. Суханова большинство учащихся говорило «порядочно» по-русски, читало и поясняло прочитанное. Дети знали правила арифметики, умели пояснить значение картин, иллюстрирующих Священное писание [1].

В 1892 г. 26-летний священник был переведён на Амур. С женой Марией Михайловной и двумя маленькими дочками он поселился в селе Красноярово [2].

Но миссионерские труды по обучению корейских детей православной вере и русскому языку не пропали даром. Спустя год после отъезда отца Александра из Южно-Уссурийского округа, школы, в которых он трудился, посетил епископ Макарий. Он решил устроить экзамен ученикам Корсаковской и Кроуновской школ. Дети «бойко и быстро давали разумные ответы, сначала по-русски, а потом по-корейски». Епископ «выразил удовольствие» и благодарил учи-

телей за «усердное отношение к делу обучения детей». Вот так однажды установленный добрый порядок и в дальнейшем приносил свои плоды [3].

А отец Александр в этом же 1893 г. был назначен священником Константино-Еленинской церкви станицы Константиновской, где прослужил три года. Затем, в 1896 г., состоялся очередной перевод, теперь в Михайло-Архангельскую церковь, в село Черемховское. В 1898 г. был награждён скуфьей и назначен духовником благочиния шестого участка (зазейских церквей), где трудился до 1900 г.

В 1900 г. на Благовещенскую кафедру назначен епископом Преосвященный Никодим (Боков), который уделял первоочередное внимание развитию образования. Он сразу заметил яркого талантливое человека и поручал ему наиболее важные и ответственные участки епархиальной деятельности.

В 1900 г. отец Александр совмещал обязанности законоучителя сразу в двух церковно-приходских школах: Черемховской и при Вознесенском храме в Благовещенске, где два года служил вторым священником. За свои труды был награждён от Синода камилавкой.

В мае 1901 г. епископ Никодим провёл очередной съезд благочинных, на котором решался вопрос об открытии в Благовещенске епархиального женского училища.

Избрали совет училища и сразу же создали строительный комитет. Отцу Александру Новокшённову, ответственному, трудолюбивому и честному человеку, съезд доверил быть председателем строительного комитета по постройке епархиального училища и домово́й церкви при нём [4].

В сентябре 1906 г. на очередной съезд благочинных были приглашены члены совета Епархиального училища и строительного комитета. Вместе с архитектором здания А. Р. Станкевичем был произведён всесторонний осмотр всего здания и надворных построек. В результате выявлено, что строительство здания училища и церкви в основном завершено. В рекордно короткий срок выполнен огромный объём работ.

Построено трёхэтажное кирпичное здание на бутовом фундаменте, покрыта кровля, настланы и покрашены полы, оштукатурены стены, окрашены на два раза потолки. Выполнена внутренняя отделка всех помещений. Установлены деревянные и металлические лестницы. Подготовлено отопление, обустроена кухня, вставле-

ны окна и двери, построены баня и прачечная. Осталось немного – санузлы, помпа внутри здания, подвал да конюшня [5].

Епархиальные ведомости писали, что благодаря неусыпной энергии и великому труду членов строительного комитета, съезд благочинных Благовещенской епархии, под председательством благочинного VIII участка священника Христофора Попова «находит здание в настоящем его виде весьма удовлетворительным для того, чтобы ныне же переселилось в него епархиальное училище».

Священник Александр Новокшёнов

Вознесенская церковь - место служения о. Александра

Съезд постановил «...выразить благодарность ... священнику Александру Новокшённову, о последнем почтительнейше ходатайствовать пред Его Высокопреосвященством о его поощрении».

На журнале резолюция архиепископа Владивостокского Евсевия от 7 сентября 1906 г., №1975: «Утверждается. Священника А. Новокшённова иметь в виду при представлении к следующей очередной награде».

Через две недели состоялось торжественное освящение и открытие нового каменного здания Благовещенского епархиального женского училища. Немало добрых слов было сказано тогда в адрес строительного комитета, который возглавлял отец Александр: «...Честь, хвала и искренняя благодарность от училища всему составу строительного комитета по постройке училищных зданий и особенно старшим членам его бывшему протоиерею С. О. Тихвинскому и настоящему достойнейшему завершителю всех работ о. А. П. Новокшённову, на долю которого выпали труды по строительству в самый тяжёлый период производства работ, совпавший со временем русско-японской войны, когда в городе Благовещенске чувствовался недостаток в строительных материалах и в ра-

бочих руках. Но о. Александр со свойственным ему умением и энергией все превозмог, и ни один рабочий день не остался втуне» [6].

Многодетная семья Новокшённовых жила в Благовещенске в своём доме по адресу: улица Иркутская, 48. Был у них во владении небольшой участок земли, который сегодня со всех сторон застроен торговыми центрами.

Родители о. Александра – Парфений Васильевич Новокшённов, бомбардир батареи Забайкальской артиллерийской бригады (1861–1863 гг.) и его жена – Наталья Емельяновна. В Благовещенске жили также его старший брат Илья (р. 20.07.1861) и сестра Екатерина (р. 24.10.1863).

Так и представляю, как шёл о. Александр ранним утром пешком по тихой Вознесенской улице до Бурхановской, к месту строительства нового здания, а матушка оставалась дома на хозяйстве. Трудилась Мария Михайловна не покладая рук, чтобы накормить, обуть, одеть, обстирать всё своё многочисленное семейство. В этой любящей семье появились на свет десять детей: 1. Александр (р. 1905), бездетен; 2. Анна (р. 1903), воспитанница Благовещенского епархиального женского училища (1914–1918), переведена в 4-й класс (1917). Бездетна; 3. Евгения (р. 18.12.1897), воспитанник Ф. И. Васи-

Священник Александр Новокшённов среди духовенства Благовещенской епархии (1-й ряд, второй справа). Октябрь 1907 г.

льев. В зам. Мантыцкая, сын – Виктор (?–1964, Липецк), его дети: Елена, Евгений Киргинцев; 4. Иван (р.1901), его дети: Александр (врач), Юрий (журналист, Москва); 5. Людмила, в зам. Триер; 6. Михаил (р. 1896/1897?), получил стипендию для оплаты за обучение от города (1914), его дочь Нина, в зам. Блажевич; 7. Надежда (р. 1892), учительница училища им. Ушинского (1914), бездетна; 8. Николай (02.12.1895-08.01.1898); 9. Серафима (р. 1890), в зам. Перевозникова, учительница училища им. Некрасова (1911–1913). Брак (22.01.1914) с преподавателем Благовещенского речного училища Перевозниковым Георгием Андреевичем (р. 1890), их дочь – Галина; 10. Сергей (р. 1894–1895?), бездетен [7].

Какая колоссальная нагрузка лежала на родителях! Дети мал-мала меньше, помощи ждать неоткуда, у отца Александра богослужebные, строительные, общественные и семейные заботы. Батюшка успел стать кандидатом в члены Совета братства Пресвятыя Богородицы (1907) и братства «Всех скорбящих Радосте» (1907–1908).

Скончался священник Александр Новокшёнoв 9 февраля 1909 года после тяжелой болезни на сорок третьем году жизни. В холод-

ный и ветреный день 11 февраля множество народа пришло в Вознесенский собор в последний раз встретиться с любимым батюшкой. Здесь он служил, здесь с ним и попрощались. Проводить в последний путь дорогого человека пришло всё городское духовенство, родные, друзья. Похоронили его на Вознесенском кладбище.

Все, кто его знал, отзывались об отце Александре, как о человеке добрейшей души, заботливым отце, ответственном и скромном, дружелюбном и отзывчивом. Он так мало прожил лет и так много успел сделать, показав нам великолепный пример беззаветного служения Богу и людям.

Я долго искала, но так и не нашла в Епархиальных ведомостях информацию о том, исполнено ли распоряжение Архиепископа Евсевия о награждении отца Александра за труды при строительстве Благовещенского епархиального училища и домово́й церкви. Но сегодня мы видим, что достойной этого человека наградой служат добрая память и прекрасно сохранившиеся здания.

Вечная память священнику Александру Новокшёнoву.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 289.
2. Лынша О. Б. Зарождение школьного образования среди корейского населения Южно-Уссурийского края во второй половине XIX века / О. Б. Лынша. – URL: <https://koryo-saram.ru/zarozhdenie-shkolnogo-obrazovaniya-sredi-korejskogo-naseleniya-yuzhno-ussurijskogo-kрая-vo-vtoroj-pолоvine-xix-veka/>.
3. URL : <http://old.museumamur.org/bibliography/H>.
4. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1901. – №20.
5. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1907. – №7.
6. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1906. – №21.
7. URL : <http://old.museumamur.org/bibliography/H>.

165-летию Благовещенска посвящается

В. П. КОБЗАРЬ,
член Союза журналистов России,
член Союза российских писателей,
краевед

Ключевые слова: Благовещенск, юбилей, День города, городская дума.

В статье рассказано об одном из местных праздников, который с дореволюционных времён «дожил» до наших дней. Это День города. В 1908 году отмечался полувековой юбилей Благовещенска. На основе публикаций средств массовой информации того времени рассказывается о том, как планировалось отметить эту знаменательную дату, как прошло торжество и какие оно имело последствия.

ПОЛУВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ БЛАГОВЕЩЕНСКА

В дореволюционной России было множество праздников. В календарях они отмечались как неприсутственные дни: Новый год, Крещение Господне, Дни страстной седмицы и другие православные праздники; даты, знаменательные для Царствующего дома, – дни рождения, коронование, тезоименитства; кавалерские праздники – общие праздники кавалеров того или иного ордена. Кроме официальных всероссийских были и местные праздники. В Благовещенске это день Албазинской иконы Божией Матери (9 марта), день преподобного Алексия, человека Божьего – войсковой праздник Амурского казачьего войска (17 марта), день избавления от осады Благовещенска в 1900 году (20 июля) и другие. Из местных праздников до нас «дожили» только два – день Албазинской иконы Божией Матери и день рождения Благовещенска. В 1908 году город отмечал полувековой юбилей (со дня подписания императорского Указа). 15 мая гласные городской думы обсуждали устройство праздника. Подробно об этом в нескольких номерах писала благовещенская газета «Эхо».

Первым делом вспомнили, что уже несколько лет город ходатайствовал о перенесении останков графа Н. Н. Муравьёва-Амурского в Благовещенск с тем, чтобы поместить их в часовне, которую специально для этого планировалось выстроить на Никольской улице или на Чуринской площади. Ходатай-

ство не было удовлетворено, так что часовню соорудить не было необходимости. Другие предложения по поводу празднования полувекового юбилея города были не очень оригинальными.

Гласный В. А. Бородин: «Молебствие провести и привлечь войска» (чтобы прошли парадом).

Гласный С. П. Попов: «Устроить бесплатный обед для бедных».

Гласный Ю. Г. Свищерский: «Провести торжественное заседание думы, прочитать лекцию об истории Приамурья, послать приветственные телеграммы сподвижникам Николая Николаевича Муравьёва-Амурского Якову Парфентьевичу Шишмарёву и Петру Алексеевичу Кропоткину».

Решили: 21 мая провести заупокойную панихиду и молебен в Никольской церкви, торжественное заседание думы – в Общественном собрании, там же устроить торжественный обед с почётными гостями; отправить телеграммы сподвижникам Н. Н. Муравьёва-Амурского; учредить стипендию «путём ежегодного взноса 500 рублей сложения недоимок»; организовать катание учащихся на пароходах.

Празднование прошло, как и задумали. Подробно об этом написала газета «Благовещенские епархиальные ведомости» №12 от 30 июня 1908 года в рубрике «Из хроники епархиальной жизни»: «Божественную литургию Его Преосвященство (епископ Владимир (Благодарумов) изволил

совершить в древней Никольской церкви в служении: протоиерея А. Васильева и священников И. Мосолова, Н. Макаревского, В. Венчаева, К. Соколовского и П. Лебедева. Перед концом литургии Его Преосвященство изволил произнести слово, в котором Архипастырь указал на великое историческое значение акта присоединения Амура к Российской державе в стратегическом, политическом, культурном и колонизационном отношениях и, в частности, отметил труды графа Н. Н. Муравьёва-Амурского, Высокопреосвященнейшего Митрополита Иннокентия и сподвижников их после Айгунского договора 1858 года в деле устройства новоприобретённого Амурского края на началах русской гражданственности, ставшего аванпостом России на Дальнем Востоке.

Тотчас после литургии состоялся крестный ход к месту близ Николаевской церкви, где 50 лет тому назад Н. Н. Муравьёв-Амурский, возвратившись из Айгуна после заключения договора, водрузил Государственное знамя во свидетельство того, что весь Амурский край стал достоянием России, и где ныне имеет быть воздвигнута часовня в память пятидесятилетия с основания г. Благовещенска. К тому времени прибыли сюда крестьянские сходы со всех городских церквей. Его Преосвященство в сослужении всего городского духовенства при громадном стечении горожан и в присутствии представителей городского самоуправления, военных и гражданских чинов отправил молебен с водоосвящением. Перед окончанием молебна Преосвященнейший Архипастырь по прочтении особой молитвы изволил сам совершить закладку часовни-памятника. Молебен закончился обычными многолетиями и провозглашением «вечной памяти» Высокопреосвященнейшему митрополиту Иннокентию (первому Амурскому Архипастырю), боярину Николаю (Генерал-Губернатору Восточной Сибири, графу Н. Н. Муравьёву-Амурскому) и сподвижникам их.

Из Николаевской церкви Его Преосвященство изволил отбыть к памятнику (монументу) в честь графа Н. Н. Муравьёва-Амурского, находящемуся на берегу Амура в 2½ верстах от города, воздвигнутому в 1868 году амурскими казаками и 2-м Сибирским линейным батальоном. Этот памятник, имеющий форму пирамиды, увенчанной двуглавым орлом, сооружён на том самом месте, где стояла походная палатка графа Муравьёва во время экспедиций 1854 г., 1857 г. и 1858 г., при заключении Айгунского тракта.

Во время приезда Архипастыря по аллеям сада, среди которого стоит монумент, были выстроены войска местного гарнизона. Близ памятника Его Преосвященство в сослужении протоиерея А. Васильева и священников Х. Попова, Н. Макаревского, И. Мосолова, П. Протодиаконова и о. Веселовского совершил благодарственный господу Богу молебен, закончившийся обычными многолетиями и провозглашением «вечной памяти» Высокопреосвященнейшему митрополиту Иннокентию, боярину Николаю и сподвижникам их.

После молебна Преосвященнейший Архипастырь окропил святой водою войска при звуках гимна «Коль славен...», исполняемого хорами духовной музыки. На молебне присутствовали военные чины».

В то же самое время проходило торжественное заседание городской думы, во время которого все гласные заседали на сцене театра Общественного собрания, украшенной флагами и портретами Н. Н. Муравьёва-Амурского. Обед для приглашенных лиц накрыли в саду Общественного собрания. Во время обеда провозглашали тосты и говорили речи.

Присяжный поверенный А. А. Баев в своём выступлении указал на отсутствие на обеде военных и духовенства: «Край завоёван не мечом и не религией, так что отсутствие этих начал здесь не особенно заметно».

Владелец гостиницы и пивоваренного завода «Россия» К. И. Августовский поднял вопрос об учащейся молодёжи и во время обеда собрал 400 рублей в пользу Амурско-Приморского землячества студентов.

Доверенный торгового дома «Кунст и Альберс» А. М. Клосс поднял бокал за тех лиц, которые в 1900 году грудью встали на защиту родины. По окончании обеда участники снялись на фото в общей группе.

По случаю праздника в саду Общественного собрания было довольно много публики. Играл оркестр казачьей музыки. Над городом летал на воздушном шаре воздухоплаватель Густав Глеклер.

В тот же день в Париже, на кладбище Монмартр явились два делегата от Благовещенской городской думы. Одним из них был золотопромышленник П. И. Пахолков. Он лично знал графа Н. Н. Муравьёва-Амурского, путешествовал вместе с ним в конце 1850-х годов по Приамурью, совсем дикому тогда краю. Другой делегат – компаньон-распорядитель торгового дома «И. Я. Чурин и Ко» А. В. Касьянов. К могиле

графа Н. Н. Муравьёва-Амурского делегатов сопровождали несколько членов русской колонии, представители некоторых русских газет, причт русской церкви с хором. Отслужили панихиду. Великолепное пение хора собрало вокруг немало французских посетителей кладбища.

П. И. Пахолков и А. В. Касьянов возложили на роскошно украшенную цветами могилу графа два венка: серебряный на бархатной доске с надписью на ленте «Основателю Благовещенска – благодарные граждане», бронзовый венок на бронзовой доске – от жителей Хабаровска, Владивостока и Никольска-Уссурийского. А. В. Касьянов выразил пожелание, чтобы «прах покойного был перевезён с чужбины в тот край, который обязан ему своим существованием».

Со стороны кажется, что празднование прошло достойно, а редактору-издателю газеты «Амурские отголоски» И. О. Мокину что-то не понравилось. Что именно, узнать не получается – «Амурские отголоски» не сохранились,

а вот о последствиях выступления Мокина известно. «Торгово-промышленный листок объявлений» рассказал об этом 6 июня 1908 года: «Постановлением Приамурского генерал-губернатора за статью «50-летний юбилей Благовещенска» и за фельетон «Напевы» редактор-издатель газеты «Амурские отголоски» И. О. Мокин оштрафован на 500 рублей с заменой в случае несостоятельности арестом на три месяца». Иван Осипович был богат и, наверное, не пошёл в тюрьму, а заплатил штраф.

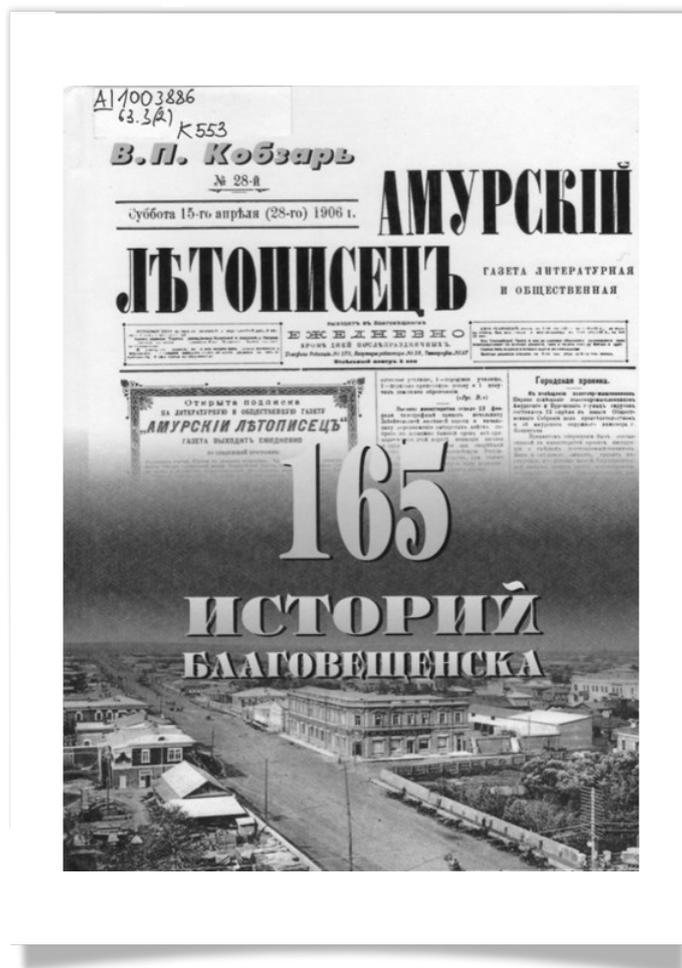
В дни празднования благовещенского юбилея в Хабаровске кто-то облил памятник графу Н. Н. Муравьёву-Амурскому разъедающей жидкостью. Злоумышленника не нашли, причин его поступка не выяснили, а камень пришлось отмывать и полировать. Реставрацию выполнили итальянские мастера и взяли за работу 500 рублей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1908. – 30 июня (№12).
2. История Благовещенска, 1856–1917: в 2 т. Т.1. – Благовещенск : Амурская ярмарка, 2009. – 464 с.
3. Свято-Никольская церковь – первый дом Благовещенска. – Благовещенск : Амурская ярмарка, 2010. – 280 с.
4. Торгово-промышленный листок объявлений. – 1908. – Июнь.
5. Эхо. – 1908.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Кобзарь, В. П. 165 историй Благовещенска (конец XIX – начало XX вв.) : док.-публ. повествование / В. П. Кобзарь; [отв. ред. Т. Н. Телюк]. – Благовещенск-на-Амуре : Амурская ярмарка, 2021. – 428 с. : ил. – (Благовещенск. Из века в век). – Текст (визуальный) : непосредственный.

Книга написана на основе множества самых разных источников: это публикации газет и журналов, издававшихся в Благовещенске, документы, хранящиеся в дальневосточных и центральных архивах, краеведческие книги, вышедшие в свет в наше время. Основная задача состояла в том, чтобы сделать достоянием широкой общественности информацию об истории города, содержащуюся в периодических изданиях конца XIX – начала XX веков.

В книге разворачиваются запоминающиеся картины разносторонней жизни Благовещенска, выпукло показываются его насущные проблемы и участие в их решении, как отдельных личностей, так и многочисленных сообществ горожан. Материал издания подтверждает достоверность различных исторических событий и позиций, предоставляет неизвестные ранее факты из жизни многих благовещенцев, позволяет современным потомкам жителей нашего города уточнить и расширить историю своего рода.

«165 историй Благовещенска (конец XIX – начало XX вв.)» – книга, адресованная всем, кому интересен Благовещенск, всем любознательным читателям, идущим вслед за автором по страницам

Т. Н. ТЕЛЮК,
кандидат философских наук,
заместитель генерального директора
ЗАО «Амурская ярмарка»

Ключевые слова: эмиграция, Харбин, газета «Харбинское время», 85 лет Благовещенску, торжественное собрание.

В статье рассказывается о праздновании в Харбине благовещенцами-эмигрантами 85-летия города Благовещенска, об участии в этом юбилейном событии известных горожан, волею судьбы и исторических обстоятельств оказавшихся на чужбине. Основой статьи послужил материал, опубликованный в одной из эмигрантских газет в мае 1943 года.

ЮБИЛЕЙ В ИЗГНАНИИ (празднование 85-летия Благовещенска в Харбине)

События революции 1917 года, последующая Гражданская война и установление власти большевиков привели к вынужденной эмиграции тысяч жителей Благовещенска в Северо-Восточный Китай. Для большинства из них «своим городом» на чужбине стал Харбин. Однако эмигранты долгое время вспоминали с ностальгией о покинутой малой Родине – уютном Благовещенске с его прямыми улицами и перезвоном колоколов православных храмов, суетой площадей и толкотнёй многочисленных базаров, широком Амуре и стремительной Зее, по которым сплавлялись плоты, ходили пароходы и баржи. Их надежды на временное пристанище в чужом государстве и возвращение, рано или поздно, в родной город с годами таяли.

Основу эмигрантской жизни многие годы составляли церковные и светские праздники, ставшие поводом для общения эмигрантов разных поколений, демонстрацией их единства, национальной идентичности, общей исторической памяти. Они скрашивали их будни на чужбине, помогали перенести повседневные тяготы эмигрантского бытия. В условиях изгнания традиция праздников и юбилейных дат получила дополнительный стимул, пронизанный воспоминаниями о прошлом, как личного, так и коллективного плана. Воссоздание прошлого было, в определённой степени, ответом на большевистскую денационализацию, отвергавшую историческое прошлое России и уста-

навливавшую новые традиции историко-революционных празднеств.

Праздники и памятные даты в российском зарубежье сохраняли, насколько было возможным, дореволюционную стилистику, содержание соответствуя определённому порядку их проведения. Как правило, основой праздничных мероприятий в России (в центре и на местах) были церковные и военные церемонии: церковная служба, церковная процессия, крёстный ход, военный парад; в центре церемониала общероссийских торжеств всегда находился глава государства (царь), в губерниях – губернаторы. На юбилейных торжествах присутствовали почётные гости, в столичных городах – это, как правило, были представители иностранных государств, олицетворявшие международное признание отмечаемых событий, их значимость. Также дополнительным элементом празднования было участие в различных мероприятиях ветеранов и очевидцев самих памятных событий, посещение соответствующих «памятных мест», знакомство с историческими предметами, так или иначе имеющими отношение к отмечаемому торжеству. Городские думы и церемониальные комиссии разрабатывали порядок проведения праздников, определяли участников торжественных мероприятий, соответствующее финансовое обеспечение. Как правило, отмечаемые российские праздники и памятные даты освещались в центральных и региональных

средствах массовой информации, публикуемые материалы служили напоминанием о великом прошлом, о великих духовных ценностях, способствовали усилению патриотических настроений в обществе.

В условиях эмиграции некоторые из перечисленных обязательных элементов празднеств и юбилеев, формы их проведения претерпели определённую трансформацию, были заменены на другие, соответствующие иным историческим обстоятельствам. Так, стали больше проводить массовых мероприятий (балы, концертные и театральные программы, литературно-исторические вечера), торжественных собраний с обязательным приглашением представителей действующих властных и общественных структур, также издавались литературные сборники, готовились тематические чтения, размещались статьи и заметки в эмигрантских газетах и журналах. Всё это способствовало широкому распространению информации о празднике или особой дате, сохранению памяти о них в последующих поколениях российских эмигрантов, которые могли о родине иметь только отрывочные, смутные воспоминания.

Одним из примеров такого старого-нового «канона» подготовки и проведения памятного торжества, сохранения своего историко-культурного наследия может служить празднование 85-летнего юбилея города Благовещенска эмигрантами в Харбине. Материал об этом событии был напечатан в газете «Харбинское время» (25 мая 1943 г.) под заголовком «На торжестве 85-летия Благовещенска».

Эта публикация стала своеобразной иллюстрацией живой связи русского народа, где бы он не находился – на родной земле или на чужбине – со своей историей и культурой. Она дополняет общую картину жизни наших соотечественников в условиях вынужденной эмиграции в Китае.

Оказавшись вычеркнутыми из регионального исторического процесса, благовещенцы-эмигранты отпраздновали значимую веху родного города, подчеркнув непрерывность всех этапов его развития в контексте знаковых событий Приамурского края. Автор статьи пишет: «Бывшие жители Благовещенска отметили вчера в торжественной обстановке 85-летний юбилей этого города. Одновременно были отмечены ещё две другие знаменательные даты: 85-летие Амурского казачьего войска и 300-летие со дня появления на Амуре первых русских людей». Юбилейная дата Бла-

говещенска позволила эмигрантскому сообществу вернуться к славным страницам своей истории – в середину XVII века, чтобы оценить подвиг первопроходцев, совершивших в сложных условиях поход на Амур, и в декабрь 1858 года, когда был подписан царский указ об образовании Амурского казачьего войска, узаконивший хозяйственную деятельность казаков в Приамурье и охрану ими государственной границы с Китаем.

На этом мемориальном торжестве присутствовали «почётные гости, в числе которых были: епископ Ювеналий, представитель ниппонской военной миссии и начальник Гл. Бюро М. А. Матковский».

Юбилейное мероприятие традиционно открылось церковной службой, описание которой даётся в статье: «К началу молебна, который в 1.30 в помещении Харбинского Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) был отслужен епископом Димитрием в сослужении с протоиереем о. И. Пыжовым и протодиаконном о. С. Коростелевым, собрались бывшие жители Благовещенска во главе с инициативной комиссией по организации юбилейного торжества... Во время молебна была отслужена вечная память Российским императорам, православным епископам и благовещенцам, скончавшимся во время существования города, и затем возглашено многие лета ныне здравствующим иерархам и всем благовещенцам ныне здравствующим». Окончание молебна вернуло присутствовавших к образу родного города, его духовным ценностям, утраченным для них в ходе исторических потрясений: «В конце молебна владыка Димитрий сказал слово, посвящённое воспоминаниям о городе Благовещенске и Святому Благовещенскому храму, в котором он в своё время служил, и подробно остановился на разъяснении названия города». История названия города, как известно, связана с именами выдающихся личностей – графа Н. Н. Муравьёва-Амурского и Святителя Иннокентия (Вениаминова). Таким образом, молебен для бывших благовещенцев стал не только праздником локальной солидарности, принадлежности к определённому месту на карте, но и данью благодарной памяти его основоположникам. По справедливому замечанию американского историка, одного из крупнейших специалистов по истории России, М. И. Раева, «эмигранты невольно вспоминали прошлое избирательно, отыскивая в истории России события, которые помогли

бы им забыть недавние ужасы, утверждали вечные истинно русские ценности».

Затем началось торжественное собрание, сценарий которого был наполнен новыми начинаниями, сложившимися под влиянием идейно-политических реалий и концепции сохранения за рубежом культурно-языковой идентичности русских эмигрантов. «После молебна за столом президиума, на фоне японского, манчжурского и русского национальных флагов, заняли места: епископ Димитрий, епископ Ювеналий, представитель японской военной миссии, бывший городской голова Благовещенска д-р И. Д. Прищепенко, М. П. Бугаев, К. В. Бутряков, И. М. Гамов и М. К. Дарвин. Открывая собрание, д-р И. Д. Прищепенко провёл государственную церемонию поклонения флагам и минуту молчания в память воинов-героев, погибших за установление нового порядка в Восточной Азии и в память всех русских людей, погибших в борьбе с Коминтерном». Затем он выразил сожаление о том, что «на торжестве из-за важных причин не присутствуют почётный представитель инициативной комиссии по организации торжества епископ Нестор и председатель этой комиссии Н. Л. Гондатти. Вместе с этим он принёс благодарность епископу Димитрию».

В заключительной части памятного торжества состоялись тематические чтения. Первым был заслушан доклад доктора И. Д. Прищепенко о Благовещенске. Оратор прочувствованно, «в ярких словах вспомнил о рождении города, его процветании и налетевшем затем революционном шквале, который выбросил благовещенцев на чужбину из родного города». Его 85-летие стало для всех присутствовавших эмигрантов точкой культурного соприкосновения с родиной. Вторым выступающим был М. К. Дарвин, который сделал обстоятельный доклад «О первом появлении русских людей на Амуре», что стало своеобразным погружением в далёкое прошлое. Оно не только вра-

чевало душу слушателей, но и пробуждало чувство национальной гордости. Как отмечает автор газетной публикации, «оба доклада были прослушаны с большим вниманием».

Завершение мероприятия было эмоциональным, оно сопровождалось, говоря современным языком, видеорядом: всем присутствующим «при помощи эпидиаскопа были продемонстрированы виды Благовещенска и Амурского края». Включение этой демонстрации в церемониальную программу, несомненно, способствовало культурному, политическому и ментальному единству всех собравшихся в зале ХСМЛ. Можно только представить, какие мысли и ностальгические чувства охватывали благовещенцев-эмигрантов, вглядывающихся в виды когда-то родных улиц, зданий, в лица людей, картины природы.

Статья «На торжестве 85-летия Благовещенска» – пример редкого, практически неизвестного краеведам-исследователям, документального свидетельства, повествующего об объединяющей силе юбилейного праздника в жизни амурских эмигрантов, его значении для создания атмосферы их общности: судьбы изгнанников, происхождения, принадлежности к одной культуре и историческим обстоятельствам.

Послесловие

Автор публикации, помимо описания хода памятного мероприятия, упоминает некоторые организации и фамилии эмигрантов, участвующих в его подготовке и проведении. Большинство из них современному читателю либо малоизвестны, либо вообще неизвестны, что требует соответствующих уточнений и пояснений (представлены ниже в примечаниях). Именно они дополняют и оживляют сухую фактологию газетной публикации, позволяют прикоснуться к реальной жизни вынужденных изгнанников из родного Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Харбинское время» – ежедневная газета (г. Харбин, Китай), выходила: 09.1931–09.1945 гг. Первоначально выходила под названием «Харбинское время. Ежедневная японская газета: Орган независимой мысли». Была зарегистрирована в Японском генеральном консульстве в Харбине. Редакторы: Ж. Осава, К. Фурусава. Закрыта в 1945 г.

2. Епископ Ювеналий (Килин Иван Кельсиевич) (1875, Сарапуль–1958, СССР) – родился в крестьянской семье. Окончил Сарапульское уездное училище и миссионерские курсы при Белгородской Свято-Николаевской миссионерской обители, куда поступил в 20 лет. Монах, иеромонах (с 1902), благочинный всех мужских и женских монастырей Пермской епархии (с 05.1915). Эмигрировал в Харбин (1918), где в 1922 г. вместе с бежавшими от большевиков монахами известного на Дальнем Востоке Шмаковского монастыря начал строительство Казанско-Богородицкого мужского монастыря. Несколько лет был его настоятелем. Епископ Синьцзянский (с 28.01.1935). За невозможностью выехать в Синьцзян продолжил служить в мужском монастыре. Непродолжительное время служил в Пекине и Шанхае, в мае 1940 г. вернулся в Харбин на должность настоятеля Казанско-Богородицкого мужского монастыря и вновь устраиваемого монастыря в Трёхречье. Ему присвоено положение второго викария Харбинской епархии. Репатриирован в СССР (1947). Глава Челябинской (с 06.1947), затем Омской епархий (04.1949–11.1953). Принял великую схиму с именем Иоанн, погиб в сталинских лагерях (1958).

3. Ниппонская/Японская военная миссия (ЯВМ) была создана в Харбине в 1918 г. С этого времени она вела разведывательную деятельность в Маньчжурии, активно взаимодействовала с маньчжурами, китайцами, и особенно с русскими. После создания в 1932 г. государства Маньчжоу-Го (Маньчжи-Ди-Го) её деятельность активизировалась. Руководители ЯВМ делали ставку на русскую эмиграцию в построении нового государства в Маньчжурии, определяли для неё идеологические установки. С началом Второй мировой войны начальники ЯВМ стали активно посещать различные мероприятия, проводимые русской эмиграцией, выступать с публичными заявлениями в русской эмигрантской периодической печати.

4. Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ГБРЭМ) – организация, созданная японцами 28.12.1934 г. Основные задачи Бюро – объединить русскую эмиграцию, чтобы оказывать на неё японское влияние, и активизировать под японским контролем антисоветскую пропаганду и разведывательную работу. Организация финансировалась японцами вплоть до 1944 г. В ГБРЭМе было зарегистрировано более 44 тысяч человек. В его структуре были отделы: переселенческий, финансовый, культурно-просветительский, благотворительный, юридический, военный и регистрационный (начальником этого отдела был Матковский Михаил Алексеевич). После окончания Второй мировой войны руководители организации, попавшие в советский плен, были казнены в 1946–1947 гг. или приговорены к длительным срокам заключения. Документы ГБРЭМ (1932, 1934–1945) находятся на хранении в Государственном архиве Хабаровского края.

5. ХСМЛ – Харбинский Христианский союз молодых людей – находился в ведении Иностранного Национального Совета Северо-Американского Христианского союза молодых людей; от него он получал поддержку, выступая как американский союз, работающий среди русских эмигрантов.

6. Епископ Димитрий (Вознесенский Николай Федорович) (1871, Курская губ.–1947, Ленинград) – окончил духовную семинарию (1893) и Московскую духовную академию (1897), кандидат богословия (1898). Миссионер, преподаватель. С 1909 г. в Благовещенске, протоиерей градо-Благовещенского собора, редактор газеты «Благовещенские епархиальные ведомости». В 1920 г. выехал с семьей в Харбин. Архимандрит (1933), епископ (1934), настоятель Иверской церкви, ректор Свято-Владимирского института. В 1946 г. выехал в Москву, назначен на покой в Псково-Печерский монастырь.

7. Прищепенко Иосиф Дмитриевич (1869, Олекминск–1945, Харбин) – потомственный дворянин, с 1875 г. в Благовещенске. Окончил благовещенскую мужскую гимназию, медицинский факультет Казанского университета (1893). Служил врачом в Самарской губернии, Благовещенске. Дважды избирался городским головой (1906–1910, 1916–1917). Омским правительством был назначен управляющим Амурской областью (09.1918), служил до его падения. Прибыл 02.1920 г. в Харбин. Работал врачом городской амбулатории, преподавателем гимназии, зубоврачебной школы.

8. Бутряков Константин Васильевич (1884, Ковров–1952, Сан-Франциско, США) – окончил Благовещенское речное училище (1906), капитан речного плавания (до 1918). Эмигрант в Китае (с 1918), командир парохода «Харбин». Член комитета при БРЭМ (1942). После 1949 г. эмигрировал в США.

9. Гамов Иван Михайлович (1886, п. Верхне-Благовещенский–1969, Зашельн, Швейцария) – казак Екатеринбургского станичного округа Амурского казачьего войска (АКВ), учитель начальных классов казачьих школ. Член IV Государственной думы (с 1912). Избран председателем войскового правления и наказным атаманом АКВ (20.04.1917). Один из руководителей вооруженного противодействия захвату власти большевиками в марте 1918 г. в Благовещенске. Эмигрировал с семьей в Китай (02.1920). Учитель в школах Северо-Маньчжурской железной дороги (1920–1925). В Харбине вёл общественную работу по линии БРЭМ. После Второй мировой войны репрессирован не был. Выехал в Европу.

10. Дарвин Мефодий Кузьмич (1893, Саратовская губ.–?) – окончил лесную школу в Никольске-Уссурийском, работал по лесному делу в Никольске-Уссурийском и Хабаровске (1910–1915), командировался в Амурскую область и Благовещенск. Находился на военной службе (1915–1920). Жил в Харбине (1920–1925), владелец живописной мастерской. Переехал в Шанхай (1926–1936), основал и редактировал журнал «Белый луч», организовывал концерты для русских эмигрантов Трёхречья. Совладелец художественной типографии, владелец рекламной компании. Создал более 1500 живописных работ, участник различных выставок. В 1936 г. вернулся в Харбин, работал художником-гравёром в литографической мастерской японца Чиказавы.

11. Епископ Нестор (Анисимов Николай Александрович) (1885–1962), митрополит. В сане иеромонаха направлен миссионером на Камчатку (1907). Основатель Камчатского Православного братства. Начальник Камчатской миссии (с 1912). Добровольно участвовал в Первой мировой войне в качестве военного священника, руководил санитарным отрядом (1914–1915). В 1916 г. хиротонисан во епископа Петропавловского, второго викария Владивостокской епархии; после переименования епархий епископ Камчатский и Петропавловский. Член Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 1922 г. эмигрировал. С 1933 г. архиепископ (РПЦЗ). В 1938 г. возглавлял Малабарскую духовную миссию в Индии. В 1945 г. воссоединился с Московским Патриархатом, управлял Восточно-Азиатским митрополичьим округом. С 1946 г. митрополит, экзарх в Восточной Азии. В 1948 г. арестован советской контрразведкой в Харбине, переправлен в Москву, приговорён к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Освобождён в 1957 г., назначен митрополитом Новосибирским и Барнаульским. С 1958 г. временно управлял Кировоградской и Николаевской епархией. В том же году уволен на покой. Скончался в Москве.

12. Гондатти Николай Львович (1860, Москва–1946, Харбин) – окончил с золотой медалью Нижегородский Александровский дворянский институт (1881), естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета. Этнограф, приват-доцент Московского университета. Начальник Анадырского округа на Чукотке (1894–1897), заведующий переселением в Южно-Уссурийский край, Тобольский (1905–1908) и Томский губернатор (1908–1909). Начальник Амурской экспедиции (1909–1911). Первый гражданский генерал-губернатор Приамурского края (1911–1917). Содействовал завершению строительства Амурской железной дороги, много сделал для сооружения первого железнодорожного моста через р. Амур (1913–1916). Основатель г. Алексеевска (ныне Свободный). После революции эмигрировал с семьей в Северо-Восточный Китай (10.1918). В Харбине возглавлял научно-земельный отдел из основателей Харбинского политехнического института.

13. Щёголев Николай Андреевич (1910, Харбин–1976, Свердловск) – из семьи железнодорожников. Учился в консерватории по классу рояля. Уехал в Шанхай, работал в газетах. Поэт, печатался в «Рубеже», «Молодой Чупаевке», «Сегодня». Автор романа «Из записок одиночек» (1943). В 1947 г. репатриировался в СССР, занимался публицистикой, преподавал английский язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Благовещенск. Март 1918 года. – Благовещенск : Амурская ярмарка, 2018.
2. Говердовская, Л. Ф. Русская эмиграция и православная церковь в Китае (1917–1945) / Л. Ф. Говердовская. – Текст : электронный // Христианство на Дальнем Востоке : Материалы междунар. науч. конф. – Владивосток : изд-во ДВГУ, 2000. – URL: <https://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?id=3077/>.
3. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.) : [в 2 т.]. Т.2. – Благовещенск : Амурская ярмарка, 2013.
4. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти / Н. И. Дубинина. – Хабаровск, 1997.
5. Емельянов, С. В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века / С. В. Емельянов. – Благовещенск : Амурская ярмарка, 2019.
6. Жилевич, Т. С. В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинцах / Т. С. Жилевич. – Мельбурн : Австралия, 2000.
7. История Благовещенска, 1856–1917: [в 2 т.]. Т.1. – Благовещенск : Амурская ярмарка, 2009.
8. Ковалева, Е. В. Православная церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) / Е. В. Ковалева. – Текст : электронный // Вестник церковной истории. – 2007. – №4 (8). – URL: <https://docplayer.ru/50642492-Pravoslavnaya-cerkov-v-harbine-sluzhenie-episkopa-yuvenaliya-kilina.html/>.
9. Крадин, Н. П. Харбин – русская Атлантида / Н. П. Крадин. – Хабаровск, 2010.
10. Муромцева, Л. П. Праздники и памятные даты в жизни российской эмиграции / Л. П. Муромцева. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2013. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdniki-i-pamyatnye-daty-v-zhizni-rossiyskoy-emigratsii/>.
11. Печатные издания Харбинской россики. – Хабаровск, 2005.
12. Православие в Китае : [сб. материалов выставки] / [Благовещ. епархия РПЦ ; сост. В. В. Селивановский]. – Благовещенск : Амурская ярмарка, 2013.
13. Раев, М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции / М. И. Раев. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1001244293-rossiya-za-rubezhom-istoriya-kultury-russkoj-emigratsii-19191939-mark-raev/>.
14. Русский Харбин, запечатленный в слове: [Сб. науч. работ.]. Вып.1. – Благовещенск : изд-во АмГУ, 2006.
15. Хисамутдинов, А. А. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2002.
16. Яковкин, Е. В. Роль японской военной миссии в Харбине в постановке идеологических задач для русской эмиграции в Маньчжурии в 1932–1945 гг. / Е. В. Яковкин. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yaponskoy-voennoy-missii-v-harbine-v-postanovke-ideologicheskikh-zadach-dlya-russkoj-emigratsii-v-manchzhurii-v-1932-1945-gg/>.

В. П. ТОЛСТЕНКО

ветеран армии и флота,
член Союза журналистов СССР

К 100-ЛЕТИЮ БЛАГОВЕЩЕНСК ПРОСТО ЗАТОПИЛО

От редакции: Виталий Павлович Толстенко (1927-2016) родился в Николаевске-на-Амуре. С 1944 по 1951 год служил в Военно-морском флоте, затем остался на сверхсрочную. Закончил военную службу в 1970 году в пограничных войсках. В качестве фотокорреспондента активно сотрудничал с амурским телевидением, с областными и центральными газетами. Член Союза журналистов СССР с 1961 года.

Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Виталия Павловича Толстенко о том, как Благовещенск встречал 100-летний юбилей, были представлены автором в редакцию газеты «Амурская правда» на конкурс в честь 150-летия Благовещенска. В дни празднования 100-летия им же сделаны уникальные снимки, которые вместе с воспоминаниями опубликованы на страницах газеты «Амурская правда» от 13 апреля 2006 года.

В данном выпуске альманаха «Диалог времён» предлагаем вниманию читателей материалы В. П. Толстенко о праздновании 100-летия города из оцифрованного фотоархива автора, хранящегося в фондах Амурской областной научной библиотеки имени Н. Н. Муравьёва-Амурского и Государственного архива Амурской области.

...Далёкий 1958 год. Разбушевавшийся Амур грозит затопить областной центр. На три дня прекратили работу многие предприятия и учреждения. Тысячи благовещенцев брошены на спасение города. Кто-то сооружал дамбы из мешков с песком и гравием на берегах Амура

и Зеи, кто-то приваривал люки подземных коммуникаций, кто-то спасал дома, заводское имущество от разрушений. Днём и ночью люди не уходили со своих участков, следя, чтобы не прорвало дамбы. Но, к счастью, дождей не было, и постепенно Амур возвращался в свои берега, а с ним – и жизнь горожан.

Активнее стала вестись подготовка к празднованию 100-летия Благовещенска. На улицах замелькали колонны спортсменов, а на зданиях засверкали праздничные иллюминации. Город, только что переживший наводнение, хорошел буквально день ото дня. В праздничных мероприятиях принимали участие спортобщества «Динамо», «Буревестник», «Трудовые резервы», «Урожай», а стадион «Спартак» стал местом проведения самого тор-

Город Благовещенск, июль 1958 г.

жества. Кстати, специально для спортсменов местная швейная фабрика по заказу спорткомитета сшила сотни белых брюк и юбочек. Зрелище, замечу, из-за этого цвета получилось ещё более впечатляющим и запоминающимся.

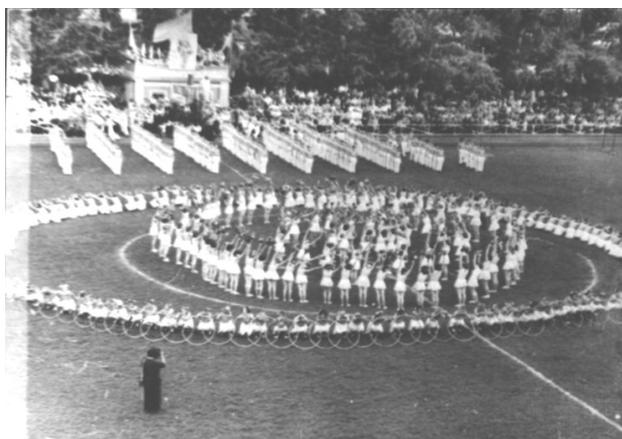
Помню, как курсанты танкового училища и ДВОКУ выстроились в живую рекламу «Благовещенску-100 лет», а представители «Трудовых резервов» выполняли упражнения с обручами и букетами цветов. Даже ребята из детсадов на велосипедах проехали колонной перед трибунами. Помню, что китайскую делегацию, приглашённую на юбилей, специально повезли на Амурскую ВДНХ – нашей области всегда было что показать. А световое панно на здании благовещенского гастронома, что на улице Ленина, с самыми популярными тогда словами: «Миру-мир»! Оно соперничало в красоте и зрелищности с праздничным украшением главпочтамта, который тоже тогда располагался на главной улице областного центра, ведь там светились и даты «1858–1958», и космическая ракета, а портрет Ленина обрамляло световое панно.

Всё это было. Но мне никогда не забыть другого – людского половодья, которое заполнило улицы, стадионы и площади Благовещенска. Мои земляки воспринимали вековой юбилей города как свой личный праздник. Их лица светились радостью.

Мне пришлось долго думать, где «залечь» со своим фотоаппаратом, чтобы суметь запечатлеть как можно больше волнующих неповторимых моментов праздника, чтобы показать его массовость, зрелищность. Словом, сохранить для истории эту грандиозную программу празднества. Думаю, выбрав для этой цели крышу спортпавильона на стадионе «Спартак», я попал, так сказать, в самое яблочко. Знаменосцы, колонны спортсменов, детишки на велосипедах, само поле, «усеянное» разнообразными живыми композициями, – всё это вы сможете увидеть и сейчас, спустя почти полвека. Как это увидел я, будучи фотокорреспондентом газеты.

Мотоциклисты проносят флаги спортивных обществ, 1958 год

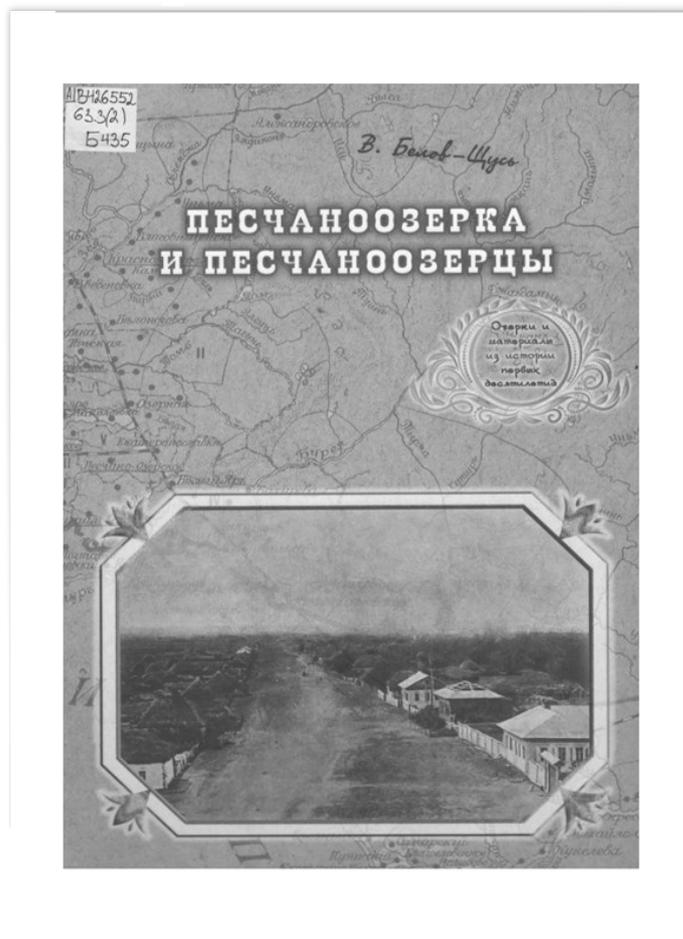
Стадион «Спартак», 1958 год

Гости из КНР на ВДНХ (выставка достижений народного хозяйства), 1958 год

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Белов-Щусь, В. Н. Песчаноозерка и песчаноозерцы : очерки и материалы из истории первых десятилетий / В. Н. Белов-Щусь ; [Елабуж. отд-ие Русс. геогр. о-ва]. – Елабуга : [б. и.], 2020. – 297 с. – (Из истории Амурского края). – Текст (визуальный) : непосредственный.

Белов-Щусь Виктор Николаевич, независимый исследователь, краевед, генеалог, писатель, Председатель Елабужского отделения Русского географического общества. Лауреат национальной премии «Семейная реликвия» в номинации «Хранитель времён». Автор множества краеведческих и генеалогических книг.

Книга «Песчаноозерка и песчаноозерцы. Очерки и материалы из истории первых десятилетий» составлена на основании исследования по изучению истории села Песчаноозерка, основанного в 1884 году в Амурской области переселенцами из южных губерний Российской империи, проводившегося в течение нескольких лет. Среди первопоселенцев были предки автора книги – его прадед Щусь Алексей Андреевич с семьей и его брат, прибывшие в Песчаноозерку в 1896 году. В ходе исследования был переработан огромный массив литературы, содержащей упоминания об истории села и его жителей, использован большой объём архивных данных. Практически все документы публикуются в книге впервые.

Книга – начиная собственно с исследования и сбора материала, продолжая формированием текста, редактурой приложений, составления макета книги и заканчивая профессиональной вёрсткой и изданием – сделана полностью руками одного человека – автора, что является особенностью всех изданий этого исследователя.

В. Н. БЕЛОВ-ЩУСЬ,

писатель генеалог, краевед, председатель Елабужского
отделения Русского географического общества
(г. Елабуга, Республика Татарстан)

Ключевые слова: краеведение, история заселения Амурской области, переселенческие процессы, амурское крестьянство.

В ходе масштабного историко-генеалогического исследования истории своей семьи Щусь, основатели которой были выходцами из села Песчаноозерка Амурской области, автор провёл параллельное исследование истории упомянутого села. По материалам этого исследования была издана книга «Песчаноозерка и песчаноозерцы». В настоящей статье, на основе многочисленных источников, рассказывается об истории одного из крупнейших сёл Амурского края – Песчаноозерки Октябрьского района в первые 30 лет его существования – с 1884 по 1914 год.

СЕЛО ПЕСЧАНООЗЕРСКОЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ 30 ЛЕТ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (1884–1914 гг.)

Село Песчаноозерка было основано партией переселенцев из Полтавской губернии в 1884 году на берегу притока Зеи – реки Будунды, причём изначально оно было названо Алексеевкой.

Как это часто бывало, одной из приоритетных задач поселенцев было устройство православного храма. Территория, на которой возник посёлок новопоселенцев, входила в состав благочиния, возглавлял которое благочинный – священник церкви села Ивановка Амурской области И. Михайлов. В Ивановке же располагалось и волостное правление. Именно к этой церкви первоначально были прикреплены прихожане, проживающие в новоустроенном селе, и уже в 1886 году И. Михайлов установил деревянный крест на месте будущего храма и отслужил молебен Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Впервые название Алексеевка дублируется вторым названием «Песчаное озеро» в постановлении военного губернатора Амурской области №51 от 12 февраля 1888 года, в котором, в частности, значится:

«...мною, постановлением 28 марта 1887 года №159, указано было, какие именно местности в Амурской области могут быть заняты для поселения отдельными селениями, именно:

б) По левой стороне речки Будунды, выше дер. Алексеевки (Песчаное озеро), в 10 вер., примерно на 50 дв...» [1].

Согласно данным, приведённым в «Справочной книжке Амурской области на 1890 г.», за 6 лет до прибытия семей Щусь в Песчаноозерку, основанной в 1884 году и расположенной в 82 верстах от Благовещенска при речке Будунде, значилось 222 двора поселенцев. В них проживало 672 человека, надел земли за сельским обществом составлял 33701 десятину [2].

В этом же издании содержатся обобщённые сведения о том, каким образом переселенцы попадают в Амурскую область, и они в целом как раз соответствуют тому, какой путь проделала семья Щусь. Автор заметки пишет, что все переселенцы следуют в Амурскую область за собственный счёт, без правительственной помощи. О положении края, о льготах, расстоянии, пути и способах передвижения, по показанию самих переселенцев, они узнавали из писем своих земляков или родственников. Решив переселиться, они, прежде всего, ликвидировали своё земельное хозяйство, продавали движимое и недвижимое имущество и, закончив с делами и получив разрешение, пускались в путь в начале или середине апреля – с откры-

тием навигации на реках. Путь до Благовещенска занимал примерно 4–5 месяцев, и обходился на семью приблизительно в 400–500 рублей.

Чаще всего переселенцы ехали большими семьями с детьми самого разного возраста или грудными младенцами – одиночки были исключением. В сельское общество переселенцы причислялись только по личной явке в область, причём каждая семья зачислялась обязательно в общество старожилов. Самостоятельные селения образовывались, если такое желание высказывала группа переселенцев из одной местности в количестве не менее 15 семей.

Как было сказано выше, первые переселенцы из Екатеринославской губернии прибыли в Амурскую область лишь в середине 1880-х годов. В частности, в 1885 году приехало 10 семей, в 1886 году переселилось лишь 2 семьи, в 1887 – 14, в 1888 – 8 и в 1889 – 4 семьи. То есть, если за период с 1883 по 1889 год из Полтавской губернии в Амурскую область переселилось 568 семей, то из Екатеринославской – лишь 38. Среди них были и выходцы из Большой Михайловки (например, точно известно, что в 1880-х годах приехал Влас Шевлюк с семьёй – друзья Щусей), которые и «вызвали» позднее односельчан к себе.

Что касается Песчаноозерки, то группой первых селян-основателей, по всей видимости, руководили Михаил Карпович и Марк Андреевич Алексеенко, по имени которых основанное село и называлось первые несколько лет существования Алексеевкой. Кроме них первопоселенцами-основателями села, можно считать следующих селян, приехавших в 1883–1885 гг.: Астапенко Н. Н., Артющенко В. Т., Бондаренко И. С., Бондаренко Н. С., Билозирко П. Г., Буцковский А. Т., Билозирко Г. Г., Вовк Г. А., Дубовик Т. К., Дубовик А. Т., Дервянко С. И., Даниско М. В., Жихарев Ф. П., Загребя И. А., Корсун Н. П., Мусиенко К. С., Мамонт И. В., Наконечный Т. О., Орел Ф. Т., Остроушко Д. А., Остроушко А. Ф., Островский П. В., Пилипенко Т. Г., Поклад П. Н., Приведенный С. Д., Рудь Н. О., Рыбалка В. М., Сергодеев Г. П., Сергодеев Ф. П., Усиков Т. А., Устич Н. Г., Устич М. Г., Федюков И. М.

В статье Л. Д. Мезенцевой утверждается, что в значительной степени первопоселенцы села были выходцами из села Кутенёвка Новочеркасской волости Донецкой области Российской империи [3].

В окрестностях села (по другим данным – непосредственно в самом селе, в центре) нахо-

дилось озеро с песчаным дном (что, как известно, не характерно для такого типа водоёмов), поэтому через несколько лет село переименовали в Песчаное Озеро или село Песчано-Озерское (оно же – Песчано-Озерка, Песчаные Озерки, Песчаноозерка и тому подобное – с названиями, как и с фамилиями, в те времена обходились довольно вольно). Хотя основной причиной могла быть и другая, например, утрата авторитета людьми, по фамилии которых село было первоначально названо. Впрочем, достоверных сведений о причинах переименования не сохранилось.

Были среди песчаноозерцев и люди, которые переселились задолго до основания села и успели пожить в других местах «амурской прерии». Например, Василий Тихонович Киселев прибыл в Амурскую область с большой семьёй в 16 человек среди самых первых поселенцев-крестьян ещё в 1864 году и был причислен в Алексеевку (будущую Песчаноозерку в 1885-м году). Другой переселенец – Пекулов Федул Павлович – переселился на Амур в 1866 году.

А самой многочисленной из первопоселенцев Песчаноозерки была, конечно, семья Трофима Осиповича Наконечного, переселившегося в Амурскую область в 1883 году – она состояла из 29 человек (17 мужчин и 12 женщин), фактически – численность небольшой деревни.

В изданиях тех лет отмечалось, что происходя из разных губерний, переселенцы и в новое место жительства перенесли все черты и особенности своего быта на родине. Украинские крестьяне живут в выбеленных снаружи и крытых соломою хатах, обращённых маленькими окнами во двор, дворы огораживают плетнями, ездят и работают на волах, содержат множество свиней и одеваются так же, как на родине. То есть Песчаноозерка к приезду в неё семейств братьев Щусь внешне ничем не отличалась от их родного села, которое они покинули весной 1896 года.

«Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей...», изданный в 1894 году, сообщает, что к 1 января 1891 года в селе Песчаноозерке или Алексеевке Ивановской волости Амурской области числилась церковь, 211 дворов и 649 мужского и 598 женского пола жителей [4]. Эта информация достоверна, как можно признать достоверной информацию и о том, что основано оно было переселенцами в количестве 30 семей из 92 душ мужско-

го и 82 женского пола. А вот то, что переселенцы были из Донецкой области – верно лишь частично, т.к. достоверно установлено, что значительная часть первопоселенцев была из Полтавской губернии.

Несколько более подробные сведения о Песчаноозерке по состоянию на 1894 год содержатся в «Описании Амурской области», составленном известным русским путешественником и знаменитым географом конца XIX – начала XX века Г. Е. Грум-Гржимайло [5].

В Словаре А. В. Кириллова есть краткая справка по реке Будунде, на которой стояло село Песчаноозерка, но более подробное описание её берегов находим в исследовании Н. А. Крюкова [прим. 1], изданном в 1896 году [6].

Автор исследования сообщает, что берега Будунды, впадающей в Зею, низменны и болотисты, ширина речной низменности изменяется от ½ до 2 верст. С юга и севера к долине Будунды примыкают безлесные степи. На глаз они представляются ровными, на самом же деле состоят из весьма пологих и невысоких возвышенностей называемых здесь «увалами». Между увалами находятся речные развесистые пади. Часто эти пади незаметно соединяются одна за другой и выходят, в конце концов, в какую-либо речную долину. Но иногда, что бывает гораздо реже, углубления между возвышенностями имеют вид закрытых плоских и неглубоких воронок. Иногда такие воронкообразные углубления встречаются на самих возвышенностях. В последнем случае эти углубления называются почему-то «лиманами».

Местность в бассейне речки представляла собой совершенно безлесную голую степь, лишь местами имелась лесная растительность: мелкий и корявый дубняк, чёрная береза, орешник, черёмуха. Но эти деревья не имели достаточных размеров для использования их в постройках и даже дрова из них, по признанию местных жителей, выходили плохими.

Селение росло, население его увеличивалось, и через три года после приезда семей Щусь Песчаноозерка превратилось сначала во второе после Ивановки по численности село в волости, а затем и вовсе была образована самостоятельная Песчаноозерская волость, центром которой стало село.

По изданиям 1899 года видно, что общее количество населения в селе составляло 1612 человек обоего пола [7]. В селе имелась церковь, школа, волостное правление, 3 лавки, 3 водяных, 3 конных и ветряная мельница, пожарный обоз. Еженедельно проводились базары, а дважды в год устраивались большие ярмарки [8].

Территория волости, центром которой являлась Песчаноозерка, располагалась на востоке от Ивановской волости, между её землями с запада, землями Бельской волости на севере и Завитинской волости на юге. Местность расположения земель Песчаноозерской волости составляла продолжение Ивановской волости, имела неровный вид, встречались небольшие возвышенности – «увалы» и обширные болотистые низменности. Последние отличались той особенностью, что берега их не имели выхода

Въ 1884 г. прибыло болѣе до 420 семей изъ губерній Полтавской, Гамбовской, Донской обл., губерній Воронежской, Харьковской, изъ Забайкальской обл., Томской губ. и съ Сахалина. Они основали селенія: Красный Ярѣ на Зеѣ Томской вол., Анновку и Песчаное озеро—одно изъ самыхъ людныхъ селеній области—на р. Будиндѣ и Константиноградовку въ Ивановской вол., Толстовку и Верхне-Полтавку въ Гильчинской вол.

б) Село Песчаное озеро, на р. Будиндѣ, въ 81 вер. отъ города, заселено въ 1884 г., съ значительнымъ приселеніями въ 1892 и 1893 г., переселенцами изъ губерній Полтавской, Екатеринославской, Саратовской и Донской области. Дворовъ 255, деревянная церковь, школа съ 50 учащимися, запасный хлѣбный магазинъ, питьевое завсѣденіе, 3 лавки, мельницъ: 3 водяныхъ, 1 вѣтряная, 1 конная. Селеніе построено просторно, пожаръ былъ только однажды, въ 1892 г., причѣмъ сгорѣлъ 1 дворъ. Жителей 1646 (855 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 33700 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 2250 дес., покосной 1300, пахатной 11790 дес. Подъ посявами: ярицы 280, яровой пшеницы 547, овса 336, ячменя 75, проса 36, гречи 41, гороха 5, льна 2 1/2, конопли 5 дес. Подъ бахчами 7 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 593 (470 рабочихъ), рогатаго скота 660 (309 коровъ, 305 быковъ и воловъ), свиней 1300, овецъ 136.

для воды. Такие низменности представляли собой впадины вроде котловин, которые подолгу задерживали дождевые воды. После сильных дождей вода из них заливала иногда целые десятки квадратных километров, образуя собой настоящие и огромные временные озера. В пределах волости протекали реки Козловка и Будунда, впадающие в Зею.

Лес, как уже сказано выше, рос редкий, преимущественно берёза, редко – сосна и дуб. Строевого леса практически не было. Почва была преимущественно суглинистая, местами – чернозёмная. Дороги по волости пролегали по мягкому, болотистому грунту, поэтому передвижение по ним было весьма затруднительно, а по некоторым возможно только в зимнее время или в очень засушливое лето. Пахотные поля крестьян располагались по откосам и увалам возвышенностей, хлеба часто намокали, и уборка их была затруднительна.

В состав волости входило 5 селений и 1 переселенческий участок. Кроме волостного центра (Песчаноозерки) к волости относились деревни Варваровка, Зорино, Преображеновка и Екатеринославка, само название которой подсказывает, что основана она была земляками Щусей в 1894 году. Напомним, что и село под Хабаровском, в которое водворился брат Алексея и Федота – Федор Андреевич Щусь, называлось так же – Екатеринославка. Всего дворов в названных селениях волости было 455, в которых проживало 3351 житель. Строения и церкви были построены из леса, некоторые селения состояли из мазанок, встречались и землянки. Крыты строения соломой и тёсом, редко – железом. Строились селения просторно, поэтому пожары были достаточно редки [9].

Начиная с 1900 года, упоминания о селении Песчаноозерском встречаются в официальном издании Благовещенской епархии – «Благовещенских епархиальных ведомостях». Мы помним, что церковь в селении была заложена, точнее, место, где она будет построена, определено и освящено священником Ивановской церкви ещё в 1886 году.

К 1891 году церковь уже существовала и относилась к VI-му благочинному участку Благовещенской епархии. Имя первого известного священника Песчаноозерской церкви упоминается в приговоре новопоселенцев с. Екатеринославки от 29 октября 1897 года: «Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. ПРИГОВОР. Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Ивановской волости Амурской области, деревни

Екатеринославка, в присутствии нашего сельского старосты крестьянина Павла Терещенко слушали личное предложение господина пристава 1-го участка Амурского округа и настоятеля Песчаноозерской церкви священника *о. Владимира Венчаева* об устройстве в деревне молитвенного дома, который в то же время мог бы быть школой...» [10].

В №10 от 31 мая 1900 года сообщается, что резолюцией Его преосвященства епископа Благовещенского от 8 декабря 1899 года за №2028, за отлично-усердную пастырскую службу по приходу и народному образованию награждён бархатной фиолетовой скуфьей среди прочих и священник Амурской области села Песчаноозерского Евгений Орлецкий. Не могу не отметить, что именно в этом году у крестьян упомянутого села Алексея Андреевича и Пелагеи Семеновны Щусь родился сын, крещённый именем Аверкий (Аверьян) – будущий дедушка автора настоящих слов. А крестил его, соответственно, священник сельского храма, имя которого мы только что и назвали – *Евгений Орлецкий*. Видимо, он был следующим настоятелем церкви после отца В. Венчаева.

Кстати, заслуги по народному образованию были упомянуты не зря, ведь в селе с 1891 года существовала церковно-приходская одноклассная начальная школа духовного ведомства, входившая в район Благовещенского епархиального училищного совета, в которой на 1900 год обучалось 43 ученика (35 мальчиков и 8 девочек). Законоучителем был настоятель сельского храма, священник *Евгений Александрович Орлецкий*, учителями – окончивший курс учительской семинарии *Василий Иванович Филиппов* и *Лука Тищатов* – псаломщик Песчаноозерской церкви (скончается 10.06.1902 г.). При школе имелась библиотека, обладавшая книгами в количестве 264 тома [11].

В 1898 году в селе была открыта ещё и «школа грамоты», в которой обучалось ещё 49 учеников (36 мальчиков и 13 девочек). Законоучителем в ней также был священник Е. Орлецкий, а грамоту сельским ребятишкам преподавал местный крестьянин – самоучка, получивший домашнее образование – *Гаврил Ефимович Игнатенко*. В 1901 году к нему присоединилась г-жа *Лихачева*.

В плане медицинского обслуживания с. Песчаноозерка относилось ко второму участку Амурской области, обслуживал который сельский врач *Файбиш Лейбович Юдалевич*.

По сведениям Памятной книжки и Амурского календаря на 1901 год, в селе Песчаноозерке проживало 1834 жителя. На 2-м участке поменялся сельский врач, обслуживающий и село, им стал надворный советник *Витольд Иванович Станкевич*. Произошло пополнение в школе грамотности села – к законоучителю *Е. Орлецкому*, крестьянину *Г. Е. Игнатенко* и г-же *Лихачевой* добавился учитель из крестьян *Иоаким Иоакимович Маслов*. С 1902 года стала преподавать и его жена – *Мария Николаевна Маслова*. Председателем Песчаноозерского церковно-приходского совета с 01.01.1901 года был назначен крестьянин Тихон Дубовин.

В том же, 1901 году, в Песчаноозерке во время своего путешествия по Амурской области, побывал известный русский экономист и статистик, автор работ по вопросам землепользования, землевладения и переселения в Сибирь Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919). Учёный побывал сначала в деревне Екатеринославке, входившей в Песчаноозерскую волость и основанную за 7 лет до его приезда земляками наших дибровцев из Екатеринославской губернии (думается, были среди них и выходцы из Большой Михайловки), а затем заехал в Песчаноозерку. В приведённом фрагменте он даёт характеристику жителям и того и другого селения, однако нужно помнить, что, хотя песчаноозерцев он называет исключительно «полтавцами», речь, разумеется, идет обо всех жителях села, которые являлись выходцами также из Черниговской, Екатеринославской губерний Украины и Донской области России.

Кроме хлебопашества, песчаноозерские крестьяне занимались и огородничеством – выращивали не только традиционные картофель, морковь, свеклу, капусту и огурцы, но и арбузы, дыни. Так, например, по данным 1903 года в Песчаноозерской волости было выращено 325 арбузов и 6148 дынь.

С 1902 года псаломщиком Богородицкой церкви села Песчаноозерка стал Фёдор Олейников. По всей видимости, это был представитель семейств Олейниковых, переселившихся в село в 1888 году с Полтавщины. Правда, продержался Фёдор на этой должности не долго – около года. Уже 10 августа 1903 года резолюцией Благовещенского епископа «чтец и певец Песчаноозерской церкви Феодор Олейников, согласно собственного прошения, уволен от сей должности, а вместо него определен на

штатное паломническое место, согласно собственного прошения, диакон Николаевского Приморского собора Павел Марков» [12]. В 1904 г. Фёдор Олейников был назначен причетником к церкви в селе Игнашино.

Однако Богородицкая церковь села, которая по факту представляла собой деревянную часовню, давно уже не вмещала всех прихожан, поэтому в селе строилась новая церковь. Она была построена и освящена 13 ноября 1903 года, а в «Благовещенских епархиальных ведомостях» была опубликована статья по этому поводу, написанная вновь назначенным на должность дьякона Павлом Маркиным.

А через пару месяцев, зимой следующего, 1904-го года, новоустроенный храм и село посетил и сам владыка – Епископ Приамурский и Благовещенский Никодим. Как следует из «Описания путешествия, совершенного Его Преосвященством, Преосвященнейшим Никодимом, Епископом Приамурским и Благовещенским с 10 января по 3 февраля сего 1904 г. для обозрения зейских церквей и церковей Якутско-Тунгусской миссии у якутов, кочующих по р. Бурее, Тырме, Чекунде, Усть-Малете, Виману, Чиихою и Таламинскому хребту и по ручью Елга» [13], епископ сначала посетил соседнюю деревню Варваровку, лежащую в 1,5 верстах от Песчаноозерки, где его встретил настоятель Евгений Орлецкий. Встретившись в Варваровке со школьным учителем Потапом Свириденко из местных крестьян, и «подкрепившись чайком», он с сопровождающими отправился в Песчаноозерку. Там, будучи встречен местными жителями хлебом-солью, Епископ Никодим провёл молебен, после которого прочёл проповедь о «лжеучителях». Эта тема была выбрана в связи с тем, что несколько семей в селе исповедовали так называемый «штундобаптизм» или штундизм [прим. 2], причем возглавлялись они волостным старшиной Песчаноозерской волости, о чём писал и П. Марков в своей заметке.

После проповеди в доме местного священника Е. Орленко епископ встретился с местным крестьянским начальником В. Г. Андреенко и приставом В. С. Мищенко. Туда же «призвали и уклонившегося в штунду старшину» волости Антона Турлова. Семья Турловых прибыла в Песчаноозерку в 1894 году. Антон, по всей видимости, был старшим сыном главы семьи – Захара Григорьевича Турлова. Старшина прибыл в дом священника, поклонился епископу, но под благословение не подошёл. Уве-

щевание епископа также не привели к раскаянию «уклонившегося», поэтому после продолжительной беседы Никодим, отдав распоряжения относительно Песчаноозерского прихода, отбыл в сопровождении пристава далее, в сторону дер. Кутиловой.

В июне этого же года в новый храм Песчаноозерки была принесена почитаемая чудотворной икона Божией матери «Слово плоть бысть», имевшая местное название «Албазинской иконы Божией Матери». Об этом событии также была напечатана большая статья все того же Павла Маркина в «Благовещенских епархиальных ведомостях» [15]. И он же, продолжая тему, следом за тем сообщил о песчаноозерских баптистах, возглавляемых волостным старшиной Турловым [16].

В декабре того же, 1904 года, Павел Марков, по всей видимости отчаявшись привести к порядку «уклонившихся в ересь сектантов», подал прошение, согласно которого был перемещён из села Песчаноозерского в Свято-Троицкий собор г. Благовещенска на дьяконскую же вакансию. В 1905 году была, наконец, достроена и освящена церковь в селении Екатеринославка, находившемся в 27 верстах от Песчаноозерки, с которым у жителей были тесные связи, и нагрузка на причт песчаноозерской церкви ослабла.

Заселение волости, меж тем, продолжалось. В книге «Переселение на Дальний Восток» 1906 года издания сообщалось, что в Песчаноозерской волости находится три переселенческих участка и продолжается заселение деревень Короли и Березянка, а также переселенческий участок Козловский. Всего в участках Песчаноозерской волости оставалось еще 409 свободных земельных долей, но самом селе их уже не было, в него поселиться было невозможно.

В книге «Переселение на Дальний Восток в 1907 г.» [17] сообщалось, что кроме земледелия, средством существования для поселенцев Песчаноозерской волости является извоз. Извозом занимаются почти все хозяева, доставляя свой же хлеб на прииски. Большим подспорьем в хозяйстве также является охота и – отчасти – пчеловодство и огородничество. Скотоводство как способ хозяйствования не применяется.

В январе 1909 года селение Песчаноозерское посетил новый епископ Приамурский и Благовещенский Владимир. Подробностей этого посещения не сохранилось, известно лишь, что к тому времени должность настояте-

ля Песчаноозерского храма занимал уже священник *Николай Добротворов*. Этот год ознаменован, по крайней мере, для нашего исследования, тем, что в Санкт-Петербурге была издана книга В. А. Саханского «Очерки Амурской области в связи с грузооборотом проектируемой Средне-Амурской железной дороги» (СПб., 1909 г.), в которой был опубликован единственный известный нам фотоснимок селения Песчаноозерского начала XX века. Можно предположить, что снимок сделан с колокольни церкви села.

Согласно данным Памятной книжки Амурской области на 1911 год, в с. Песчаноозерском проживало 1189 мужчин и 1138 женщин. В селе имелись церковь, волостное правление, школы церковно-приходская и министерства народного просвещения. В году проводилось 3 ярмарки: 17 марта, в Троицын день и 21 ноября. Имелся также хлебозапасный магазин и пожарный обоз. В селе имелся сельский фельдшер – «не имеющий чина» *Иван Михайлович Денисов*. Настоятелем церкви являлся священник *Николай Александрович Добротворцев* (он же – заведующий церковно-приходской школой и законоучитель Песчаноозерского двухклассного училища), псаломщиком – *Василий Саввинович Клеменко* (до 06.12.1911 г.), учителями церковно-приходской школы – *Анна Степановна Пенькова* и *Константин Михайлович Филиппов* (до 12.10.1911 г.). Заведующим двухклассным училищем был *Дмитрий Матвеевич Бешкарев*, учителями – *Георгий Иванович Кириллов* и *Николай Георгиевич Шилкин* [18].

Любопытные сведения приводятся в «Материалах статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области» [19]. Из них, например, мы узнаем, что из 47 семей латышей одна латышская семья выбрала местом водворения именно Песчаноозерку. В селе по-прежнему проживало 3 семьи баптистов. Здесь же приводится статистика, дающая представление, почему господин Кауфман при посещении Песчаноозерки, называл её жителей исключительно «полтавцами». В масштабах заселения всей Амурской области по статистике, имеющейся к 1912 году, в ней насчитывалось всего 278 семей, переселившихся из Екатеринославской губернии. Из них многие, как мы знаем, проживали в одноименных селениях – Екатеринославке Песчаноозерской волости и Екатеринославке же Хабаровского района (куда поселился Федор Щусь). Семей же из Полтавской губернии пере-

селилось на Амур более 4,5 тыс. Точнее – 4578 семей, то есть практически в 20 раз больше, чем екатеринославцев.

Амурский уезд, кроме административного деления на волости, делился также на участки, за которыми закреплялись крестьянские начальники (такого мы уже встречали на освящении церкви с. Песчаноозерского в 1903 году). К 1913 году Песчаноозерская волость входила в состав 4-го участка, куда входила также Борисоглебская волость. Крестьянским начальником на тот момент являлся коллежский секретарь (в 1914 г. – титулярный советник) *Владимир Алексеевич Троицкий*, проживавший в Песчано-озерке. Также в селе проживал сельский фельдшер «не имеющий чина» *Дмитрий Федорович Самцов*, сменивший И. М. Денисова. Поменялся в селе и «батюшка» – настоятель Богородицкой церкви с. Песчаноозерского – на смену Н. А. Добротворцеву прибыл священник отец *Михаил Терентьевич Новгородцев*, псаломщиком (позднее – дьяконом) был при нём *Степан Смычков*. А учителя Н. Г. Шилкина в 2-хклассном Песчаноозерском училище сменила *Татьяна Андриановна Кириллова*. Число дворов в селении Песчаноозерском к 1.01.1913 года составляло 290, в них проживало 2415 жителей. С 1912 года в Песчаноозерском было открыто учреждение мелкого кредита (кредитное товарищество).

В Памятной книжке Амурской области на 1913 год приводятся сведения о количестве скота, принадлежащего жителям села. Рабочих лошадей (старше 4-х лет) насчитывалось 1260 голов, жеребят до 4-х лет – 484. В селе было 40 волов и быков, 800 коров и 858 телят. Овец и свиней было несколько меньше – 84 головы и 780 соответственно, т.к. мясное скотоводство в регионе практиковалось в гораздо меньшей степени. Сама же волость по количеству населённых пунктов и переселенческих участков разрослась уже до маленького уезда – в ней

насчитывалось 19 сёл, деревень, участков и хуторов.

Таким образом, 30-летие своего существования село Песчаноозерка встретило хотя и не без проблем, но в целом в уже достаточно твёрдом, устоявшемся, стабильном состоянии. Большая часть крестьян была достаточно состоятельна. На самом деле, по отзывам, даже та часть крестьянских семейств, которая в Приамурье считалась «бедной», в большей части российских губерний сошла бы за семью «среднего» и даже «выше среднего» достатка. И «бедными» они считались лишь на фоне своих более успешных (как правило, такими были более работающие и более многолюдные) крестьянских хозяйств.

Село Песчано-Озерное. (Зее-Бурейская равнина)

Однако совсем недолго переселенцам, ищателям лучшей доли, удалось пожить безбедно и относительно спокойно. Совсем скоро привычный уклад жизни был сначала нарушен, а затем и вовсе уничтожен. Германская война, начавшаяся в июле 1914 года, открыла период трагических и страшных лет, перемоловших в своих жерновах десятки семейств. И Песчаноозерка не раз оказывалась в эпицентре трагических событий. Однако это уже предмет отдельного рассказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крюков Н. А. – агроном при Приамурском Генерал-Губернаторе.
2. Штундизм (русско-украинский, южнорусский), штунда (от нем. Stunde – час, подразумевается: для чтения и толкования Библии), – христианское религиозное движение, получившее распространение в XIX веке сначала в южных (Херсонской, Екатеринославской, Киевской) губерниях, а затем и других регионах Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Справочная книжка Амурской области на 1890 год / сост. И. А. Соколов. – Благовещенск : [б. и.], 1890.
2. Там же. – С.78.
3. Мезенцева, Л. Д. «Стоять поклонному кресту на месте храма божия...» : (из истории села Песчанозёрка) / Л. Д. Мезенцева // Культурное наследие Дальнего Востока и Забайкалья : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию основания Амур. обл. краевед. музея и 130-летию со дня рождения извест. учёного-краеведа Г. С. Новикова-Даурского / М-во культуры и арх. дела Амур. обл. ; Амур. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова-Даурского ; редкол. : [В. Н. Абеленцев и др.]. – Благовещенск, 2011.
4. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. / сост. А. В. Кириллов. – Благовещенск : Типография т-ва Д.О. Мокин и К°, 1894.
5. Грум-Гржимайло, Г. Е. Описание Амурской области (с картой) / Г. Е. Грум-Гржимайло. – Санкт-Петербург : Типо-литогр. С. М. Николаева : [б. и.], 1894.
6. Крюков, Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Том II, Выпуск II. / Н. А. Крюков. – Москва : типография Т. И. Гаген, 1896.
7. Первая Всеобщая перепись населения, 1899, Амурская область, тетрадь I. – 1899.
8. Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев / сост. А. Тарновский. – Благовещенск, 1899.
9. Там же. – С. 30–31.
10. Шевчук, В. В школе мерзнут чернила / В Шевчук. – Текст : электронный // Амурские сезоны : [сайт о географии, истории, культуре Амурской области]. – URL: <http://геоамур.рф/sources/cultural/cultural-x=014.php> – Дата обращения : 08.07.2020 г.
11. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1900. – №13–14 (15–31 июля).
12. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – №17 (15 сент.).
13. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 6 (31 марта).
14. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1904. – №21(15 ноябр.).
15. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1904. – №22 (30 ноябр.).
16. Переселение на Дальний Восток в 1907 г. Справочная книжка о переселении в области Амурскую и Приморскую. Выпуск XXXVIII. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1907.
17. Памятная книжка Амурской области / сост. А. А. Токовинин – Благовещенск : [б. и.], 1911.
18. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. Т. II, ч. 1-я. : Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Выпуск II. – Санкт-Петербург : типография В. Киршбаума, 1912.

Н. В. СТАНОВКИНА,
краевед
(с. Ромны Амурской области)

«БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО ОТКРЫТЬ ПРИХОДЫ И ПРИЧТЫ» (из истории первой церкви с. Ромны)

Ключевые слова: православие, русская православная церковь, история церкви, Благовещенская епархия, религия в СССР, Дальний Восток, Амурская область, Ромненский район, Ромны, краеведение.

Статья посвящается исследованию развития православия в селе Ромны Амурской области от первых упоминаний об открытии церкви в 1908 году до сегодняшнего дня. В публикации детально раскрыты моменты социального значения открытия храма для переселенцев, участия в финансировании меценатов Пасхаловых, Синода и Переселенческого управления. Приведены данные по отдельным моментам деятельности церкви: типовой проект деревянной церкви, затраты, даты строительства и открытия, штатный причт, состав прихода, название церкви, период работы, причтовые постройки, использование зданий в советское время. Описан пожар, при котором сгорело здание первой церкви. Особое внимание обращено на биографию первого священника о. Симеона Давидченко и псаломщика Ерофея Ольшанского. Новизна статьи в том, что в ней впервые собраны исторические факты, касающиеся отдельно взятой церкви с. Ромны. Работа выполнена на основе изучения архивных документов Государственного архива Амурской области, Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока, документов из интернет-источников Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина и Национальной электронной библиотеки. Живую картинку дают воспоминания очевидцев, фотографии 40-х годов XX в. и современности. Проблема, о которой идёт речь, пока изучена мало, поэтому требует более тщательного исследования.

Вопрос об удовлетворении религиозных нужд переселенцев на Дальнем Востоке был особой заботой государства в период реформ Столыпина. В январе 1908 года духовное ведомство и переселенческое управление с одобрения императора Николая II образовали Особое совещание о церковных нуждах в переселенческих местностях. На местах были созданы епархиальные и местные комитеты по удовлетворению духовных нужд переселенцев, которые состояли из представителей всех ведомств, от которых зависел отвод земли, отпуск леса, финансирование и прочее. В уральские епархии откомандирован протоиере-

рей Иоанн Вострогов для обследования духовных нужд населения. На местах намечены переселенческие пункты, где необходимо безотлагательно открыть приходы и причты по причинам отдалённости от действующих храмов; как предварительный этап перед открытием церковных школ на местах; для упрочнения осёдлости и защиты от инакомыслия – переселенцы были окружены старообрядцами и представителями других вероисповеданий, и, «оставаясь долго без пастырей, могли быть навсегда потеряны для православной церкви» [18, с. 150/174 эл].

По определению Святейшего Синода от 24–28 апреля 1908 года в Благовещенской епархии было решено открыть 5 новых самостоятельных приходов, один из них – в селе Ровном (Ромны) Зазейского района.

Разработаны типовые проекты деревянных церквей для переселенческих поселков в Сибири. В селе Ровном (Ромны) церковь построена по проекту №2, которая вмещала 250 человек. Проект церкви разработан архитектором А. Померанцевым [4, с. 32-37].

«Как правило, церковные здания должны быть простейшей конструкции, требующей при постройке возможно меньшего технологического надзора. Пособие от 2,500 до 4,000 р. на храм. Лес будет отпущен от казны безвозмездно, как на церкви, так и на причтовые дома» [18, с. 151/175эл].

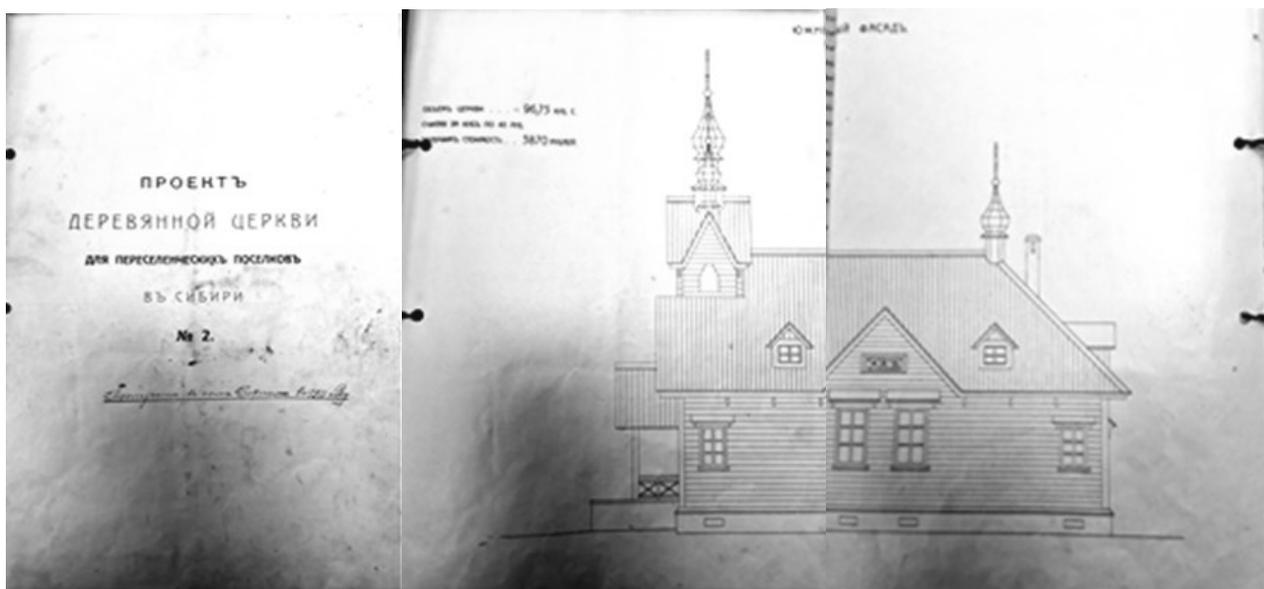
Средства казны Святейшего Синода на строительство церквей, школ и причтовых зданий изыскивались по крупницам и расходовались крайне экономно. По всей империи в церквях был установлен ежегодный повсеместный сбор на построение церквей и школ для переселенцев. От меценатов и прихожан поступали не только денежные средства, но и иконы, церковная утварь, облачение и прочие материальные ценности.

Значительный импульс строительству церквей в Приамурье придавали пожертвования крупных благотворителей. В 1908 году 6 меценатов сделали особо значительный взнос в 105,000 рублей, из них супруги Пасхаловы – 65,000 рублей. При этом из казны запланированы расходы на строи-

тельство новых храмов в 1908 году 25,000 рублей, начиная с 1909 года по – 50,000 рублей в год.

Действительный статский советник Клавдий Никандрович Пасхалов прислал пожертвованный его супругой капитал в сумме 30,000 рублей на постройку 6 церквей во вновь образованных переселенческих селениях: Овсянке, Усть-Перском, Гулюковском, Завидном и Ровном (Ромны) Зазейского района Амурской области и Пантелеймоновке Уссурийского края. В письме Пасхаловых на имя епископа Приамурского и Благовещенского Владимира заявлялось, чтобы храмы были посвящены воспоминанию важнейших священных событий и в память угодников божьих: 1. Рождества Христова; 2. Воскресения Христова; 3. Покрова Пресвятой Богородицы; 4. Казанской иконы Божией Матери, празднуемой 22 октября; 5. Святителя Василия Великого; 6. Святой мученицы Елисаветы, празднуемый 22 октября. При этом, 1-я построенная церковь должна быть посвящена Рождеству Христову, 2-я – Вознесению Христову и т. д., в том порядке, в каком праздники перечислены [7, с. 116–117].

В 1910 году все эти церкви были построены и открыты, что можно увидеть в отчетности Благовещенской епархии и документах церкви. В ведомости открытых церковных приходов в переселенческих поселках Амурской области, составленной в 1912 году, указано, что Ровненский приход Томско-Бельского подрайона образован 4/V 1910 года, священник о. Симеон Давидченко прибыл 10/V 1910 года. В состав прихода вошли 8 селений: Ромны, Богословка,

Проект церкви в селе Ровном (Ромны)

В. Чергалеиск, Пологие Увалы, Чиргинский, Хохлатский, Придорожный, Старо-Листвяничный [5, с 3 об]. В 1912 году при церкви считалось 669 дворов, 2677 прихожан из 12 сёл и деревень: с. Ровное, д. Богословка, д. Васильки, д. Братолобовка, уч. Мало-Горбыльский, д. Ново-Николаевка, д. Калиновка, с. Кузьмичи, д. Любимая, д. Райгородка, д. Святорусская, д. Знаменка [6].

В метрических книгах по приходу с. Ровного (Ромны) можно увидеть название церкви. В книге за 1912–1913 год церковь называется «Воскресения Христова» [1], за 1915 год – «Воскресенская» и «Воскресения Христова» [2, с. 60, 90], в других книгах название не указано. Во всех епархиальных документах с 1910 года она фигурировала как Ровненская церковь Тарбогатайской волости, согласно первому названию переселенческого участка «Ровный», созданному в 1901 году в Томской волости. Название церкви не изменилось несмотря на то, что ещё до её постройки, в 1908 году первые переселенцы называли село «Ромны».

На постройку Ровненской церкви (с. Ромны) расходовано 2,000 рублей из средств Священного синода, 5,000 рублей из пожертвований Пасхаловой Е. В. Первая выдача денег на строительство храма состоялась 30/XI 1909 года, последняя – 19/XI 1911 года. Параллельно со строительством храма строили дом для священника, а с 1913 года для псаломщика. На причтовые дома было получено безвозвратное пособие от Переселенческого управления 2,000 рублей в 1912 году [5, с. 1, 4], 3,000 рублей – в 1913 году [4, с. 7–10]

Самостоятельный приход в с. Ровное (Ромны) Благовещенской Епархии открыт по указам святейшего Правительствующего Синода от 30 января 1910 года за №№1463 и 1521. Утверждён штатный причт из священника и псаломщика с жалованьем от казны священнику 600 руб. в год, псаломщику – 200 руб. [9, с. 185–186].

На место священника назначен учитель Кишиневской епархии Симеон Тарасьев Давидченко, прошедший обучение на Московских пастырских курсах с октября 1909 года по февраль 1910 года. Конкурс на должность священника в переселенческие районы был огромным. На 100 имеющихся вакансий было более 3000 претендентов из числа учителей церковно-приходских школ, дьяконов и псаломщиков, имеющих учительский стаж не менее 9–10 лет [9, с. 87–88]. Симеон Давидченко оказался в числе кандидатов, имея определённые заслуги и достаточный стаж работы.

В газете «Кишиневские епархиальные ведомости» его имя упоминалось в списках учителей церковно-приходских школ с особыми заслугами и благодарностями: в 1890–1891 учебном году в Корбульской школе Сорокского уезда [14, с. 723]; в 1899–1900 – по Стурдзовской школе Белецкого уезда [15, с. 88/14]; в 1900–1901 – по Стурдзовской школе Белецкого уезда [16, с. 22–23]. В вышеуказанных списках за 1890–1891 годы записано «учитель Корбульской школы Симеон Давидченко, окончивший уездное училище, при школе 4 года». Значит, его учительский стаж начался в 1887 году и по состоянию на 1909 год он мог составить от 15 до 22 лет.

Сведения о службе в церкви с. Ромны до 1917 года подтверждены записями в метрических книгах за 1910–1922 годы и Памятными книжками Амурской области на 1915–1917 годы. Священник о. Симеон Давидченко преподавал Закон Божий в Богословском (Сухоложском) и Ромненском 1-классных училищах, работая там законоучителем [17, с. 119].

О деятельности Симеона Давидченко на новом месте службы в церкви с. Ровного (Ромны) упоминалось в «Благовещенских епархиальных ведомостях» №16–17 за 15 августа – 1 сентября 1911 года. Так, в отчёте о деятельности Благовещенского православного братства Пресвятой Богородицы за 1910–1911 год отмечено: «Приходским миссионером священником с. Ровного Симеоном Давидченко произведены беседы с сектантами в с.с. Крутом Логе, Кузьмичи, Верхне-Белом». В дальнейшем Епархиальный миссионер Пантелеймон Папшев в январе 1911 года повторно провёл в с. Верхне-Белом 3 публичных беседы и 4 собеседования с православными, ушедшими в баптизм, после чего многие из них вернулись в православие [12, с. 322–324].

В исповедальной книге за 1912 год по приходу села Ровного (Ромны) в составе духовных лиц записана его семья: священник Симеон Тарасов Давидченко, 53 года, жена его Мария Михайловна, 41 год [6, с. 1]. В последней метрической книге церкви с. Ромны за 1918 год записи сделаны с января по март о. Симеоном Давидченко, с апреля по декабрь – о. Димитрием Ющенко; псаломщик Ерофей Ольшанский [3, с. 9, 110].

В списке священнослужителей, церковнослужителей, монашествующих и мирян Благовещенской епархии, о судьбе которых после 1917 года нет сведений, находятся имена священников Симеона Тарасовича Давидченко

(с. Ромны) и Дмитрия Ющенко (ст. Соколовская) [19].

Если со священником приходу повезло, то псаломщики в первые два года не задерживались. Первый из них, крестьянин Курской губернии Ново-Оскольского уезда Феодор Прокониев Локотченков, определён и. д. псаломщика к церкви с. Ровного Амурской области 2 июня 1910 года [8, с. 131], а 27 ноября 1910 года уволен [10, с. 339]. Вторым, Андрей Петров Лисицин, в статусе псаломщика находился всего один день: определён на должность 10 декабря 1910 года, а 11 декабря уволен за штат [10, с. 339]. С должности псаломщика назначенные лица освобождались по собственному прошению, причиной, как правило, являлось отсутствие жилья [4, с. 7].

Третий псаломщик – местный житель, крестьянин с. Ровного Томской волости Амурской области Ерофей Павлов Ольшанский. Он вступил в должность 9 января 1911 года в качестве временно допущенного псаломщика при церкви с. Ровного [11, с. 12], уволен за штат 11 ноября 1911 года [12, с. 207]. Продолжил работу с 1912 и постоянно работал до 1918 года, что подтверждается метрическими книгами. В 1926 году он ещё проживал в с. Ромны, где у него родился сын Иван.

Отец и пять сыновей Ольшанских прибыли в с. Ромны из с. Голенка Андрияшевской волости (позже Роменский район) Лохвицкого уезда Полтавской губернии. В исповедальной книге за 1912 год по приходу с. Ровного в семье отца, крестьянина Ольшанского Павла Игнатьева (51 год), записаны его дети: Ерофей, 27 лет – псаломщик (жена Матрона Васильева,

24 года, дети – Ксения, 4 года, Афанасий, 6 месяцев); Давид, 19 лет (жена Афанасия, 17 лет); Петр, 17 лет, Харитон, 14 лет, Савва, 12 лет [6, с. 1].

Дальнейшая судьба Ерофея Ольшанского неизвестна. Семейный след обнаружен в Сибири. Его сын Афанасий 1912 г.р. воевал в годы Великой Отечественной войны, призывался Ояшинским РВК Новосибирской области, имел награды в 1942, 1944 и юбилейную медаль в 1985 году (сайт «Память народа»). Ольшанская Надежда Никифоровна в беседе 05.07.2019 вспоминает, что по рассказам свекра Савелия, в родительском доме в тесноте проживали многодетные семьи только двух братьев Ольшанских: Савелия и Давида. Давид был расстрелян в 1938 году. В семье умалчивали о других братьях, их прошлой жизни и службе при церкви.

Церковь, церковная площадь, дом священника и псаломщика компактно располагались на небольшом участке земли в центре села Ромны. На их месте сейчас магазины «Надежда» и «Золотник» постройки 1950–1960 годов. Дом священника является самым старым зданием в селе, находится в федеральной собственности. В разное время в нём размещались: комната для священника и фельдшерский пункт, Госбанк, машиносчетная станция, сельский Совет, вневедомственная охрана. Сейчас это заброшенное помещение. Между домом священника и церковью стоял домик псаломщика, после войны в нём был оборудован бондарный цех, где работали пленные японцы.

Дом священника с пристройкой советских времён. 2019 г.

Старожилы села Ромны у здания клуба (церкви). 1940-е гг.

По воспоминаниям Москалевой В. А. от 18.05.2018, её мама рассказывала, что в 1932 году церковь ещё действовала, в ней она крестила сына Владимира. Позже в этом здании был Дом культуры, который сгорел 6 марта 1953 года. Валентине тогда было 16 лет, она стала очевидцем пожара. «Перед обедом жители собирались на площади возле клуба, слушали радиосообщения о состоянии здоровья Сталина. В этот день в 12 часов объявили о его смерти. Все стояли и плакали. Внезапно клуб загорелся. Бывшая церковь сгорела странно, обычно загорается какой-то угол или сторона, а она загорелась вся сразу. Деревянная, сухая, старая, она сгорела, как свеча, за какие-то минуты. Её никто не тушил, народ стоял и смотрел. И осталась от церкви маленькая кучка пепла. Как и не бывало её», – вспоминала Валентина Андреевна. Православные старожилы до 1970-х годов собирались у кого-нибудь дома по праздникам и молились, а на Радоницу и Троицу служили панихиду на кладбище.

Поколение советских людей отошло от веры. В начале 1990-х годов были приняты законы СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и РСФСР «О свободе вероисповедания». Действующая Конституция 1993 года защитила свободу вероисповедания статьей 28 и рядом других статей. В селе Ромны в середине 1990-х годов образовались первые религиозные объединения Свидетелей

Иеговых и баптистов, имеющих приспособленные дома молитвы. Возрождение православия приходится на начало XXI века, назрело общее желание сельчан спасти и сохранить православную веру своих предков, поселившихся здесь 100 лет назад. По просьбе жителей, с благословения Владыки Высокопреосвященного Гавриила, архиепископа Благовещенского и Тындинского, при участии местных органов власти 22 октября 2004 года состоялось торжественное открытие православного прихода в честь Иверской иконы Божией Матери. В бывшем здании Госстраха выделено помещение для церковных нужд. Построен новый храм, в котором с сентября 2019 года проводятся богослужения, крещения, венчания, отпевания и другие церковные обряды. На праздничных богослужениях, крестных ходах, концертах и трапезах многолюдно, среди прихожан и стар, и млад. Храм освящен 11 октября 2020 года.

Финансирование стройки всенародное: крупные пожертвования местных предпринимателей (Фетилава Л. Ш., Никиенко Н. А., Безух Р.В.), иногородних меценатов, пожелавших остаться неизвестными, частных лиц района, сильные взносы прихожан. История повторилась через век.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Метрическая книга Ровненской церкви 1912/13 г. // ГААО. Ф. 29-и. Оп. 3. Д. 862. 383 л.
2. Метрическая книга Ровненской церкви 1915 г. 82 л. // ГААО. Ф. 29-и. Оп. 3. Д. 1053.
3. Метрическая книга Ровненской церкви 1918 г. 123 л. // ГААО. Ф. 29-и. Оп. 3. Д. 1277.
4. Приговоры Ровненского сельского общества Тарбогатайской волости о выдаче безвозмездного пособия на постройку здания школы 1911/1916 г. // РГИА ДВ. Ф. 712. Оп. 1. Д. 77.
5. Журналы заседаний комиссий по постройке и открытию начальных школ в переселенческих селениях Амурской области 1912 г. 71 л. // РГИА ДВ. Ф. 712. Оп. 1. Д. 185.
6. Исповедальная книга за 1912 год по приходу села Ровного Тарбогатайской волости. 62 л. // РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Д. 39.
7. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1909. – №10–11 (30 мая–15 июня). – URL: <http://e-vedomosti.ru/2000/08/23/10-11-1909-blagoveshhenskie-eparxialnye-vedomosti/>
8. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1910. – №12–13 (1–15 июля). – URL: <http://e-vedomosti.ru/2000/08/24/12-13-1910-blagoveshhenskie-eparxialnye-vedomosti/>
9. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 17 (15 сент.). – URL: <http://e-vedomosti.ru/2000/08/25/17-1910-blagoveshhenskie-eparxialnye-vedomosti/>
10. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1910. – №23–24 (15 дек.). – URL: <http://e-vedomosti.ru/2000/08/25/23-24-1910-blagoveshhenskie-eparxialnye-vedomosti/>
11. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1911. – № 2 (15 янв.). – URL: <http://e-vedomosti.ru/2000/08/25/02-1911-blagoveshhenskie-eparxialnye-vedomosti/>
12. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1911. – №16–17 (15 авг.–1 сент.). – URL: <http://e-vedomosti.ru/2000/08/26/16-17-1911-blagoveshhenskie-eparxialnye-vedomosti/>
13. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1911. – №23–24 (1–15 дек.). – URL: <http://e-vedomosti.ru/2000/08/26/23-24-1911-blagoveshhenskie-eparxialnye-vedomosti/>
14. Кишиневские Епархиальные ведомости. – 1891. – №22 (15 нояб.). – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/5c/fb/5cfb7c4e-cc68-49ee-a1ef-24d8cec2c299.pdf>
15. Кишиневские Епархиальные ведомости. – 1901. – №4 (15 февр.). – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/c9/0b/c90b9f3e-533a-467c-86da-99d5f8e3bb51.pdf>
16. Кишиневские Епархиальные ведомости. – 1901. – №24 (15 дек.). – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/fa/6b/fa6bd003-9543-4ff9-b316-e45e9b83964e.pdf>. обращения: 26.07.2019).
17. Памятная книжка: адрес-календарь Амурской области, 1916 год. – Благовещенск: Типо-литогр. «Благовещенск» Торг. дома И. Я. Чурин и Ко, 1916. – URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_75820/viewer/
18. Победоносцев, К. П. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания... за 1908–1909 годы / К. П. Победоносцев. – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1911. – 663 л. – URL: <https://www.prlib.ru/item/405901>
19. Синодик [Новомученики и исповедники Благовещенской епархии XX века] : Священники, церковнослужители, монашествующие и миряне, пострадавшие за веру и Церковь Христову на Амурской земле и за ее пределами. – URL: <http://sinodik.e-vedomosti.ru/2013/08/1917.html>

В. П. КОБЗАРЬ,
член Союза журналистов России,
член Союза российских писателей,
краевед

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «Амурская правда», тыл, фронт, трудовой героизм.

На основе публикаций областной газеты «Амурская правда» 1941–1945 гг. в статье рассказывается о том, как во время Великой Отечественной войны перестроилась местная промышленность Благовещенска, производя продукцию, необходимую для фронта, как самоотверженно трудились горожане и чем еще помогали фронту.

ПО СТРАНИЦАМ «АМУРСКОЙ ПРАВДЫ» ВОЕННЫХ ЛЕТ

В годы Великой Отечественной войны в Благовещенске выходила только одна газета – «Амурская правда». Её подшивки, к сожалению, неполные, – это не просто летопись военного лихолетья, это свидетельство того, что победа ковалась и на Дальнем Востоке самоотверженным трудом советских людей.

С первых дней войны «Амурка», как называли газету читатели, была пропагандистом, агитатором, организатором. Чтобы победить, нужно было в самые короткие сроки перестроить привычную мирную жизнь на военный лад: работать больше – за себя и за того, кто ушёл на фронт, копить деньги не на новый дом для своей семьи, а – вместе со всеми – на новый танк, напрясть шерсти и связать не шаль себе, а варежки – солдатам... И так четыре года – до самой Победы. «Все силы – на помощь фронту!». Всенародная поддержка воюющей Красной Армии – это не красивые слова, а реальность: как на фронте себя не жалели солдаты, так в тылу их родные трудились с невероятным напряжением. И все жили мечтой о победе.

На первых полосах каждого номера «Амурки» – сообщения Советского информационного бюро о положении на фронтах. Красная армия вела ожесточенные бои, бойцы и командиры проявляли массовый героизм. Систематически печатала газета сообщения о том, как жители города помогают фронту.

Положение Благовещенска в годы Великой Отечественной войны было уникальным. С одной стороны глубокий тыл – 8,000 км от

Москвы, с другой стороны – передовая: на правом берегу Амура, всего в пятистах метрах, стояла миллионная Квантунская армия – главная, самая многочисленная и мощная группировка Императорской армии Японии – одного из союзников фашистской Германии. Все годы войны благовещенцы жили и трудились под прицелами японских милитаристов: Квантунская армия была готова перейти в наступление в любой момент.

Промышленность – фронту

Из-за близости границы в Благовещенске никогда не было предприятий союзного значения, по этой же причине сюда нельзя было эвакуировать никакие оборонные предприятия. На военные рельсы перешла местная промышленность. Завод «Амурский металлист» в короткие сроки наладил выпуск гранат и мин, судостроительный завод – выпуск бронированной стали, единственная на Дальнем Востоке спичфабрика, помимо обычной продукции стала выпускать зажигательную смесь для борьбы с танками. На швейной фабрике шили и ремонтировали обмундирование, пищевая промышленность тоже работала для фронта.

Трудились за себя и за тех, кто воевал, перевыполняли нормы в два, три раза, работали по 10–12 часов и больше, сверхурочно, без отпусков. Массовый трудовой героизм – это реалии военного времени.

«Замечательно трудятся слесари-ремонтники городской электростанции тт. Пискунов и Абрамов. За 8 рабочих часов они оба справились с работой, которую до войны выполняли за три дня. 22 апреля комсомолец Пискунов и комсомолец Мойся чистили турбогенератор. При норме эту работу должны выполнить 6 рабочих за 8 часов. Бригада в 4 человека выполнила работу за 2,5 часа. Это 480% производительности.

Коммунист Галыгин – слесарь. Некому было выполнять токарные работы, он освоил профессию, выполняет норму на 200%: при норме 60 часов выточил рубашку к насосу за 23 часа» (04.07.1942).

Мужчин на производстве заменили женщины, подростки, старики. «Литейщики (женщины!) благовещенской артели «Механизм» тт. Утинкова, Ядыкина, Мещарова, соревнуясь между собой, каждую смену дают по две нормы» (04.07.1942).

«Судоремзавод им. Ленина выполнил майскую программу на 100,5%. Особенно хорошо работали в мае котельщики. Мать фронтовика тов. Козырина выполнила месячное задание на 153%, 136% дала жена красноармейца тов. Гурьянова. Вторую профессию освоила жена красноармейца тов. Аришина. Работая шисьельницей, она давала по 300% нормы. Шестнадцатилетний станочник Калганов выполнил программу на 103%. Его сверстник Юрков, работавший на изготовлении тары, выполнил задание на 411%» (19.06.1943).

«Бывшая домохозяйка Богданова – одна из передовых стахановок Благовещенского лесозавода №16. Она в совершенстве освоила торцовый станок и систематически дает 130–140% нормы» (8.3.1942).

«Кузнецу Мутовкину 62 года. Работает самоотверженно. Его производительность – 218%» (24.04.1942).

Лучшими производственницами на Благовещенской швейной фабрике в 1943 году были швей-мотористки М. Шпинева, Е. Данильченко и Ю. Чернецкая».

Деньги в фонд обороны

Буквально с первых дней войны в области начался сбор денег в фонд обороны Родины. Более 1,000 руб. принесла в Благовещенскую контору госбанка домохозяйка Э. М. Сухорукова: «Это мой вклад в победу», – заявила она. Работники областного драмтеатра отчислили в фонд обороны однодневный заработок, связисты – 20,720 рублей, заработанных на субботнике,

городская пожарная охрана – 5,660 рублей облигаций.

«Третий государственный заём». В артели «Индустрия» швея Лоншакова подписалась на шестинедельную зарплату и всю сумму 750 р. тут же внесла наличными. Во всех цехах подписка превысила шестинедельный срок. Швея Колюшникова, муж которой на фронте, одна из первых подписалась на заём и наличными внесла 500 р.» (07.05.1944)

«Коллектив Амурской школы механиков собирает деньги на колонну танков «Хабаровский осоавиахим». Инженер Мазанов внес 25 р., зав. учебной частью Иванов – 30 р., курсанты – от 15 до 20 р. Всего перечислено 1,475 р.» (27.02.1942).

«Преподаватель пединститута Иван Андреевич Павленко: «Считаю большим счастьем участвовать в помощи государству. Подписываюсь на заём на сумму месячного оклада 800 р. Деньги сразу вношу наличными». Уборщица пединститута Екатерина Ивановна Сысоева: «У меня пятеро детей, я одна работаю. Нелегко мне. Но раз нужны деньги на снаряды, я отдаю свою месячную зарплату на такое дело». На месячный заработок решили подписаться работники пединститута. К 12 часам дня 14 апреля коллектив оформил заём больше чем на 46,000 рублей (15.04.1942).

«К 16 апреля (за два дня) по городу подписались на заём на 9 млн 307 тыс. р. (16.04.1942). «За 4 дня подписались на 11746,500 р., наличными 50,000 р. (19.04.1942).

Артель «Амурский пищевик» занесена на доску почёта горкомсода (городская комиссия содействия государственному кредиту) за успешное завершение подписки на заём. Подписались на 104,3% от месячного фонда зарплаты. Работница Черепанова подписалась на 800 р., её месячный заработок 300 р. Работница Никитина подписалась на трехмесячный заработок (21.04.1942).

В апреле 1943 года благовещенцы получили телеграмму верховного главнокомандующего: Иосиф Виссарионович Сталин передал благодарность и братский привет Красной Армии. Мемориальная доска на главной улице города напоминает о том, что амурские танки, самолёты, катера, построенные на народные деньги, громили фашистов на всех фронтах.

Подарки бойцам Красной армии

Уже летом 1941 года начался сбор тёплых вещей для Красной армии. Собирали буквально поштучно: завскладом «Амуррыбсбыта»

Каплунов передал две меховые шапки, кладовщик Ваняرخа – пару тёплого белья, работница Вячина – меховые перчатки.

«Все классы Благовещенской школы №4 подготовили праздничные подарки фронтовикам. Ученики первого А класса посылают на фронт 20 кисетов с табаком, папиросы, махорку, туалетное мыло, блокноты и 8 носовых платков» (11.10.1942).

«Два вагона подарков, тысячи индивидуальных посылок повезёт эшелон на фронт. В посылках трудящихся 4 тонны печенья и пряников, 430 кг балыка, 5 центнеров колбасы, 224 кг варенья, солёные овощи, свиное сало, жареные курицы и поросята, вино, 2 центнера сыра.

Коллектив пивзавода отправил 30 пачек махорки, кисеты с табаком, зубной порошок, мыло, бритвы, 44 кг колбасы. Нет такого коллектива, который не подготовил бы подарки фронтовикам» (11.10.1942).

«Сбор вещей для фронта, для бойцов и командиров Красной армии. Поможем разгромить ненавистного врага. Артель «Искусство» отправила 18 свитеров, 2 пары валенок, 63 пары рукавиц, 4 шапки. Коллектив артели «Грузчик» – 15 свитеров, 20 шапок, работницы «Амурторга» – 10 телогреек» (16.01.1942).

«Домохозяйки организовали пошивочный кружок. В нём около 30 человек. Женщины выполняют различные заказы для Красной армии. За три месяца сшили и отремонтировали около 3500 вещей. Говорят, если б за деньги, от такой работы бы отказались, а для фронта, для наших солдат будем работать сколько надо. Домохозяйки собрали 32 кг посылок на фронт: к новому году, ко Дню Красной армии» (08.03.1942).

«В зиму 1941–1942 годов благовещенцы собрали и отправили на фронт больше 30,000 тёплых вещей» (08.04.1942).

Первое сокрушительное поражение в ходе Второй мировой войны фашисты потерпели под Москвой. Битва за столицу началась 30 сентября 1941 года оборонительными боями, завершилась разгромом врага 30 марта 1942 года. А в январе 1942 года на фронте побывала делегация трудящихся-дальневосточников! Приехали навестить родных, друзей, земляков. Гости привезли 23 вагона подарков для бойцов. «Это тёплая одежда, часы, гармонии, много вкусной снеди – жареные поросята, гуси, куры, мясо, масло, вина и мёд...», – пишет корреспондент «Амурской правды» И. Денисов. –

Делегаты посетили действующие части, побывали в деревнях, освобождённых Красной Армией от немецких оккупантов. Зрелище разрушенных деревень и беседы с населением, пострадавшим от немецко-фашистских захватчиков, вызвало у дальневосточников чувство жгучей ненависти к коварному и кровожадному врагу. Гостям показали пленных немецких солдат, взятых в боях».

Помощь семьям фронтовиков

«За последние дни комсомольцы города собрали 50,000 р. для помощи детям фронтовиков. Только комсомольцы судоверфи собрали 4,000 р., а также обувь и одежду» (20.02.1944).

«Комсомольцы и пионеры вышли на субботник, чтобы помочь семьям фронтовиков подготовиться к зиме. Пилили и кололи дрова, утепляли квартиры, подвалы для хранения овощей. «Я напишу мужу на фронт, как обо мне заботятся, – пообещала жена фронтовика Кулишева. – Он будет благодарен и это придаст ему силы в бою с немцами» (27.10.1942).

Подготовка кадров для военных действий

«Товарищ Хруцкий – один из лучших инструкторов физкультуры в Благовещенске. С первых дней войны он работает над подготовкой инструкторов-рукопашников. Он подготовил уже 470 инструкторов-рукопашников» (26.08.1942).

«Спортбщество «Динамо». С началом войны вся деятельность направлена на подготовку боевых резервов для Красной армии. Идут занятия по военно-прикладным видам спорта: штыковой бой, гранатометание, стрельбы, мотодело, лыжи, преодоление полосы препятствий» (01.02.1942).

«42 бойца военизированной охраны совершили лыжный переход Свободный – Благовещенск, посвященный 24-й годовщине Красной армии. Мы прошли 150 км по сильно пересеченной местности за 26 часов. Мы – снайперы и минометчики. Просим немедленно отправить нас на фронт в полном составе. Командир подразделения тов. Маин. Школа военного всеобуча» (27.02.1942).

Помощь предприятиям освобожденных территорий

В декабре 1943 года газета пишет: «Полторы тысячи рублей внесли домашние хозяйки уличного комитета №9 Благовещенска в помощь жителям Харькова, пострадавшего от немецких извергов в период временной ок-

купации. Домохозяйки гг. Нижегородцева, Витюнина, Бычкова, Скрипченко, Бережная внесли каждая от 100 до 200 рублей». «Связисты Благовещенска отправили большое количество почтового и технического оборудования в одну из освобожденных областей. В числе посланного – аппарат Бодо, два аппарата Морзе, четыре аппарата Допфер, одна радиоустановка, 100 почтовых ящиков, 70 весов и многое другое».

Победный 1945-й год!

И вот долгожданная, выстраданная всем миром ПОБЕДА! «Амурской правды» от 9 мая 1945 года в подшивке не сохранилось. А в номере за 13 мая на первой странице напечатаны такие слова: «Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе закончился. Начался период мирного развития. И. Сталин».

Ещё некоторое время печатались сводки военных действий, но главное содержание газеты уже определил лозунг: «Страна переходит на мирное положение».

Для всей страны боевые действия закончились в мае. Для приграничных территорий наше-

го Дальнего Востока в это же время началась подготовка военной операции против японской армии в Северном Китае, Маньчжурии, Корее, на Северном Сахалине и Курильских островах. Благовещенск всегда был приграничным городом, а летом 1945 года он стал прифронтовым.

Документ об объявлении войны был вручен японскому послу в Москве 8 августа 1945 года в 17 часов. В нём говорилось, что боевые действия начнутся на следующий день. Но с учётом разницы во времени фактически у японцев оставался всего один час до начала наступления Красной армии.

На рассвете 9 августа 1945 года бронекатера Амурской флотилии форсировали Амур и высадили десант на правом берегу.

Начались последние бои Второй мировой войны. Они были такими же тяжёлыми и кровопролитными, как и на западе. 2 сентября Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Воины-дальневосточники были в числе тех, кто поставил окончательную точку в истории самой кровопролитной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амурская правда. – 1941–1945.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Левченко, Н. Р. Город Муз : изопоэма / Н. Р. Левченко. – Благовещенск : Типография, 2020. – 48 с. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Поэт, прозаик и художник Николай Романович Левченко – врач по профессии, преподаватель Амурской государственной медицинской академии – Благовещенск считает своим родным городом, несмотря на то, что родился не в нём. С Благовещенском поэта связывает многое: воспоминания юности, родные, друзья, коллеги, собратья по перу и кисти, близкие по мировоззрению люди, прохожие, улицы, переулки, дома, деревья, реки.

В 2020 году Николай Левченко издал книгу «Город Муз. Изопоэма» – откровение о себе самом и любимом городе, с которым автор настолько сроднился, что ощущает городской пейзаж второй своей частью. Знакомые городские черты, преображённые словом и кистью художника-поэта, обретают иное – вечное – значение и «важный смысл иной». В новом произведении автора город, отмеченный в каждом своём проявлении божественным благословением, предстаёт возвышенным и даже неземным. Н. Левченко так «изопоэтично» показывает реальную красоту и ирреальную таинственность Благовещенска, используя образы Муз – его ангелов-хранителей, что не сомневаешься в истинности написанного и изображённого.

Книгу «Город Муз» можно рассматривать, как художественное произведение, посвящённое 165-летию юбилею города Благовещенска. После прочтения этой книги каждый житель или гость Благовещенска почувствует его живую прелесть.

В. Н. ЧЕРКЕСОВ,
поэт, прозаик, журналист,
член Союза писателей России
(г. Белгород)

ИЗ ПОВЕСТИ О ДЕТСТВЕ «СИНЕЕ СТЕКЛЬШКО» [1]

Дом окнами на Амур

Я родился в трудном и голодном, как говорила бабушка, послевоенном году. Она же рассказывала, что у мамы от недоедания пропало молоко, и мне, крохотному, давали сосать корочку ржаного хлеба, окунув её в подслащённую воду, а после, когда купили корову, готовили тюрю из хлеба и молока.

Зорьку, или кормилицу (так её называли в семье) я не забыл до сих пор. Корова была белая с большими коричневыми пятнами на боках, такого же цвета «яблоки» украшали шею и голову. Когда бабушка доила Зорьку, я подходил с большой алюминиевой кружкой и потом пил тёплое пахнущее душистой травой молоко. «Пей, пей, Валерик, – приговаривала бабушка. – Здоровеньким будешь!».

Когда я подрос, то разносил в бидончике молоко по соседям. «Всё – живая копейка», – тоже бабушкины слова. А позже дедушка с бабушкой, чтобы не оставлять одного дома, часто брали меня «по барду». Зорьку запрягали в телегу с большой бочкой, и мы ехали кварталов за десять к спиртзаводу, где продавалось это мутное пойло, которое корова с удовольствием пила, причмокивая губами. Туда я обычно ехал, а обратно шёл. Лишь иногда, если очень уставал, меня ненадолго подсаживали на телегу: «Зорьке ведь, внучёк, тяжело везти!...».

Но всё это было после. А раньше...

Помню дом. Он казался огромным, хотя у нас была всего одна комната, правда, большая, кухня, сенцы. Во второй половине дома, примерно такой же, жили соседи.

Внутри жилища любопытного для меня, мальчика, было немного, ну разве подполье, которое закрывалось длинными досками. Когда кто-то туда спускался, я старался заглянуть в чёрный провал. Однажды взрослые не углядели, и я, было, уже полетел вниз, но тётя Галля, тогда школьница, успела подхватить меня на руки.

Ещё меня интересовало железное кольцо, вбитое в толстое бревно на потолке. Это бревно шло через комнату и кухню – дед называл его матицей. Он же говорил, что на нём висела колыбель, в которой меня вынянчили. До кольца было высоко. Я ставил табуретку, забирался на неё, да усилия были тщетными: никак не достать!

Но больше всего я любил смотреть в окна. Их было три – одно в кухне и два в комнате, и все выходили на солнечную сторону. А вдаль виднелась река, переливающаяся в зависимости от погоды разными цветами – от белого до тёмно-серого, но чаще она была голубой, синей, зеленоватой.

Амур. Когда я его увидел впервые и когда узнал, что река так называется? Мне кажется, Амур жил во мне с самого рождения, а слово это я произнес вместе со словом мама.

...Стёкла уже оттаяли, нет на них белых кружев, но по утрам внизу, на раме, ещё намерзает прозрачный ледок. Я проснулся и сразу к окну: дедушка говорил, скоро Амур пробудится. Как это случится, я не знаю, но почему-то очень волнуюсь.

В ожидании прошло несколько дней, и однажды на рассвете со стороны Амура слышались нарастающие гул и грохот, как будто в той стороне шла битва великанов. Так вот как Амур пробуждается!

Одного к реке меня не отпускали. Бабушка пообещала, что, как управится с делами, мы пойдём посмотрим ледоход. Но ждать было невмозможу, и я, как только взошло солнце, вопреки запретам, полез вверх по лестнице, ведущей на чердак, чтобы увидеть, что же там происходит, на Амуре?

Третья, пятая, седьмая ступенька – так высоко я ещё никогда не забирался. Решив, что достаточно, осторожно повернулся, сел на ступеньку и посмотрел вдаль: Амур дыбился огромными льдинами. Они медленно двигались, наталкиваясь друг на друга, сшибаясь, крошась, разваливаясь, а с верховья напирала новые и новые белые громадины.

Ближе к полудню бабушка, приготовив обед, взяла меня за руку и повела к Амuru.

Вблизи картина была ещё поразительней. Русло реки, а оно было широченным, забито льдинами разной величины. Они то двигались, то замирали, образуя заторы, тогда треск и грохот становились сильнее. Белые пласты выползали на берег, давили на эстакады речного порта, отрывая бревна и доски.

Бурный ледоход продолжался дня три, потом льдин стало меньше, и однажды я услышал на реке протяжный гудок. «Ура-ра-а! – закричал мой дружок Толька Давыдов. – Айда смотреть!» И позабыв про бабушкин запрет, я с товарищем вприпрыжку помчался вниз по песчаному склону к Амuru.

Потом наша семья перебралась в новый дом. Его поставили ещё ближе к Амuru. Из окна я видел уже всю ширь реки и противоположный берег, который называли очень странно – Китай.

Притяжение реки

Вода Амура и Зеи, других больших и малых рек зачаровывала меня с детства, она казалась одушевлённым, живым существом. С водой можно было разговаривать, поверять ей свои мечты, что я и делал, бывало, часами просиживая на берегу. И, казалось, она понимала меня, отвечала мне – я это чувствовал чуткой юной душой.

Дальневосточные реки, как правило, быстрые, но, естественно, есть на них и тихие заводи, и глубокие омуты; стремительное течение

воды порой переходит в плавное, а то и вовсе замирает – разве не похоже это на поведение, на характер человека?

Весной я чуть ли не каждый день приходил к Амuru – до или после занятий в школе, чтобы не пропустить начало ледохода. Лёд постепенно темнел, становился ноздреватым, наверх проступала вода, а потом появились и полыньи; единое пространство кололось на льдины, двигалось, дыбилось, шумело. Отсюда, наверное, и второе название ледохода – шуга.

Как правило, в последних числах апреля Амур окончательно взламывал лёд, и он устремлялся вниз по течению. Порой случались гигантские заторы, особенно в месте встречи Амура и Зеи, и тогда на помощь рекам приходили военные. Они подрывали лёд, стреляли по перекату из минометов. Нам, мальчишкам, видеть это было, конечно же, радостно. Да и не только нам. Посмотреть на ледоход приходили от мала до велика.

А потом я ожидал, когда на реке появится первый пароход. Речной порт был рядом. Там крановщиком работал наш сосед дядя Влад. Он, как правило, знал, когда начнётся навигация. «Ну, пацаны, – говорил он, выходя во двор, – завтра встречайте!»

...И вот я стою на высоком берегу и смотрю на Амур. Бурный ледоход уже прошёл, по воде плывут лишь небольшие льдины.

Чу! Вдали раздаётся трубный пронзительный гудок, ему эхом аукнулись берега. «Ура! – кричу я, подпрыгивая на уже потеплевшем песке. – Первый пароход! Первый пароход!». Ну всё, значит, пришла настоящая весна, за ней наступит лето, и мы, мальчишки, будем днями пропадать на амурских берегах, купаться, загорать, играть, рыбачить – да мало ли чем можно заниматься.

Пароходы были грузовыми и пассажирскими. Грузовые выкрашены в коричневый, оранжевый или жёлтый цвета, но от дыма, который густо валил из труб, и сажи, осыпавшейся на палубы, они выглядели как бы закопчёнными, мы говорили «чумазыми». Пассажирские были бело-голубыми, хотя сажа тоже на них оседала, но почему-то не так густо. Грузовые чаще назывались, как дальневосточные города: «Владивосток», «Комсомольск», «Хабаровск», «Благовещенск», пассажирские – именами великих людей «Адмирал Невельской», «Сергей Лазо», «Миклухо-Маклай». Поразительно: прошло более полувека с поры детства, а я помню названия пароходов – такое неизгладимое впечатление они оставили в памяти.

Приплывали к нам суда и из других портов, находящихся ниже по Амуру, но особенно мы, пацанва, ликовали, когда на реке появлялся китайский пароход. В городе Хэйхэ, который стоял на правом берегу прямо напротив Благовещенска, он, вероятно, был в единственном числе. Если у наших пароходов было по два колеса-лопасти и находились они по бокам судна, то у китайского – одно очень большое, прямо огромное, и было оно на корме. Когда пароход шёл, то колесо, вращаясь, поднимало столб брызг. Из трубы китайского парохода валил необыкновенно густой и чёрный дым, а плыл он медленно, чуть накрываясь, – всё это вызывало у мальчишек неимоверный восторг. Говорили, что судно досталось нашим друзьям от японских интервентов, которых изгнали из Китая в августе 1945 года.

Мечтой многих благовещенских мальчишек было проплыть на пароходе «Адмирал Невельской» или хотя бы на нём побывать. Трёхпалубный, белого цвета, с большим красным флагом на мачте, он так и притягивал к себе восхищённые детские взоры.

На этом пароходе обычно отправляли ребят в пионерский лагерь, который находился выше по Зее, у села Натальино. В лагере отдыхали дети тех, кто работал в речном порту, в нашей же семье таких не было. А вот у соседки Гальки Прозоровой отец был речником. И однажды ей досталась путёвка в лагерь, и я напросился девочку проводить – уж очень хотелось поглядеть вблизи на «Адмирал Невельской»!

На площади у причала толпилось много людей, казалось, полгорода собралось проводить ребят. Пароход стоял, притулившись белым боком к пирсу. На нём гремела весёлая музыка, было много улыбающейся празднично разодетой ребятни. Я смотрел на радостные лица, и вдруг мне стало нестерпимо завидно, а ещё почему-то обидно, что не я стою на палубе, а другие, и что не мне машут руками провожающие. Тёплая влага подступила к векам, но я не заплакал, а только ещё ниже нахлобучил кепку, чтобы никто не заметил моего состояния.

Тогда же я решил: когда вырасту, то непременно поплыву на «Адмирале Невельском», а может быть, и на ещё лучшем и красивом пароходе, куда-нибудь далеко-далеко, возможно, даже в неведомые страны, и кто-нибудь мне тоже будет завидовать.

...А после того, как сходил лёд с Амура, начинался сезон купания. Пацаны-смельчаки, не дожидаясь, когда вода потеплеет, «грели» её ещё в мае, бывало, простывали, но желание окунуться в реку было сильнее страха заболеть.

С началом лета на школьных каникулах вся благовещенская ребятня была у воды. Купались, загорали, играли на песчаных берегах: оборудованных пляжей тогда не было, да о них никто и понятия не имел.

Неподалёку от нашего дома на берегу высились огромные кучи, почти горы, гравия, который краном добывали со дна Амура. Они были нам и пляжем, и нырялками, и местом игр и отдыха. Как здорово было, разогнавшись, прыгнуть с кручи, вонзиться в прозрачную воду «ласточкой» под восторженные возгласы девчонок!

Купальный сезон продолжался, как правило, до сентября, и мало кто верил народной примете, что, мол, уже «Илья в воду помочился», она стала холодной – с Амура мы не уходили, и только когда начинались занятия в школе, реже появлялись у реки.

Замерзал Амур только в конце ноября – начале декабря, и для нас, мальчишек, это было тоже радостью. С крутых и покатых берегов было здорово съезжать на санях и лыжах, гонять по льду самодельную шайбу, кататься на коньках и самокатах.

Воды я не боялся, хотя несколько раз по собственной неосторожности тонул, но в последний момент какая-то неведомая сила выталкивала меня наверх из сине-зелёной пучины. Помню, как однажды я кое-как доплыл до спасительной косы, как лежал, обессиленный, на песке, а амурская вода омывала мои ступни, гладила их, словно ласкала пенистыми волнами.

Много позже, уже взрослым, оказавшись во Владивостоке на берегу Тихого океана, стоя на гранитном выступе, я восхищённо глядел на бескрайний водный простор и вдруг подумал, что реки мне всё-таки ближе, чем моря-океаны, и что, случись здесь со мной беда, никакое чудо не помогло бы, как это происходило не раз на родном Амуре.

Вот придёт китаец...

Мне шесть лет. С дружкой Толькой Давыдовым во дворе железнодорожной станции мы забрались на высокую черёмуху, на которой поспевшие плоды были особенно крупными и сладкими. Встали на ветку, а она, не выдержав нашего веса, подломилась у ствола, и мы

полетели вниз. Ушибиться не ушиблись: ветка спланировала на листьях, а вот испугались точно. Добавила испуга и тётя Вера, уборщица станции. Увидев на земле обломленную ветвь, она громко запричитала: «Ах вы, фулюганы! Вот придёт китаец – он вам уши надерёт». Мы мигом сиганули через забор, не успев оборвать с ветки рясные кисточки.

Почему тётя Вера угрожала нам приходом китайца, было непонятно. К тому времени я уже знал, что Китай – это страна на другом берегу Амура, а китайцы – люди, которые там живут. Как-то я видел их в нашем городе. Группа мужчин невысокого роста была одета в одинаковые темно-синие полувоенные костюмы из помятой хлопчатобумажной ткани, на головах такого же цвета кепки. Говорили они на каком-то мяукающем языке, было, право, смешно слушать.

А несколько раньше, под Новый год, на льду посредине Амура поставили ёлку, наряженную разноцветными игрушками. Происходило это далеко от нашего дома, поэтому один я пойти посмотреть не мог, взрослые же были заняты. А вот Толька с пацанами бегал к ёлке, рассказывал, что с той стороны, из города Хэйхэ приходили китайчата. Мой дружок-проньера выменял у них на что-то спичечный коробок с буквами-иероглифами, похожими на больших многолапых пауков, и хвастался этой своей добычей.

Когда я учился в третьем классе и занимался в шахматном кружке Дома пионеров, в Благовещенск приезжала делегация китайских школьников. Мы обменивались сувенирами, пробовали общаться, хотя, конечно, мало понимали друг друга. Гости были одеты так же, как и мы: мальчишки в тёмных брюках и белых рубашках, девчонки – в такого же цвета юбках и блузках, на всех – красные пионерские галстуки. Лица же их показались мне одинаковыми: поблескивающие смолью волосы, смуглая кожа, внимательные и как бы слегка испуганные глаза. После встречи кто-то из наших старших мальчишек сказал, что, мол, и мы, русские, кажемся китайцам одинаковыми, но я этой байке не поверил. Как это я – русоволосый с кучерявившимся чубчиком и Володька Гречихин – с рыжими прямыми волосами и россыпью ярких веснушек на носу и щеках – на одно лицо?!

Граница с Китаем проходила по Амуру. Летом она никак не обозначалась (как можно было поделить воду?), а зимой на льду погра-

ничники ставили столбы, между которыми натягивали колючую проволоку. В какое-то время взрослые заговорили об охлаждении отношений между нашими странами, мол, китайский вождь Мао поссорился с нашими вождями. По нашему берегу Амура летом стали чаще ходить пограничники с собаками, а зимой заграждения из колючей проволоки ставились уже в несколько рядов. Родители строгонастроено наказывали нас не подходить близко к проволоке, ибо к ней были прицеплены ракеты: стоит тронуть – и они взлетят. Но смельчаки находились.

Особым шиком у мальчишек было, разогнавшись по льду на самокате, доехать до проволочного заграждения, буквально в метре от него притормозить, круто развернувшись. Однажды у выбражули Вовки Ляховского, который жил неподалеку от нас, этот опасный трюк не получился. Притормозив, он упал с самоката и по инерции врезался в проволоку. Ярko пыхнула красная ракета, взвившись в небо. Огонь задел Вовкину телогрейку, она загорелась. Мальчишка заорал неестественным голосом, пытаясь сбросить с себя одежду. Хорошо, что ему это удалось.

Мы катались на самокатах неподалёку и буквально остолбенели от случившегося. Прибежали мужчины, подхватили Вовку на руки, вынесли на берег. Пострадавшему оказали первую помощь, потом отвезли в больницу, где он пролежал довольно долго. На теле мальчишки осталось большое сине-красное пятно от ожога. С тех пор за Вовкой закрепилось прозвище «Копчёный». На амурском льду я его никогда больше не видел.

Помнится и ужасное наводнение. Тогда мне было одиннадцать лет, поэтому в памяти запечатлелось многое.

В августе Амур не просто вышел из берегов, а превратился в бурлящее море. Была затоплена половина, если не больше, территории Благовещенска. Даже речной порт, хотя он и стоял на засыпанных землёю ряжах, пострадал. Подмыло портовый кран, и он упал, в воде оказались склады. По Амуру вниз по течению плыли деревья, даже смытые дома. Однажды я видел, как на небольшом плоту металась коза. Вероятно, хозяева хотели её спасти, переправить в безопасное место, но не смогли.

В городе все от мала до велика строили дамбы. Наш дом находился неподалёку от берега, но на высоком месте. И всё-таки вода подошла к огороду, затопив часть его. Мы с сосе-

дями тоже возвели земляную дамбу, перенесли необходимые вещи на чердак сарая и ночевали там, но кто-нибудь из взрослых не спал всю ночь, дежуря на случай нового подъема воды.

Наводнение принесло Благовещенску много бед. Что уж говорить о китайском городе Хэйхэ! Правобережье полностью было в воде, говорили, что соседи в буквальном смысле голодают. Но как только вода чуть спала, через Амур пошли пароходы, буксируя баржи с продоволь-

ствием, стройматериалами и прочим, хотя всего этого и нам не хватало. Но делились, выручали китайских друзей.

В детстве, проплывая на прогулочном катерке мимо набережной Хэйхэ и завидев на ней людей, мы, ребяташки, приветственно махали руками, и они отвечали тем же, дружески, по-доброму улыбались.

Так что китайцы были несколько не страшными. Зря нас тётя Вера ими пугала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черкесов, В. Н., Синее стеклышко : повесть о детстве / В. Черкесов ; [иллюстрации И. Д. Бобенчика]. – 2-е издание, дополненное. – Белгород : Константа, 2019. – 134 с. : ил.

Наши гости

А. А. СМЫШЛЯЕВ,
журналист, телевизионный режиссер, писатель,
член Правления Союза писателей России, председатель
Камчатского регионального отделения Союза писателей России,
главный редактор издательства «Новая книга»
(г. Петропавловск-Камчатский)

ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ АМУРА

*Наверно в обживаньи этих мест
Был главный инструмент –
нет, не топор, а Крест...
Н. Левченко «Город Муз»*

1.

Начну, пожалуй, издалека, с динозавров, когда на Земле жили только они – и хищные, и травоядные. Не знаю, был ли тогда Амур, купались ли динозавры в его водах, но их огромное кладбище находится прямо в черте города Благовещенска, который, как известно, как раз и стоит на левом берегу Амура, прямо у реки. На кладбище ведутся раскопки. Рядом построен палеонтологический музей. Едва ли второй такой имеется в других региональных городах.

Благовещенцы знают, что живут на земле динозавров и гордятся этим, а один мальчик лет десяти при мне правильно и без запинки произнёс название динозавра, искусственная копия которого установлена на городской набережной, – гадрозавр. Любопытный, начитанный мальчик, настоящий патриот своего края!

Именно гадрозавры, да ещё кровожадные, всё поедающие тиранозавры обитали в этих краях шестьдесят миллионов лет назад. Их костяные останки массово здесь и найдены, и теперь палеонтологи всего мира стремятся попасть в Благовещенск, чтобы осмотреть приамурских динозавров. Потому и соорудили благовещенцы искусственного гадрозаврика

(судя по малому размеру, его иначе не назовёшь) на своей набережной, чтобы напомнить людям, что жили здесь когда-то совсем другие хозяева. Правда безобидный и даже милый благовещенский гадрозаврик стоит боком к Амуру и не смотрит в сторону китайского города Хэйхэ, который красуется на другом берегу реки, всего-то в полукилометре от набережной Благовещенска. Не смотрит. Неужели там не было его сородичей? Или, всё же, тогда и реки здесь не было?

Но сами благовещенцы постоянно глядят на Хэйхэ. И ждут, когда закончится пандемия, Китай откроет границу и потоки жителей Поднебесной снова хлынут в Россию. Теперь и мост через Амур есть, и канатку готовы построить, приезжай – не хочу. Плохо жителям Благовещенска без китайцев, непривычно, скучно и скудно. «Привыкли мы к ним, с ними мы и радостнее, и богаче», – признаётся отец мальчика, правильно назвавшего приамурского динозавра.

Мы с магаданским книгоиздателем Павлом Ждановым гуляем по вечерней набережной Амура. Нам всё здесь нравится. Кроме жары. Для нас, северян, тридцать градусов – настоящее выматывающее пекло, и даже прохлада разлившегося Амура не помогает. Но

опускающийся на землю вечер делает своё дело, и вскоре жара спадает, нам с Павлом становится действительно хорошо.

С наступлением сумерек город зажигает огни. Ярко, а, может быть и ещё ярче, горит огнями и китайский Хэйхэ. Совсем старенькие старожилы Благовещенска рассказывают, что во времена их молодости на том берегу вообще огней не было, потому что находилась на месте нынешнего Хэйхэ маленькая, жалкая китайская деревушка. Её и не видно было. А теперь – красивый город! Хэйхэ поднялся на торговле с Россией, на своём приграничном преимуществе. До пандемии туда ездили без визы, по зарубежному паспорту. И китайцы легко пересекали границу. Скупали то, чего не было в собственной стране, как и наши. Постепенно сфера услуг в Благовещенске почти вся перешла китайцам, они оставались здесь жить. Женились, метисы тут и там мелькают на улицах города, звучит китайская речь.

Впрочем, встречаются в Благовещенске и чёрные африканцы, одетые в российскую военную форму. Это зарубежные курсанты местного военного университета. Самой судьбой приграничному Благовещенску уготовано быть интернациональным, поэтому африканцы и арабы давно никого здесь не удивляют. Как не удивляют и беленькие девушки, идущие под руку с чёрными или чересчур смуглыми парнями.

Курсантам в эти дни достаётся. Вода в Амуре поднимается с каждым днём, вот-вот хлынет на улицы города, затопит набережную, поэтому военных привлекли к укреплению берега. Они беспрестанно насыпают в мешки песок, развозят его по нужным местам, разгружают тяжёлые мешки, сооружают из них препятствия для воды. Строем, взвод за взводом, с лопатами на плечах, проходят курсанты по набережной к местам работы, и люди почтительно расступаются – идут спасители города! Кто, если не военные в критические моменты бросятся грудью на стихию, заслонят соотечественников, спасут страну!

В своё время закончил Благовещенский военный университет мой племянник Дима. О годах учёбы и о городе у него остались самые приятные воспоминания. Особенно о девушках. Они здесь действительно хороши – беленькие, стройненькие. И сам город хорош – чистый, умытый, красиво отстроенный, с чёткой геометрией улиц, со множеством старинных зданий. Городу чуть больше полутора ве-

ков, и он сохранил в своём облике многие черты своего давнего начала, когда амурская земля богатели за счёт добычи золота и удачного расположения для торговли.

Горожане любят свой Благовещенск. Художники с мольбертами, особенно юные, видны тут и там, воспевают город поэты. У меня в руках прекрасная книжка местного врача и поэта Николая Левченко, которая так и называется – «Город Муз». Автор – ещё и художник, поэтому воспел свой город во всей красе – и живописной, и словесной. В книге – посвящение: «Музам – ангелам Благовещенска». Жаль, я не спросил, кого имел в виду автор, но так даже интересней – можно гадать и высказать догадку. Скажу свою: конечно, его музы – прекрасные благовещенки, которые присутствуют почти на каждой странице в рисунках. Его Муза (уже с Большой буквы) – личное восприятие божественности города, идущего уже от самого названия – Благо Вещенск, особая гордость за это, умиление и умаление Небесных сил продолжать любить и заботиться о городе. Муза – щемлящая радость в авторском сердце любящего, счастливого горожанина, когда он идёт по городу, любит его, когда садится рисовать его, когда пишет о нём, подбирая самые точные и самые прекрасные слова!

*Весна и Город. Город и Река.
Река и небо, небо и дорога,
И набережной твердь, как твердь порога –
Через него шагнул на берега
Умытый Город – и остался здесь,
И Ангелом ему Благая весть
Дарована – напутствием от Бога.*

Историю Приамурья и Благовещенска рассказали, воспели многочисленные другие, и это не моя задача. Я хочу здесь поведать о своём восприятии этой славной земли (возможно, оно сойдётся с восприятием Николая Левченко), моём восприятии её людей и рассказать о том форуме, который меня сюда зазвал. Поэтому приведу ниже информацию, без которой не обойтись.

2.

Считаю, что мне выпала большая честь стать участником международного фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», который прошёл в Благовещенске с 21 по 25 июня 2021 года. Кроме меня, камчатца, на фестиваль пригласили известного книгоиздателя из

Магадана Павла Жданова, главного редактора литературного журнала «Дальний Восток» Александру Николашину, главного редактора журнала «Культура и наука Дальнего Востока» Ольгу Волкотрубову и генерального директора Дальневосточной государственной научной библиотеки Татьяну Якубу (все трое – из Хабаровска). Позже к нам присоединились два специалиста из Института востоковедения РАН (Москва).

Мощный разлив воды в Амуре не помешал фестивалю, до критической отметки уровень реки поднялся на следующий день после завершения форума, и мы, гости, благополучно вернулись по домам. А вот пандемия коронавируса внесла коррективы: общение с китайскими друзьями прошло в онлайн-режиме.

Пусть так, но ведь мы пообщались! Модератором общения выступила исполняющая обязанности директора Амурской областной научной библиотеки им. Н. Н. Муравьева-Амурского Оксана Сергеевна Праскова. С российской стороны нас приветствовала министр культуры и национальной политики Амурской области Надежда Доргунова, с китайской – заместитель директора Управления культуры и туризма провинции Хэйлунцзян Юй Фэн. «Нас разделяют разлившийся Амур и пандемия, но мы общаемся, друзья!» – сказала в заключительной части своей речи Надежда Доргунова, и ей вторил господин Юй Фэн. Мы общаемся, несмотря ни на что!

Я рассказывал о Камчатке, издательстве «Новая книга» и его книжно-альбомных проектах, содействующих развитию туризма. На Камчатке многое делается для туристов, в том числе в информировании их об уникальных уголках полуострова. Одно только издательство «Новая книга», где я являюсь директором и главным редактором, ежегодно выпускает от 30 до 40 наименований книг, альбомов, комплектов открыток и карт, рассказывающих о нашем полуострове, его истории и природных богатствах.

Павел Жданов рассказал о своём магаданском издательстве «Охотник», которое пропагандирует родную Колыму и Чукотку, показал некоторые свои издания, в том числе книги сказок «Волшебная Колыма» и «Золотая Колыма».

Выступали директор Института Конфуция в Благовещенске Николай Кухаренко, заместитель генерального директора ЗАО «Амурская ярмарка» Татьяна Телюк, другие россияне. Татьяна Якуба рассказала о международных проектах своей краевой библиотеки.

С китайской стороны выступили заведующий институтом истории Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Лян Юйдо, заместитель председателя Харбинской федерации литературы и искусства Ван Ачэн, сценарист первого класса из Харбинской академии искусств Ван Цзычунь, член Китайского общества прозаиков и Харбинского отделения Ассоциации писателей Юй Цююе и др.

Если бы не пандемия, мы бы встретились с китайскими коллегами очно, нас возил бы по Амуре теплоход. Но пришлось лишь помахать с экранов друг другу руками. И на этом попрощаться.

А фестиваль продолжался. Программа на российской стороне была обширной и интересной. Это и концерт Центрального военного оркестра Министерства обороны РФ (Москва), и многочисленные выставки работ амурских художников и мастеров народных промыслов, в том числе из малочисленных народов Севера и Сибири. Это концерт «Все ещё живы» благовещенских артистов – ведь фестиваль затронул и 22 июня – День Памяти и Скорби российского народа. Это наши экскурсии к памятнику казакам-первопоселенцам на Амуре, к копии Албазинского острога, выстроенной на территории военного полигона, к амурским художникам, в областной краеведческий музей, встречи с писателями Приамурья. Это и прогулки по набережной Амура, откуда открывается вид на соседний с Благовещенском китайский город Хэйхэ. Глядя на огни вечернего Хэйхэ, понимаешь, что здесь, на Амуре, наше соседство с Китаем настолько близкое и тесное, что нам невозможно не дружить. И мы дружим. Фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» был уже 11-м, и, думается, через два года состоится следующий, двенадцатый. Возможно, тогда не помешает ничего – ни высокие воды величавого Амура, ни очередная пандемия. И мы с китайцами пожмём друг другу руки.

3.

Душой нашей части фестиваля – литературно-краеведческой, была, конечно же, руководитель областной научной библиотеки Оксана Праскова. Ход фестиваля её по-настоящему заботил и не давал расслабляться. А тут ещё и мы, гости, со своими вопросами быта, местом встреч, повесткой дня и так далее.

- Попьем чаю, – говорю я.

- А, может, вам принести кофе? – предлагает Оксана Сергеевна и, получив утвердительный ответ, тут же бежит вниз, где стоит автомат с вкусным кофе «Три в одном».

- Конфеты? Какую найти для вас книгу? Как спалось-отдыхалось? С кем ещё хотите встретиться? – всё заботило нашего ответственного и крайне исполнительного попечителя. К тому же именно в один из фестивальных дней её дочь получала диплом медика в университете. Причём красный диплом! Как маме обойти этот исторический для неё момент! Хоть разорвись, а нужно купить цветы и бежать к дочери! А перед этим помочь ей нарядиться в красавицу-выпускницу!

К мемориалу казакам-первопоселенцам в устье Зеи на Амуре Оксана Праскова повезла нас лично. С нами ехала гид из областного краеведческого музея.

Хлебнули приключений и трагических испытаний первые казаки, пришедшие в 1856 году в эти места. Пришли они из Забайкалья. На возвышенности над Амуром, в устье его притока реки Зеи, основали пост, который так и назвали: Усть-Зейский. Обосновались в землянках, и в первую же зиму, оказавшуюся суровой, потеряли многих своих товарищей. От болезней и голода умерли 29 казаков. На месте первой станицы установлен Крест, в основании которого высечены имена погибших тогда первопроходцев. Среди них, например, два Власова, четверо Забелиных, трое Курбатовых, трое Перфильевых, пятеро Трухиных и двое Тюменцевых – Никита и Софрон. Пишу Тюменцевых по именам потому, что на Камчатке много людей с такой фамилией, их предки тоже поселились на полуострове примерно в середине 19 века, а один из их потомков, бывший министр образования Камчатского края Виктор Леонидович Тюменцев собирает родословную, и, возможно, ему информация об амурских первопроходцах пригодится.

Казаков в Благовещенске почитают. После присоединения к России Приамурье стало казачьей, порубежной землёй. В областной научной библиотеке в Благовещенске казачеству отделили целую комнату, в которой организована экспозиция, рассказывающая об истории казачьей жизни на берегах Амура, выставлены книги о казаках, проходят их сборы. Амурское казачье войско выпускает книжную серию «Библиотека дальневосточного казачества». Камчатские казаки к забайкальцам и уссурийцам не относятся, наш полуостров гораздо

раньше обживали якутские казаки, то есть, сибирские, но во время Крымской войны, а именно в 1854 году, губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев послал в Петропавловск отряд забайкальских служивых, которые помогли камчатцам отразить англо-французское нападение, отстоять Камчатку для России. Так что связь наша тесная.

Почётный атаман Амурского казачьего войска Владимир Викторович Крюков сам много пишет о казачестве и является основателем и редактором упомянутой мной серии «Библиотека дальневосточного казачества». А войсковой старшина, член правления Амурского окружного казачьего общества Станислав Митрофанович Сахончик, член Союза писателей России, бывший моряк, судовой врач, несколько лет возглавлял Амурскую писательскую организацию. Он приходил на встречу с нами, гостями фестиваля, мы общались.

Станислав Сахончик подарил мне одну из книг казачьей серии, это сборник с названием «Амур-богатырь». В нём работы нескольких авторов, казаков. Для меня в книге открытий много! И все приятные. Одно из главных открытий – исторические исследования Сергея Юрьевича Косяченко. В предисловии к его работам сказано, что он потомственный уссурийский казак, есаул, по роду деятельности журналист, работал в газетах «Приамурские ведомости», «Тихоокеанская звезда», «Дальневосточный казачий вестник». Автор нескольких исторических документальных книг, в том числе «Золото приамурских атаманов», «Пираты морей студёных», «И тусклых погон серебро» и др. Получается, что передо мной интересная личность.

Второе открытие – казачий поэт Леонид Волков. Он родился в Санкт-Петербурге в 1870 году, дворянин, служил хорунжим в Амурском конном казачьем полку, автор двух прижизненных сборников стихов. Убит в бою осколком гранаты в июле 1900 года (при ликвидации Боксёрского восстания) в районе китайского поселения Айгунь. Читаю в сборнике его стихи и вижу Дальнюю Россию тех лет, её историю. Это его строчки, их знают многие:

*Мы твёрдо стали на Амуре,
Вошли в открытый океан...*

И далее поэт продолжает перечислять наши приобретения на Дальнем Востоке, многие из которых сегодня, увы, ушли из нашей

географии или забыты, позаброшены. Но тогда, при авторе:

*Ещё не все сошли в могилы,
Ещё живут в глухих углах
Борцы, растратившие силы
На бесприютных берегах...*

И, конечно, настоящее открытие – казачка, поэтесса Лариса Николаевна Клещенко, увы, уже покойная, умершая в 2018 году. Вот уж кто жил казачьей темой! Недаром ей был присвоен чин хорунжего Уссурийского казачьего войска. О ней говорят, что она всегда стремилась к объединению казачества, разорванного политиками на общественных и реестровых. И ещё была она лириком.

*Ах, тайга, тайга дремучая,
До чего ж ты широка,
Заманила и измучила
Ты в объятьях казака...*
(Встреча).

И была гражданином, переживающим, болеющим за Россию, за её уголки и регионы:

*Хопёр... Душа летит к тебе.
Казачьей песней в сердце бьётся.
То плачет о твоей судьбе,
То дерзко, с вызовом смеётся...*
(Хопёрским казакам).

Сам Станислав Сахончик, подаривший мне казачий сборник, пишет в основном о море, которому посвятил годы жизни. Он хороший рассказчик, весельчак, юморист, поэтому без улыбки, а то и весёлого смеха его читать невозможно. Знакомство с ним, конечно же, обогатит меня, как и знакомство с нынешним председателем Амурского писательского отделения Союза писателей России Павлом Андреевичем Савинкиным, который показался человеком разносторонним, увлекающимся, большим любителем и знатоком живописи и рисунка, он даже сводил нас с магаданцем Павлом Ждановым в мастерские амурских художников. Мы с моим магаданским другом благодарны Павлу Савинкину за знакомство с художниками Владимиром Серебряковым и Анатолием Тахаевым. Причём Анатолий Алексеевич Тахаев настолько и сразу покорила меня своим творчеством, что я договорился с ним о том, что он сделает иллюстрации к моей книге

«Женщина для бродяги», которая пока в работе. И этот очерк, скорее всего, в неё войдёт. И рядом с этим текстом я поставлю фотопортрет Тахаева, который мастерски сделал Павел Жданов.

Есть творческие люди, художник ли это, писатель, музыкант или танцор, которые моментально приходятся тебе, что называется, ко двору. Ты почти сразу, ещё на уровне интуиции понимаешь, что этот человек, творец, твой. Смотришь на рисунок, или только-только начинаешь читать текст, а уже видишь близкого тебе по духу, по восприятию мира человека. Так случилось у меня, например, с писателями Геннадием Ивановым, с Михаилом Тарковским, Мариной Масловой, Валентиной Ефимовской. Так же было с издателем Павлом Ждановым, книги которого не хотелось выпускать из рук. И с издателем Аркадием Елфимовым тоже самое. А теперь – художник Анатолий Тахаев. Его работа «Благо-Вещенск. Амур. Зея», выполненная в вертикальной плоскости, высокая, как тотемный столб, а сам рисунок обрамлён речными потоками-волнами, от низа до верха ведёт взгляд по историческим событиям от фигур аборигенов, ангела, Муравьёва-Амурского и державных, и православных символов до расцветших садов и, в самом верхе заканчивается жалкими избушками, похожими на те, которые описывает поэт Геннадий Иванов: «Лишь избы в стёганках бревенчатых дают тепло нам и покой...». От грандиозных завоеваний, приобретений и расцвета державы – до жалких изб «в стёганках бревенчатых» в наше время. Это путь России до сегодняшнего дня. И, рассматривая картину, я вслух прочитал Анатолию Тахаеву и Павлу Жданову отрывок из стихотворения опять же из Геннадия Иванова, которое приведу здесь полностью:

*Встаёт мой дед и говорит: «А где Россия?»
Встаёт мой прадед и опять: «А где Россия?»
И третий, и четвёртый: «Где Россия?»
«Россия где?» – мне предки говорят.
А я в ответ: «России больше нету».
А я в ответ: «Она осталась с вами».
А я в ответ «Её уже не будет.
России нету места на земле».
И дед, и прадед, третий и четвёртый
Глядят в глаза мне. «Быть того не может!
Не может быть! Хоть что-нибудь осталось.
Ищите, мы поможем», – говорят.*

Вот и соединились две силищи – поэт и художник. И я воскликнул: «Это же иллюстрация для Геннадия Иванова!» А затем мысль перекинулась на собственные сочинения, я стал присматриваться к прочим работам Анатолия Тахаева, и вскоре убедился, что здесь найдутся картинки и для меня. Здесь есть многое, если не всё: и счастье, и несчастье, и боль, и радость, и семья, и разлука, есть великая российская история. И есть надежда на расцвет нашей Державы, вера в её людей. «Не может быть! Хоть что-нибудь осталось!» Конечно, осталось. Мы это видим, мы нашли, мы впряжёмся, и мы отстоим! И помогут нам память о великих деяниях предков, наша Вера, наша любовь к России. Мы соскребём с кожи России налипших паразитов, очистим её и, излечившись, двинемся вперёд! К тому же пример соседнего Китая нам в этом поможет. Выступая на торжестве в честь столетия компартии КНР лидер страны Си Дзиньпин пообещал своим гражданам современное социалистическое государство, а недругам страны – разбитые головы. Головы разбивать необязательно, но русский меч в ножнах нужно держать наготове. Без меча в современном мире не обойтись.

Возил нас Павел Савинкин в Благовещенский медицинский колледж. Возил для того, чтобы показать многочисленные работы местных художников, украшающие коридоры колледжа. Это здорово – превратили колледж в выставочный зал. И ведь к месту пришлось! Юные души студентов наверняка тянутся к изображённому на картинах. А картин много, имён художников много, и темы самые разные.

Есть в колледже свой музей, рассказывающий о сестринской службе милосердия и Российском обществе Красного креста. Музей не тот, к каким мы привыкли, он интерактивный, современный, с использованием последних достижений цифровой технологии. Конечно, в нём воссоздана история сестринства в Амурской области, но это пример другим регионам, и мы с Павлом Ждановым с белой завистью слушали заведующую музеем и разглядывали фото и видеоматериалы, представленные в музее. И фактический материал богатый, и технологии его показа применены самые передовые для нашего времени!

А Павел Савинкин, видя наш интерес и наше изумление, довольно покрывал и перглядывался с заведующей. В колледже, как и в музее, он, видно по всему, свой человек, хотя занимается совсем другим делом – журна-

листикой и литературным творчеством. Но, как настоящему журналисту, ему интересно всё, особенно творческие, талантливые люди. Он – автор уникальной книги «Неспешные прогулки», в которой собраны живые, очень зримые биографии многих благовещенцев, которые активно проявили себя в общественной, культурной, трудовой жизни, встали в первые ряды значимых людей Приамурья. Для каждого персонажа написана небольшая, но ёмкая новелла, проиллюстрированная фотопортретом героя.

Наши с Павлом Ждановым творческие встречи с благовещенцами также провёл Павел Савинкин. Провёл живо и интересно. А позже в фейсбуке высказал своё мнение об этих встречах. Вот его слова обо мне:

«Читаю одновременно две книги и обе принадлежат одному автору – Александру Смышляеву – геологу, телережиссёру, писателю (он столько книг уже написал, что его тёзка с фамилией Дюма горько плачет, завидуя!). Одна книга – полудокументальная, но читается, как художественная («Время полярных бродяг»), вторая – художественная, но всё в ней – истинный документ, ни словечка придуманного («Домик под вулканом»).

О ком книги? Да о самом Сан Саныче! Герои, с которыми я встретился на страницах – первопроходцы, романтики, бродяги (э-э, в самом высоком смысле этого слова!), короче – настоящие мужчины! Если конкретно об именах, то это Олег Куваев, Альберт Мифтахутдинов, Владимир Милаев – всех не буду перечислять. Это те, чьи судьбы связаны с Севером. С ним – с Севером – тесно связана и жизнь самого Александра Александровича.

Его книги – о людях, для кого главное в жизни не деньги, не жизненные удобства. Они твёрдо подчиняются неписанному своду законов, по которым и определяется ценность человека. Это умение работать и преданность вере в то, что это и есть единственная правильная жизнь на земле. Его книги - о тех, про кого слагают песни о туманах и запахах тайги, о жизни километрами, а не квадратурой квартир, о снеге над палаткой, – о жизни, движимой Большой Мечтой... Многие из нас о такой мечтали в юности. Но у нас не сложилось. А у Сан Саныча и героев его книг – вот, пожалуйста!

Книги читаю, как кино смотрю. Даже нет, не так, – как будто сам вместе с суровыми немногословными парнями брожу по тундре,

спускаюсь по ледяным рекам, взбираюсь на заснеженные сопки, чуть не срываясь в пропасть или чуть не погибая в стремнинах.... Настолько всё живо написано!

Счастлив, что познакомился с автором названных книг, северянином, романтиком (собственно, это синонимы) до мозга костей, бродягой (э-э... в самом высоком смысле этого слова!) Александром Смышляевым.

Спасибо нашей областной библиотеке и Российско-Китайской ярмарке».

И от нас с Павлом Ждановым спасибо библиотеке и международной ярмарке за приглашение, за возможность побывать на Приамурской земле, окунуть ноги в полководный Амур (мы с Павлом сделали это!), познакомиться с замечательными людьми, в том числе писателями, художниками, историками, библиотекарями.

Произошла у меня и встреча с поэтом Еленой Войтенко. Мы знакомы с ней с 2015 года, вместе были на литературном форуме в Харбине, я написал о творчестве Елены небольшое эссе. И вот, снова увиделись здесь, в Благовещенске. После отъезда Нины Дьяковой в Москву, Елена Войтенко заняла её место заведующей литературной частью в Амурском областном театре. Ей было очень некогда, она сдавала спектакль, но всё же пришла на мой творческий вечер. И принесла банку приамурского мёда. Оказывается, её отец держит пасеку. Уж не знаю, с каких травостоев собирали здешние пчёлки мёд, но он вкусный и душистый! Жаль, так и не поделился этим мёдом с Павлом Ждановым, для магаданца он был бы в самый раз при простудах, да и к чаю у костра во время многочисленных походов Павла по Колыме.

Мне показалось, что Павел Жданов хорошо вписался в фестиваль. Книги его издательства «Охотник» впечатлили амурцев интересным и грамотным дизайном и, конечно, содержанием. На встрече с ним задавалось много вопросов, и большинство из них касалось полиграфического качества книг и того необычного, интересного дизайна, который применяется при их вёрстке. Целый мастер-класс мог бы дать Павел, если бы в зале собрались издатели. Это человек, который не просто любит своё дело, а горит им. Он знаком со многими известными книгоиздателями России, и они, в свою очередь, дорожат дружбой со Ждановым, с ним можно говорить о книге бесконеч-

но, и всякий раз удивляться его свежим суждениям.

Он и друг замечательный – отзывчивый, внимательный, терпеливый. Видя, что мне трудно много ходить из-за болей в коленях (геология даёт о себе знать), при расставании в аэропорту купил и подарил мне средство от этой напасти – таблетки «Огнёвка». Житейские дела зачастую деликатные, поэтому не стану рассказывать о других многочисленных случаях, когда Павел подставлял мне, да и другим, своё крепкое, надёжное плечо.

По утрам мы встречались с ним в гостиничном ресторане, завтракали и спешили в фестивальные будни, которые иногда превращались в работу, но чаще оставались действительно праздниками – если не для усталого тела, то для ненасытной души точно.

4.

С амурской землёй связана история Албазинского острога – первого русского поселения на юге Дальнего Востока. Он был основан Ерофеем Хабаровым и отстроен русскими казаками-первопроходцами на левом берегу, почти в верховьях Амура, и просуществовал всего ничего – с 1650 по 1689 год, но это были годы героические и трагические. Вокруг Албазина стали строиться и другие остроги. Но маньчжуры не хотели мириться с тем, что на этих землях селятся русские, и постоянными набегами не давали им мирно жить. В 1685 году они осадили Албазинский острог и сожгли. Казаки были вынуждены уйти в соседний Нерчинск. Через некоторое время русские вернулись и заново отстроили острог. Но через год, в 1686 году, маньчжуры опять пришли к стенам Албазина. Осада длилась несколько месяцев, но защитники острога выстояли, хотя мирного существования уже не получалось, набеги маньчжуров продолжались. В 1689 году известие о том, что Русское государство и Цинский Китай подписали Нерчинский договор о границах, в результате которого Албазинский острог попадал на китайскую территорию, заставило казаков прекратить борьбу. Они в большинстве своём были с семьями увезены в Китай, где в нескольких последующих поколениях сохраняли православие и русский образ жизни. Память о славных албазинцах всегда жила в русском народе, особенно у казаков. Вблизи Благовещенска, на закрытой территории военного полигона, ныне отстроена деревянная копия внутренней крепо-

сти Албазинского острога – малый острог, и нам, участникам фестиваля, дали возможность посетить её.

Да, брёвна свежие, по-современному строго оцилиндрованы, пригнаны одно к одному, без изъянов, но крепость построена по старым чертежам, поэтому во многом передаёт облик бывшего острога – башни, маршевые лестницы, пока нет бойниц, но их выпилят. В башнях формируются экспозиции, показывающие быт албазинцев, вооружение, одежду и т.д. Копия крепости стоит на землях военного ведомства в парке «Патриот», сооружена на деньги золотодобытчиков и опекается лично губернатором Амурской области. Экскурсии в остроге проводят гиды Амурского областного краеведческого музея – по моему мнению – лучшего исторического музея на Дальнем Востоке.

В этом же музее с недавних пор хранится икона святых преподобных Зосимы и Савватия Соловецких с Деисусом и избранными святыми, которую 1 мая этого, 2021 года, как раз в Пасху, нашли рабочие при выемке грунта в котловане под опору строящегося Зейского моста в Благовещенске. Пресса сообщала, что «рабочий, обнаруживший икону, сначала принял её за кусок металла и отбросил в сторону, но течением воды икону вновь прибило к его ногам. После этого рабочий Александр Вайгандт разглядел предмет более внимательно и понял, что это не просто металл. Икону сотрудники «УСК "Мост"» сразу же передали в госинспекцию по охране объектов культурного наследия Амурской области».

Явление иконы происходило почти одновременно с торжественным открытием описанного выше Албазинского острога на территории полигона «Патриот». Не чудо ли!

Иконой и её историей заинтересовался поэт, член Союза писателей России Владимир

Татауров, который периодически живёт и трудится в Соловецком монастыре. Он задумал писать поэтическое произведение на эту тему. Возможно, это будет поэма. По его просьбе я сфотографировал икону после согласования с музеем и взял копию её экспертного описания – наверняка это пригодится поэту.

Да, Благовещенск и его нынешний фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» незабываемы. Я увёз из Приамурья хорошие чувства, много записанных адресов и номеров телефонов, фамилий новых друзей. И новые книги со стихами и прозой.

*От огня – огонь, от любви – любовь,
Из того, что есть, будет что-то вновь.
От твоей свечи малого огня -
И тепло, и свет завтрашнего дня...*

(Н. Левченко).

Широко разлился Амур, провожая нас с Павлом Ждановым. Мы уезжали из Благовещенска в Белогорск, чтобы там сесть в поезд до Хабаровска и уже оттуда улететь: я – на Камчатку, Павел – на Колыму. Но Амур словно не отпускал нас. Вот уже Владимировка, и её уже проехали, а разлившиеся воды Амура и Зеи всё ещё рядом с автодорогой. Наводнение, людские трагедии, беда. Местные жители остаются с этой бедой, а мы уезжаем. Но будем сочувствовать им, переживать за них, и помнить каждый из тех дней, что провели на этой земле. Нас огородили от трагедий половодья теплом гостеприимства, и это по-сибирски, по дальневосточному, по-хозяйски. Спасибо, амурчане, амурцы, благовещенцы! Храни вас Бог!

Июнь-июль 2021

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Солнечный, уютный наш... : к 165-летию города Благовещенска : информ.- библиогр. путеводитель / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2021. – 176 с. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Благовещенск – единственный из российских областных центров расположен на государственной границе России и Китая. О Благовещенске слагают стихи и песни, пишут романы, посвящают спектакли и выставки. О малой родине с упоением рассказывают люди, которые нашли себя и освещают путь другим – амурские прозаики и поэты.

Информационно-библиографический путеводитель «Солнечный, уютный наш...», посвящённый 165-летию города Благовещенска, позволяет по-новому взглянуть на город и заново в него влюбиться. В издании представлен художественный образ столицы Приамурья, созданный в поэтических и прозаических произведениях амурских и китайских авторов. Содержание путеводителя подчёркивает уникальное ощущение открытости мира, которое определяет самосознание не только всех жителей приграничного города на Амуре, но и его гостей.

Библиографические описания снабжены QR-кодами для перехода на полнотекстовый электронный ресурс «Литературное Приамурье» ГБУК «АОНБ им. Н. Н. Муравьёва-Амурского».

Данный путеводитель является первым выпуском издательского проекта «Город можно как книгу читать».